

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 6

**Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2011**

ББК 63.211
И 91

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Авторы:

Я.Г.Солодкин (разд. 1, гл. 1, 2), *В.В.Митрофанов* (разд. 1, гл. 3),
Т.В.Козельчук (разд. 1, гл. 4), *И.И.Кротт* (разд. 1, гл. 5; разд. 2, гл. 1),
А.Б.Храмцов (разд. 1, гл. 6), *Л.В.Алексеева* (разд. 1, гл. 7),
О.В.Ищенко (разд. 2, гл. 2), *С.Н.Решетникова* (разд. 2, гл. 3)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Я.Г.Солодкина*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (филиал в г.Нижевартовске) *В.В.Митрофанов*;

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин Западно-Сибирского Института
Финансов и Права *Л.В.Мокина*

И 91   **Источниковедческие и историографические аспекты сибир-
ской истории:** Коллективная монография / Под общ. ред. Я.Г.Со-
лодкина. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та,
2011. Ч. 6. — 206 с.

ISBN 978–5–89988–873–1

В очередной части коллективной монографии раскрывается
значительный круг проблем источниковедения и историографии
истории Западной Сибири XVII—XX вв., важных для осмысле-
ния путей и форм развития этого обширного региона Азиатской
России рассматриваемого периода.

Для ученых, краеведов, студентов, всех интересующихся
прошлым Сибири последних столетий.

ББК 63.211

ISBN 978–5–89988–873–1

© Издательство НГГУ, 2011

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.**

Глава 1

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ЗАРОЖДЕНИЯ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ (К 375-летию «Повести» Саввы Есипова)

Вскоре после учреждения Тобольской епархии, в 1620-х — середине 1630-х гг., в «Сибирском царстве» московских государей возникает летописание (которое издавна существовало на Руси). Каким образом это произошло, остается не вполне ясным и с появлением недавно новых специальных исследований¹, что в первую очередь объясняется малочисленностью сохранившихся источников².

По давней традиции А.А.Селин считает инициатором сибирского летописания Киприана Старорушанина. Дьяки этого первого тобольского владыки, как утверждается в одной из книг Р.Г.Скрынникова, составили произведение в форме повременных записей, «распространенное» в 1636 г. Саввой Есиповым³. Это мнение противоречит более ранним выводам видного историка последних десятилетий о том, что в середине 1621 — начале 1624 гг., когда Киприан находился в Тобольске, был сочинен лишь синодик «ермаковым казакам» (далее — С), а летопись, явившаяся основой «Повести о Сибири и о сибирском взятии», возникла позднее.

Если предшествующие помянники, насколько известно, представляли собой лишь перечни погибших, иногда с датами (к примеру, записи синодиков по убитым близ Казани в 1506 г. и полвека спустя, а также в начале Ливонской войны)⁴, то С, хотя он и не вышел за пределы сибирской столицы⁵, наряду с оценкой прославленной зауральской экспедиции содержит сведения о ее хронологии и последовательности важнейших событий.

Скорее всего, создатель помянника атаманов и казаков, павших в боях с «погаными», был отнюдь не начинающим книжником. Так, употребленное им выражение «жнуще нечестивых, яко же класы» находит аналогии во многих литературных произведениях средневековой Руси⁶, как и фраза «обнаживше мечи

на нечестивья»⁷. Об «уреченном месте» помимо С мы не раз читаем и в Летописной книге о Смутном времени⁸.

Заметим, что восходящее к Ремезовской летописи представление об официальном утверждении С в 1636 г.⁹ должно считаться ошибочным.

По мнению А.И.Костанова (которое не раз высказывалось и прежде), С лег в основу Есиповской летописи Основной редакции (далее — ЕЛ). Вместе с тем исследователю думается, что сибирские летописи создавались не по воспоминаниям (нашедшим отражение в С) ветеранов знаменитой экспедиции против кучумлян, а при помощи документов, составленных вслед за событиями «Ермакова взятия» «прямыми участниками»¹⁰. Этот взгляд, перекликающийся с суждением В.И.Сергеева, не подкреплен какой-либо аргументацией, да и сделать это затруднительно. Так, дьяк Софийского дома, дважды называя источники своего «сложения», о документах ермаковцев не упоминает. Кроме того, в Тобольске, основанном в 1587 г., материалы времени «Сибирского взятия» (известные ученым наперечет) ко второй трети XVII в. едва ли и сохранились, особенно после нескольких пожаров. Следует отклонить и заключение Д.Н.Верхотурова, что Есипову были известны лишь С и рассказы казаков, участвовавших в завоевании «Кучумова царства»¹¹. Подобно Р.Г.Скрынникову есть основания думать, что главным источником, который оказался в распоряжении создателя ЕЛ, стало «распространенное» им «писание» — скорее всего, не «скаска» «ермаковых казаков» («Написание» (далее — Н), переданное ими на владычный двор, как полагал С.В.Бахрушин), а тобольская летопись, вероятно, тоже возникшая в стенах Софийского дома.

Е.И.Дергачева-Скоп пришла к выводу (повторенному В.К.Зиборовым и Л.С.Соболевой), что протографом ЕЛ явился Румянцевский летописец (далее — РЛ). Вслед за Е.К.Ромодановской, И.Ю.Серовой и В.Г.Вовиной-Лебедевой соотношение этих памятников можно считать обратным. О вторичности так называемой «Повести о Сибири» сравнительно с ЕЛ свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что первые государевы воеводы, отправленные за Урал из Москвы, называются в РЛ Семеном (а не Иваном) Глуховым (Симеоном Глуховским) и Иваном (вместо Семена) Болховским (Иоанном Болховским)¹² (что по недосмотру

повторено А.В.Матвеевым и А.И.Голомяновым¹³). В 4-х списках ЕЛ Глухов (Хлухов) именуется Семеном. Очевидно, аналогичным списком располагал создатель РЛ.

Обратим внимание и на то, что в 7-ми из 28-ми привлеченных к изданию списках ЕЛ князь С.Д.Болховский называется Волконским¹⁴. Г.Ф.Миллер, отмечавший многочисленность рукописей сочинения Есипова во всех сибирских городах, пользовался ее списками только с таким чтением. Это может свидетельствовать об утрате едва ли не большинства рукописей «Сказания» «архиепископля» дьяка, бытовавших во времена «отца сибирской истории»¹⁵.

Заметим, что говоря о распределении материала в ЕЛ по годам правления воевод¹⁶, Д.Я.Резун спутал произведение софийского приказного с поздней (Распространенной) редакцией этой летописи.

Примечательно, что в ЕЛ бой называется «дракой», как во многих казачьих отписках и челобитных¹⁷. Но выражения «драхуся», «дратися» употребляются в описаниях сражений и во многих литературных памятниках¹⁸, влияние которых могла испытать «Повесть» Есипова. Фразе «беседуя к вашей любви» из концовки ЕЛ тоже можно обнаружить параллели в древнерусской книжности¹⁹.

По заключению Е.К.Ромодановской и А.Т.Шашкова, ЕЛ предшествовал Погодинский летописец (далее — ПЛ), который (либо его протограф) отождествляется или сближается этими исследователями с Н соратников Ермака. Противоположное суждение о взаимоотношении названных памятников, обоснованное Р.Г.Скрынниковым, гораздо вероятнее.

С точки зрения М.А.Демина, автор ПЛ не в изложении Есипова, а непосредственно, знал шерстную грамоту, т.к. в «Повести летописной, откуда начяся царство бисерменское в Сибири...» сказано, что русские присягу у инородцев принимали «по их верам», а не «вере», как читаем в ЕЛ²⁰. Приведенный довод нетрудно опровергнуть: единственное число на множественное в указанной фразе мог заменить редактор есиповских «тетрадей». Так, если дьяк трех крыду сибирских владык, повествуя об истреблении «злочестивыми» отряда Ивана Кольца, упоминает про «шерть (Карачи. — Я.С.) по своей вере», то в ПЛ последняя вдобавок названа «безбожной»²¹. Кстати, в заглавии ПЛ сказано о вере «бусорменской» и православной «крестьянской» вере. Укажем также, что в некоторых

источниках о вере и верах часто говорится в одинаковом значении²². (Соответствующее замечание ПЛ представляется более точным, нежели в ЕЛ, ибо согласно последней, «вогуличи ... поклоняются идолом», «тотар[ов]я закон Моаметов держат; ... остяки, и самоеды закона не имеют, но идолом поклоняются»; «закон же царя Кучюма [и] иже под областью быша, держаще Маамета проклятого, инии же кумиром поклоня[юш]ся»²³).

Е.К.Ромодановской поначалу думалось, что на название ЕЛ, очевидно, повлияло Сказание об Абалацкой иконе Богородицы, отдельные фразы которого находят соответствие в сочинении Есипова, что естественно ввиду одновременности его работы над летописью и явлением чудотворного «образа»²⁴. Позднее исследовательница пришла к заключению о зависимости этого Сказания от ЕЛ²⁵, что представляется более оправданным.

К числу источников «сложения» Есипова, думается, едва ли можно отнести и так называемую шертную грамоту (Р.Г.Скрытников отчего-то принимал ее за составленное в Посольском приказе царское послание «велеумному» атаману), даже по другой рукописи, нежели та, к которой восходит дошедшая до нас копия конца XVIII в. Эта «грамота», представляющая собой сообщение о «Сибирском взятии» («Изволением всеильного Бога и его Великого Г[о]с[уд]даря царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России самодержца щастием, Ермак с своими товарищами царство Сибирское взяли ... стоять крепко и непоколебимо до века») с перечнем принимаемых на себя обязательств (известных и документально, например, служить, «прямить» и «во всем добра хотеть» московскому государю, показывать «правду», выдавать властям «тех воров, в которых почаяют шатость и воровство»²⁶), напоминает извлечение из ЕЛ, впрочем, подвергнувшееся редактированию (в соответствующей главе сочинения Есипова умалчивается о том, что ермаковцы «Кучума победили и в бегство обратили, многих татар, остяков и вогуличей покорили его царского величества державе ... стоять крепко и непоколебимо до века»²⁷). Кстати, в Титовской, Абрамовской, Забелинской разновидностях ЕЛ, Нарышкинской и Академической редакциях Сибирского летописного свода интересующие нас строки «писания» первого известного нам по имени тобольского книжника оказались более или менее существенно измененными²⁸.

Софийский дьяк уверяет, будто предводитель знаменитой экспедиции и его сподвижники многих иноземцев привели к шерти, «что быть под его царскою высокою рукою до веку, ... и ясак им давати государю по вся лета без переводу ... А которые похотят к государю в его государьскую службу, и тем бы ево государьская служба служить прямо»²⁹. Но могли ли вольные казаки, да еще и «воровские», выступать от имени «яростиваго» самодержца? Кроме того, о двух вогульских волостях — Конде Большой и Конде Малой — известно, что их жители начали платить ясак с 1588/89 и 1591/92 гг., причем в Тобольск³⁰, а отнюдь не со времени «покорения» «Кучумова царства». (Есипов не сообщает о подчинении «русским полком» проживавших на берегах Туры вогулов, упоминая лишь о том, что они подобно татарам, остякам и другим «языщем», подвластным «безбожному» хану, сражались в рядах его войска с казачьей «дружиной». В главе ЕЛ «О пришествии ... во град Сибирь» остяков и татар, что, оказывается, случилось накануне поездки сеунчиков к царю Ивану, также нет речи о принесении шерти бывшими подданными Кучума. Остяцкие «городки и улусы» по Иртышу и «великой» Оби, если верить «слогателью» этой летописи, были покорены ермаковцами уже после отъезда их «товарищей» в Москву³¹).

О том, что казачья «отписка» Грозному была сочинена Есиповым (или «преж» него «списавшим» «летопись Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде»), свидетельствует и то, что в рассматриваемой главе произведения владычного дьяка говорится «Изволи Бог предати христианом Сибирскую землю ... изволением всемиловитова [в Троицы] славимого Бога ... царство Сибирское взяша», а ранее и позднее читаем «О Сибирьстей стране, како изволением Божиим взята бысть от рускаго полка», «како Божественным изволением взята бысть от православных христиан», «Бог восхоте царство его (Кучума. — Я.С.) ... предати православным христианом», «Божественным изволением и повелением»³². К тому же сеунч обычно — это весть о победе³³, так что сомнительно, будто ермаковцы «писали» Грозному и о приведении к шерти «иноземцев» Сибири. Атаманы и казаки могли огранчиться сбором ясака, что по тем временам означало, как отмечал Д.Я.Резун, «переход в подданство России»³⁴.

Думается, приказный архиерейского дома, используя имевшуюся в Тобольске «шертовальную» (шертоприводную) запись сибирских иноземцев³⁵, и поведал о приведении их к присяге накануне поездки сеунчиков Ермака в Москву — присяге, которая, как и эта поездка, может считаться «вымышленным обстоятельством».

В ПЛ «есиповское» изложение «отписки» атаманов и их «товарства» царю Ивану подверглось редактированию, о чем, между прочим, свидетельствует следующее наблюдение: если в «Сказании» софийского дьяка говорится об «иноземцах», вынужденных казаками принести шерть, то в «Повести летописной...» (причем дважды) — про «иноязычных людей», упомянутых и прежде, в начале получившего широкую известность среди ученых с 1980 г. памятника³⁶. (Об «иноземцах» сказано во многих источниках сибирского происхождения³⁷, зато лишь в Забелинской разновидности ЕЛ названы «иноязычницы»³⁸).

Примечания

¹ См.: Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания: источниковедческие очерки. Нижневартовск, 2005; Он же. Становление сибирской летописной традиции: Спорные источниковедческие проблемы. Нижневартовск, 2009.

² Гольденберг Л.А. А.И.Андреев как историко-географ // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 295 (Бахрушинские чтения, 1969).

³ Скрынников Р. Иван Грозный. М., 2002. С. 412; Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 399. Примеч.

⁴ См.: Рыков Ю.Д. Церковно-государственные помянники русских воинов, погибших в начале Ливонской войны, по данным синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. М., 2010. С. 167, 181, 182, 186, 188, 190—194, 196—198, 200, 202, 205—206; Он же. Малоизвестная запись синодика Московского Архангельского собора о детях боярских, погибших в боях за рекой Ошитою во время похода русского войска из Казани и Свияжска в июне 1556 г. // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти академика Л.В.Черепнина. М., 2010. С. 118, 121, 137; Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV — начале XVI века // Там же. С. 680—681, и др.

⁵ Это наблюдение, сделанное Е.К.Ромодановской, в частности, подтверждается тем, что в 1625 г. сибирский архиепископ Макарий предписывал властям томского Успенского монастыря «завести ... сенадик, вседневную литию, и вписати государские родители и вкладчицкие» (Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 323).

⁶ См.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1909. Т. 13. 2-е изд. Стлб. 7, 34; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 85. Ср.: С. 62, 126, 152; Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Тр. Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 247; Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 524, 554. Ср.: С. 336; Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 284, 320, 330; Ромодановская Е.К. Избр. тр.: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 133, 341—342, 344; Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 304. Ср.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1978. Т. 34. С. 214.

⁷ См.: Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 233; ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 250; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 516; ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 16.

⁸ См.: ПЛДР: Конец XVI — начала XVII веков. М., 1987. С. 392—394, 412, 418. Л.С.Соболева, цитируя соответствующую строку С, не указывает, что она лишена оригинальности (Соболева Л.С. «Государев атаман»... С. 303).

⁹ См.: Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 7, 198; Ромодановская Е. Есиповская летопись. К 370-летию первой летописи Сибири // Сибирские огни. 2006. № 8. С. 168; Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень, 2006. С. 27; Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010. С. 112, 143.

¹⁰ Костанов А.И. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 61. Ср.: С. 29, 30. Подобно многим предшественникам, А.И.Костанов называет автора ЕЛ то дьяком, то подьячим (Там же. С. 60—62).

Как был убежден В.Г.Мирзоев, о Есипове лишь известно, что он являлся архиерейским подьячим (Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 111—112). Это ошибка, см.: Солодкин Я.Г. Тобольский летописец Савва Есипов // История Сибири в биографиях. Сургут, 2009. С. 3—10.

¹¹ Верхотуров Д. Покорение Сибири: Мифы и реальность. М., 2005. С. 38, 39. Утверждения, будто в ЕЛ помещена родословная Ермака, эта «Повесть о Сибири ...» «посвящена памяти» «ратоборного» атамана (Ермак Тимофеевич: Славный сын земли Русской: Летописные материалы: Народные песни: Предания. Свердловск, 1989. С. 125), неверны.

¹² ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 34, 39, 60. Ср.: С. 74. См. также: Там же. М., 1965. Т. 14. С. 33; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 93—95.

¹³ Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска: Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 137; Казаки Тюменского региона... С. 17; Голомянов А.И. Народные предания о Ермаке и сибиряках-«чалдонах» // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 221.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 36. С. 60. По указанию А.В.Сиренова, в Хронографической редакции Латухинской Степенной книги использована какая-то «Сибирская история» (Сиренов А.В. О работах по исправлению печатного летописца в 1703 г. // Летописи и хроники: Новые исследования: 2009—2010. М.; СПб., 2010. С. 362). Возможно, это ЕЛ, которая порой называлась «гисторией сибирской», «сибирской историей», «Гисторией о Сибирской земле», см.: ПСРЛ. Т. 36. С. 72. Примеч. 44; / Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. / Предисловие // Там же. С. 24; Сибирские летописи. СПб, 1907. С. 171.

¹⁵ Считать, что Г.Ф.Миллер предпочитал ЕЛ Ремезовской (Пронштейн А.П. Источниковедение в России: Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989. С. 90), как, например, показано в работах В.Г.Мирзоева, не приходится.

¹⁶ Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 59.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 70, 299; Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. М., 1998. Кн. 1. С. 341, 342, 366; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук. СПб., 1848. Т. 3. С. 361; Из истории земли Томской: 1604—1917 (Сб. док. и мат-лов). Томск, 1978. Вып. 1. С. 41; Колумбы земли Русской: Сб. документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII—XVIII вв. / Сост., предисл., комм., словарь К.В.Цеханской. Хабаровск, 1989. С. 25, 54.

¹⁸ См.: ПЛДР: Середина XVI века. С. 354; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 398, и др.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 36. С. 72; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 434; Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 346; Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV—XV в. М., 2007. С. 360, 362.

²⁰ Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 132—133. По наблюдению исследователя, автор ПЛ слабо ориентировался в особенностях религиозных воззрений коренных жителей Сибири (Там же. С. 132).

Р.Г.Скрынников был не прочь возвести многие оригинальные сведения ПЛ к архиву Ермака. Этот вывод, получивший распространение в историографии, вряд ли можно признать убедительным. См., напр.: Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990. С. 65; Костанов А.И. Документальная история Сибири... С. 30, 31. Ср.: С. 27; Солодкин Я.Г. Существовал ли архив Ермака? // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 3—8.

²¹ ПСРЛ. Т. 36. С. 61, 134. Ср.: С. 73—77. См. также: Сибирские летописи. С. 44, 89, 91, 92; Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 77; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 65; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 564; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): Сб. правовых актов и документов (далее — СППАУ). Тюмень, 1999. С. 50, 56. В тексте, принятом В.И.Сергеевым, Е.К.Ромодановской и М.А.Деминым за копию шертной грамоты сибирских «иноземцев», о вере (верах) умалчивается (Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского

похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 52).

²² См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 129; ПЛДР: Вторая половина XVI века. С. 200, 204; Опарина Т.А. Новые документы с изложением указа 1627 г. о православной прислуге у неправославных господ // Общественная мысль и традиции... С. 75—81. Выражение «по их вере» нередко попадает в документах (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 65; СППАУ. С. 50, 56, и др.).

²³ ПСРЛ. Т. 36. С. 36, 44, 45, 48. Ср.: С. 49, 168, 191. Примеч. 20—23; С. 259, 316, 346; СППАУ. С. 51; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец... С. 249, 250.

²⁴ Ромодановская Е. К. Сибирские повести об иконах (XVII — начало XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 89 (Сибирь периода феодализма. Вып. 3).

²⁵ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель (далее — ЛП). Новосибирск, 2001. С. 371. Ср.: С. 363, и др.

²⁶ См., напр.: Описание... Кн. 1. С. 225, 226, 278, 304, 329, 332, 336, 344, 347, 353—357, 359, 363; РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стлб. 618. Ср.: Стлб. 631, 642; Материалы по истории русско-монгольских отношений: 1607—1636. М., 1959. С. 64; Покровский Н.Н. Начальные челобитные Томского восстания 1648—1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 101. Ср.: С. 98; СППАУ. С. 60.

²⁷ Сергеев В.И. Источники пути исследования... С. 52—53. Текст, принятый В.И.Сергеевым за «шертную грамоту», по содержанию существенно отличается от документов такого рода. Ср.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 152; Сокуров В.Н. Включение кабардинских земель «черкасских и горских князей» в титул русского царя и политические реалии // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А.А.Зимины. М., 1990. Ч. 2. С. 257.

²⁸ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 85, 93—94, 111, 244—245, 308, 362; Сибирские летописи. С. 206—208. Ср.: ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 560.

²⁹ ПСРЛ. Т. 36. С. 57—58. Ср.: С. 74; Т. 14. С. 33.

³⁰ См.: Описание... Кн. 1. С. 193—196. Ср.: С. 181.

³¹ ПСРЛ. Т. 36. С. 44, 52, 56, 60. С.У.Ремезов, кроме того, писал о бегстве от хана «вогуличей», многие из которых были пленены казаками либо покорены ими еще в 1579/80 г. (ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 551, 555, 558. Ср.: С. 554, 575, 577, 578).

³² См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 48, 69. Ср.: ЛП. С. 89. Кстати, сеунчем называли не только весть о победе, но и соответствующий документ. См.: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. XXI, 206; Буганов В.И. «Взятье полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Вып. 31. 1969. С. 222; Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 104.

³³ См., напр.: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 3, 9, 29, 42, 44, 67, 71, 86, 88, 91, 102, 104—105, 114, 118,

124, 126, 129, 132, 143—146, 158, 163, и др.; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 96, 159, 187, 221, 224; ПСРЛ. Т. 34. С. 188, 225.

³⁴ Резун Д.Я. Русские в Среднем Причулымье в XVII—XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984. С. 39.

³⁵ Об этих записях см.: Перевалов В.А., Коновалов Ю.В. Крестоприводные книги Верхотурского уезда XVII в. (Проблемы изучения и публикации) // Культурное наследие российской провинции: история и современность: к 400-летию г.Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 72; СПШАУ. С. 49.

³⁶ ПСРЛ. Т. 36. С. 57—58, 130, 132—133. Ср.: С. 48, 52, 131.

³⁷ Там же. С. 91, 104, 106, 162, 168, 173, 222, 287, 299. Ср.: С. 93, 94, 143; РИБ. Т. 8. Стлб. 470; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 62, 65, 70, 74—77, 80, 81, 83, 107, 130; Покровский Н.Н. Начальные челобитные... С. 81; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 82, 104, 106, 188, 223, 233; / Конев А.Ю. / Предисловие // СПШАУ. С. 19, 22, 40. Примеч. 45; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. Екатеринбург, 2004. С. 71, 72, 152, и др.

³⁸ ПСРЛ. Т. 36. С. 107.

Глава 2

ОБ ИСТОЧНИКАХ «СИБИРСКИХ» ИЗВЕСТИЙ «КНИГИ ЗАПИСНОЙ»

Источники наиболее обширной, «сибирской», части «Книги записной» (далее — КЗ) — старшей разновидности Сибирского летописного свода (далее — СЛС)¹ — весьма многообразны, но далеко не всегда поддаются убедительному определению. К тому же об одних и тех же событиях в интересующем нас памятнике часто говорится не раз, причем по данным разного происхождения.

Немало статей КЗ отведено строительству сибирских городов и острогов, и считать, что о датах их основания сказано по памяти² явно не приходится. Так, документально известно, что в Тюмени рубленый «город ставлен в 101 (1592/93. — Я.С.) году»³, о чем упомянуто и в КЗ, с указанием, что этот город стоял до 149 г. «и от ветхости весь развалился», почему в следующем году при князе Г.Барятинском был сооружен новый (139, 369). Примечательно, что об этом в записях за 149 и 150 гг. умалчивается (152). (Впрочем, Тюменский «город» строился и в 1622, 1640—1642 гг.⁴, о чем в своде мы не прочтем). Основание Березова приурочено в КЗ к 101 г. Эта дата встречается и в материалах тобольского «сыска» 1636—1637 гг.⁵ Согласно КЗ, первый «Пельымский город» сгорел в 129 г. при воеводе И.Вельяминове (с точки зрения Д.Я.Резуна, летописец сообщил об этом по приказным данным⁶), и два года спустя, уже в период воеводства П.Вельяминова, возвели новый город и острог (139—140, 146; ср. 195, 196). Томск, оказывается, был «поставлен» «острогом» в 109 г., а в следующем на Томи появился «рубленой город». (Точнее, о чем мы узнаем из Томского вида Нарышкинской редакции СЛС, этот город был заложен в сентябре 113 г., см. 141, 344⁷). Особое внимание уделено составителем КЗ судьбам «Тобольского города». Вначале, по свидетельству летописца, этот город был «срублен из судового лодейнаго лесу неболшей и острогом и нос забиран», и стоял на Троицком мысу (где ныне находится Софийская колокольня) 12 лет — с 7095 по 7108 г. (Ранее же, очевидно по другому источнику, констатируется, что «город первой» в Тобольске, построенный

в 7094 г., существовал до 7106 г. Скорее всего, это ошибка, ибо мы и следом узнаем о перенесении «Тобольского города» в 108 г.)⁸. Как читаем в дальнейшем, в 102 г., при воеводах князе Ф.М.Лобанове-Ростовском и М.Ноздреватом, «на том же мысу на Троицком срублен из лодейнова лесу город Тоболск, весь рубленной полной, и острог поставлен небольшой круг посаду». В 108 г. (эта дата нам уже встречалась), когда здесь воеводствовал С.Ф.Сабуров «с товарищи», город перенесли с Троицкого мыса «на другую сторону Торговаго звозу на мыс. И стоял тот лодейный город по 114-й год». В то время, при воеводе князе Р.Ф.Троекурове «с товарищи», «обложен первой Тобольской из бревен рубленной город на другом бугре, по другую сторону звозу Базарнаго, где и ныне стоит, а совершен» в начале 117 г., в воеводство князя И.М.Катырева-Ростовского «с товарищи»; эта крепость «подле яр» сгорела в ночь с 13 на 14 августа 151 г. (139, 140, 142—143, 154, 369, 370; ср. 99, 323). 11 мая 153 г., по словам «писателя» КЗ, «обложен деревянной рубленной город Тобольск о десяти башнях ... А совершен во 154-м году, а по смете (что особенно примечательно. — Я.С.) всякое де бревно становилось в отделке в стене в 5 алтын, а в башне проезжей в полполтины... А стоял тот город Тобольск по 185 год майя по 29 число, 31 год с совершения». В этот день город выгорел «без остатку», и при боярине П.В.Шереметеве Молодом деревянный город «о девяти башнях, рубленной, да десятая церковь Вознесенская, в стене, со основания срублен и покрыт наготово весь пол 5 месяца». В Головинской редакции свода поясняется, что новый город был заложен 2 июня 186 г. и «совершен» 26 октября следующего, и «перед прежними прибавлен» (154, 170, 171, 214, 375; ср. 101, 275, 331, 351)⁹. Прочитированные записи наверняка восходят к документальным материалам. Очевидно, создатели КЗ воспользовались «справкой» о ходе строительства Тобольска, составленной в приказной палате сибирской столицы. Они располагали аналогичными сведениями, хотя отнюдь не такими полными, и относительно Тюмени с Пелымом. (Кстати, сохранилась приказная справка 208 г. «о постройке и поделках» Тобольска «со 146 г.»¹⁰).

Как повествуется в КЗ, Верхотурье заложили и были там первыми воеводами В.П.Головин и И.В.Воейков, а также письменный голова Г.Салманов, которые «во 108 году присланы для

городоваго поставления и перевести с Лозвы город и воеводу, и людей со всем присудом на верх Туры». Сообщив далее об основании Туринского и Мангазейского острогов¹¹, перенесении тогда же, «при сих воеводах»¹², рубленого города в Тобольске создатель свода, обращаясь, надо думать, к другому источнику, вновь поведал о начале Верхотурья, а также его предыстории.

Первым городком в Сибири тобольский книжник объявляет Верхтагильский город, где воеводствовал Р.Языков. Его большой кот «до смерти заяде в том городке», и тогда с верховьев Туры служилых людей перевели на Лозьву. В «срубленном» там городке воеводами были И.Г.Нагой и И.Траханиев. (Точнее, И.В.Траханиотов, который управлял Лозьвой не вместе с Нагим, а вслед за ним¹³). Прибывший в то время Бабиновской дорогой В.П.Головин перевел воевод с Лозьвы «со всею присудою и с людми» в верховья Туры. Верхтагильский и Лозьвинский городки были сожжены; Верхотурье строили В.П.Головин с И.Г.Нагим и И.Траханиотовым, а затем последних в «товарыщах» Головина сменили И.В.Воейков и письменный голова Г.Салманов. (Вернее, как ранее отмечено и в своде, Верхотурье сооружалось В.П.Головиным и И.В.Воейковым¹⁴). Воейков и Салманов остались «на Верхотурье» с преемником Головина князем И.Вяземским; их сменил воевода У.И.Новосильцев и письменный голова А.Загряжский. «Алексей диак (не здесь ли?) умре». Следом «начальными людьми» Верхотурья были воевода Н.О.Плещеев и письменный голова М.М.Хлопов (140, 141). Далее в «росписях» воевод «на Верхотурье» за 111—113 гг. названы Н.О.Плещеев и М.М.Хлопов, но с ремаркой «а письменные головы писали» (т.е. первый из них воеводой не считался), за 116—117 гг. — С.С.Годунов и И.М.Плещеев (142, 143). Документально, однако, известно, что Г.С.Салманова, который ранее управлял Верхотурьем с И. М. Вяземским, сменил М.Д.Львов и У.В.Новосильцев, а последних — Н.О.Плещеев и М.С.Хлопов, преемниками которых стали С.С.Годунов и А.Ф.Загряжский¹⁵. Ошибки, допущенные в КЗ, или повторяют имевшиеся в одном из ее источников — каком-то документе, где перечислялись «начальные люди» Лозьвы и Верхотурья первых лет его существования, или объясняются неудачной редакционной правкой.

В этой летописи нередко обнаруживается зависимость от воеводских отписок. Автор сообщает, что 6 ноября 143 г., «о заговении Филиппове в 11 числе», к Тюмени подошли калмыки, и тогда у тобольского посадского человека Л.Чеботова Губаря убили жену Василису и двух дочерей. Главный сибирский воевода князь А.А.Голицын донес об этом в столицу, и «от государя с Москвы присланы пушки и снаряд, и порох, и свинец» (151)¹⁶. Судя по приведенным известиям, в КЗ могли быть использованы отписки и тюменского, и тобольского воевод. 19 и 20 сентября 195 г. в Тару «от Ямышева от солеников» пришли вести, а затем государев дощаник «с покупочною казною»; Иван Шишкин (прежде он не упоминался) и Сендяш (накануне говорилось о его сыне) «сказывают, что соль села самая добрая и взят груз полной, и торг был самой болшей», и в тот же день (какой, неясно, ибо ранее указаны два числа) «те дощаники с Тары ... и отвалили». По свидетельству летописца, караван с солью прибыл «на Тару» 23 сентября, а через два дня, в субботу, «отвалил». Вероятно, об этом сообщается по отписке тарских властей. Последующая фраза — о приходе в Тобольск «октября в ... день», в том числе возвращении соборного попа Афанасия (177), — скорее всего, принадлежит автору, жившему в сибирской столице. В 192 г. туда приехал «держалник» А.И.Лонской, являвшийся в Москве ротмистром «государева копейнова строения». В Тобольске он стал головой у литвы и конных казаков, приказчиком у пашенных крестьян, «был полдва года, и писано о нем с осудом» (174), т.е. осуждением (неясно только, в Тобольск или Москву).

В число источников КЗ есть основания включить документы многочисленных «сысков» о злоупотреблениях сибирских администраторов. Такой вывод кажется более оправданным, нежели суждение Д.Я.Резуна, будто летописец пользовался не столько этими материалами, «сколько народной молвой или же информацией местного происхождения»¹⁷.

К примеру, благодаря своду известно, что дьяки И.Трофимов и А.Ганкин¹⁸ со времени своей «перемены» жили в Тобольске более 4-х лет, с 23 мая 151 г. до 1 июля 155 г., подьячий В.Третьяков «приводил» к пыткам бывших дьяков, «только Бог их помиловал», вместе с посадскими людьми они стояли на правеже с 1 сентября 154 г. по 21 апреля следующего года, затем их перестали ставить до приезда

новых воевод; государевой казны «изгибло» на 4 784 рубля — «за вино, за мед, за воск, за свинец, за холсты, за хлебные запасы» (153). Об этом «сыске», как уже отмечалось Д.Я.Резуном, летописец поведал, используя приказные данные¹⁹. Далее в КЗ читаем об «извете» на кодского князя Федора Михайловича Алачева (потом он именуется Дмитрием), который провел под следствием в Тобольске 151—153 гг., 9 сентября 153 г. был отпущен в Москву «на вечное житие», в «царствующем граде» и умер в стольниках, а взамен Коды получил волость Лену на Вычегде (154). По сведениям летописца, розыск, начавшийся с «довода» на нарымского воеводу И.Л.Скобельцына его племянника С.Глухого, велся с 1 августа 151 г. в Тобольске, откуда их обоих 31 июля 153 г. отправили в Томск, через год, 3 октября 155 г., они опять очутились в Тобольске, где в застенке Глухой «повинился во всем с пытки, что заводил на дядю своего напрасно, и тем дело вершилось»; 29 ноября 155 г. в Тобольске Скобельцын умер, его жена с детьми и телом мужа поехала «к Москве», куда из опалы вернулся и сосланный ранее в Нарым Л.С.Плещеев (152). Из свода узнаем про розыск о томском бунте середины XVII в., в том числе о Г.О.Плещееве Подрезе, сосланном в Томск, Кузнецк, наконец, Енисейск, где «ево мужик от жены зарезал» (156). В КЗ попали данные о «сысках» про «измену» литовцев и немцев во время похода 129 г. к Ямышеву озеру («сыск» вели в 133 г.²⁰ сын боярский М.Трубчанин (точнее, Трубчанинов²¹) и подьячий С.Полутов); о деятельности бояр И.С.Куракина, М.М.Годунова «и иных сибирских воевод» (ее расследовали в Тобольске в 130 и 131 гг. сыщики Ф.А.Елецкой, И.В.Спасителей и А.Башмаков), мангазейских воевод Г.Кокорева и А.Палицына, тобольских «начальных людей» и детей боярских (140 г.), томских воевод (141, 144 гг.), о насилиях над татарами тарских воевод. К 135 г. в своде отнесено «государево слово», которое «сказал» на тобольского воеводу М.А.Вельяминова²² его дворецкий А.Бутаков; оба следом были взяты «за приставы» в Москву (147—151). С 179 г., оказывается, велся «сыск» о томском воеводе Н.А.Вельяминове; его «советников» (как ранее и у П.И.Годунова) разослали из Томска, а сам уже бывший воевода приехал в Тобольск 30 июля 181 г. и находился там по июль 183 г., а на Рождество Христово 184 г. по царской

грамоте был отпущен в Москву вместе с подавшими на него челобитные (165).

В своде имеется немало сведений о ссыльных. Под 154 г. говорится о прибытии в Тобольск стольника И.Н.Хованского, которого 23 мая повезли в Енисейск. 1 октября 156 г. князь вернулся в Тобольск, а в декабре отправился в Пелым, но на пути был встречен с грамотами о возвращении в Москву, куда поехал той же зимой²³. (Впоследствии, как сообщается в своде, уже явно по другому источнику, И.Н.Хованский стал боярином, в 158 г. «Псков умирил», через два года с митрополитом Новгородским Никоном ходил на Соловки за мощами святого Филиппа, а умер на воеводстве в Казани в период мора 163 г. (155). 7 января 184 г., читаем в КЗ, из Москвы в Тобольск прибыли Т. и А.Елчаниновы, которым «учинили» дворянские оклады — 20 рублей и 40 четей хлеба; однако уже 3 марта того же года в «столнейший град» Сибири пришла государева грамота с предписанием отпустить Елчаниновых обратно, и через два дня они выехали в Москву вместе с прощенными дьяком И.С.Гороховым (находился в сибирской ссылке в 179—184 гг.) и Юрием Сербянином (168), т.е. Крижаничем²⁴. Под 187 г. рассказано об удалении в Сибирь по делу П.Кропотова 20 человек (8 из которых перечислены); затем они были «взяты» в Москву (171). В своде названы и сосланные при тобольском воеводе А.И.Буйносове-Ростовском братья И. и М.Чириковы, гость Ф.В.Коломлетин, барашеевец А.Г.Бадаев (умерший в Тобольске). В 166 г. в Томск, оказывается, выслали князя С.А.Хованского, которого через два года «пожаловали» и вернули в столицу. В 168 г. в Томск, затем Березов был отвезен Д.В.Ромодановский, позднее «под начал» сосланный на Соловки. В 171 г. из Москвы в Тобольск в дети боярские отправили В.Т.Виндомского, который здесь женился «у немчина полковника»²⁵. Я.Шульгина в 167 г., а потом, когда они вернулись в Тобольск, и детей названного головы пеших казаков, сослали в Якутский острог, где они находились до 178 г. (160, 161).

Своеобразную «каркасную сетку» КЗ составляют росписи администраторов сибирских городов и острогов — росписи, которые, очевидно, ежегодно велись в тобольской приказной избе. Эти сведения, однако, создатель летописи не всегда умело использовал, о чем свидетельствуют неоднократные повторы и частые

ошибки²⁶, что отражает «процесс создания самого свода»²⁷. Например, в КЗ утверждается, что в 109—110 гг. Сургутом ведали князь Я.П.Барятинский и В.Пивов, сменившие «сидевших» здесь в течение двух лет Ф.В.Волынского и И.В.Благого (141). При обращении к документам выясняется, что Я.П.Барятинскому и В.В.Пивову дела по управлению «Сургуцким городом» передали князь С.М.Лобанов-Ростовский и И.Н.Ржевский. Запись о И.В.Щелкалове как «товарище» тюменского воеводы Н.М.Мезецкого (146, ср. 194) ошибочно помещена в перечне сургутских воевод²⁸. Князь Ф.А.Козловский с А.И.Шириным представлены березовскими «начальными людьми» в течение и 108—109, и 131—133 гг. (141, 147)²⁹. Дважды говорится о том, что тарский воевода И.В.Мосальский «с товарищи» совершили поход против Кучума³⁰, а С.М.Ушаков, в 135 г. ставший воеводой Нарымского острога, здесь в следующем году умер и был заменен письменным головой П.И.Салмановым, посланным из Тобольска (141, 142, 148, 149). В 155 г., согласно КЗ, в Тюмень «за опалу» сослали Р.Р.Всеволодского с семьей; позднее он управлял Верхотурьем и там умер, в этом городе не стало и дочери воеводы. Затем сказано, что по государеву указу Р.Р.Всеволодскому велели быть воеводой в Тюмени, и он туда приехал из Верхотурья, но вскоре умер, а следом пришло распоряжение о назначении Всеволодского тюменским воеводой (156—158). Дважды в почти одинаковых выражениях сообщается о выезде к Москве первого тобольского воеводы В.Б.Шереметева в феврале 160 г. (157). В Енисейске с 159 г. воеводствовал А.Ф.Пашков, а, по словам летописца, «впреди подьячей Викула Панов с приписью со Ртищевым был». Далее же читаем, что вслед за Ф.П.Полибиным (156, 157 гг.) Енисейском управляли М.Г.Ртищев и подьячий с приписью В.Панов (158, 160, 161)³¹.

Не раз говорится в своде о походах второго тарского воеводы Я.О.Тухачевского в полковых воеводах «на киргиз». Как счел нужным отметить летописец, в 148 г. «пошли в Томской», а при томском воеводе С.В.Мосальском (занимавшим эту должность с 148 г.) «была служба на киргиз в Томском со всех городов». Далее уточняется, что этот поход начался 26 июля 148 г. с участием служилых людей из Тобольска, Тюмени, Тары, Томска, Кузнецка, Красноярска, причем в головах у тоболяков и тюменцев,

выступивших из Тобольска в Томск через Тару, находился «литовского списку ротмистр» И.А.Рукин-Черкасов. Два похода (в 148 и 149 гг.) были предприняты под началом тарского «меньшего» воеводы Я.О.Тухачевского, который «поставил» Ачинский острог, но затем вспыхнула смута и служилые «отказали» Тухачевскому; новый поход возглавил тарский «меньший» воевода И.С.Кобыльский, сумевший разгромить киргизов. Эта служба, поясняется в своде, закончилась в начале 151 г., тоболяки вернулись домой 15 октября, но без Рукина, умершего в Томске (152, 153, 159). Последние из этих сообщений можно приписать жителю Тобольска, а предыдущие, не исключено, зависят от поступивших в приказную палату сибирской столицы отписок томских воевод. Фраза «жил с отцом своим в Тоболску с приезде и до отъезду, не съезжаючи» относительно Петра Салтыкова — младшего сына воеводы боярина П.М.Салтыкова — дважды повторена в конце статьи, посвященной приездам к боярину старшего и среднего сыновей (166).

Под 194 г. сказано, что А.Толбузин вновь покинул Нерчинск. Ранее говорится, что воевода «утек» в этот острожок в 192 г., а в конце 195 г. был убит, когда «ставить ездил новой, Албазинской». Убийство А.Толбузина в Албазине из китайской пушки датируется в своде и 194 г. (169, 174, 177, ср. 171, 172). Известие о воеводстве П.С.Прозоровского в Тобольске в течение 1 года 9 месяцев 8 дней, его отъезде оттуда и двухмесячном «досиживании» (до приезда нового главного воеводы) стольника Б.А.Солнцева-Засекина и дьяка А.Парферова разрывает повествование о возвращении митрополита Павла из Москвы в Тобольск: вначале сказано, что владыка вернулся 20 марта 195 г. «в самое Вербное воскресенье, к обедне», и тогда «литургию служил», после же фразы о воеводах читаем: «с того дня, с путешествия его архиерейского» из Тобольска к Москве и обратно прошли год и 10 дней (176).

Часто считалось, что поначалу тобольское летописание велось в стенах Софийского дома, переместившись в воеводскую избу к концу XVII в.³² Н.А.Дворецкая же полагала, что СЛС создавался, скорее всего, дьяками и подьячими главной воеводской канцелярии Сибири³³. Недавно В.Д.Пузанов атрибутировал этот памятник служилым людям³⁴. Из приведенных суждений предпочтительнее заключение Н.А.Дворецкой. В частности, согласно КЗ,

«из Тобольска от власти из приказных» с 143 г. в Енисейске находился П.Ф.Соковнин, а с начала 147 г. — Н.Л.Веревкин, приехавший с архиепископом Нектарием из Москвы «в приказных людях в Тобольск и был у него полтретья года» (151). В действительности Веревкин служил в Софийском доме сибирской столицы еще до приезда туда Нектария³⁵. По свидетельству тобольского книжника, дьяк Г.Теряев, которого «на море разбило», умер в Мангазее, и впоследствии дьяков в этом городе «не бывало» (154). С 162—163 гг., если верить тому же «списателю», «по государственному указу в челобитнах и в отписках и во всяких государских делах титулы государю царю и государям благоверным царевичам всем по именному полные». Тогда же по «царскому указу и повелению, в титулах его царского величества начаша писати и во многолетиях кликати на соборех» (159). Примечательно известие о приезде в Тобольск в дети боярские М.О.Байгашина — зятя дьяка И.Шевырева. Через год, в 129 г., Байгашина послали «на приказ в Енисейск»; год спустя там появился тобольский сын боярский П.П.Хмелевский. Байгашин же (скорее всего, знакомый автору) умер 27 июня 153 г. (146). В КЗ упомянуто о смерти в Тобольске 13 марта 185 г., «во вторник третьей недели великого поста», дьяка Д.Ф.Протопопова и 16 января 193 г. — дьяка Ф.Калинина (168, 174). В 139 г. в Томске стал служить московский подьячий И.Селетцын, который через два года вернулся в столицу. Этот подьячий с приписью в 141—143 гг. находился в Верхотурье (150, 151). В своде указано, что 21 декабря 160 г. отозванного в Москву дьяка Т.Васильева сменил Г.Р.Углев, а дьяк С.Елчуков, направленный из Тобольска (где «был в Голицыне перемене») в Якутск, там умер. В КЗ находим и сообщения о смертях в Тобольске в 154 г. (5 июня и 11 апреля соответственно) дьяка И.Переносова и жены воеводы Г.С.Куракина Евдокии (154, 157, 162; ср. 161).

Обращает на себя внимание и указание на то, что после приезда в Томск воеводы Н.А.Вельяминова (4 августа 175 г.) И.Л.Салтыкова отозвали в Москву, он «в Годунове (П.И.Годунова. — Я.С.) перемене сидеть не почал, и в приказ (в Томске. — Я.С.) с Петрова приезде Годунова в Тоболск ... не ходил, и печати государевы от себя не давал, и имени своего в отписках не велел писать» (164). 4 января 174 г. в Томске умер И.В.Бутурлин, и «с того ж числа, — сказано в своде, — по ево Иванове Бутурлина отписке

приехал в Томской из Кетскова» воевода Д.И.Хрущов «для яашнова збору» и ведал этими двумя городами до приезда в 174 г. И.Л.Салтыкова «с товарищи». Когда в 185 г. был учрежден Енисейский разряд, «отписываться велено в Тоболск о всяких делех с бояры с тоболскими седоки». Князя А.А.Голицына отозвали в Москву по государевой грамоте, с которой приезжал «гонцом в три недели» стольник В.П.Бахметев. Тесть Ивана Алексеевича Ф.П.Салтыков, как узнаем из КЗ, до царской свадьбы воеводствовал в Енисейске, откуда вызван в Москву — «тотчас наспех четверы гонцы по него были». В своде указано и на пожалование А.С.Шейна (уже покинувшего Тобольск) в бояре 25 марта 189 г. (169, 172—174, ср. 171). Эти записи, по всей видимости, сделаны в приказной среде.

Там же, скорее всего, появились многие свидетельства КЗ о смене тобольских администраторов, военных экспедициях и посольских миссиях. В частности, по летописи известно о том, что 21 июня 147 г. на Лену в Якутский острог мимо Тобольска (откуда с ними отправились 246 местных служилых людей, а также 50 березовцев, на 39 дощениках с государевой казной и запасами) выехали первые московские воеводы «своим столом», в Тюмени в 166 г. И.Шадрин сменил Ф.И.Веригин, а последнего в начале 167 г. — казанский ссыльный голова из Тобольска А.Новгородцев. «И все они пятеро, — обобщает автор, — Иван Веригин, Никифор Елдезин, Матфей Полуехтов, Иван Шадрин, Федор Веригин на Тюмени воеводствовали не по многому времени», как и А.Новгородцев. (Ранее сказано про замену И.Т.Шадриним М.А.Полуехтова, И.Т.Веригина — Н.Елдезиным, того — Полуехтовым) (160, 162 гг.). В 168 г., как говорится в своде, умершего в Тюмени воеводу А.В.Кафтырева сменил сын боярский из Тобольска И.В.Струна, а в следующем году тюменским воеводой стал М.Д.Павлов (152, 158—160, 164). В КЗ читаем об отъезде князя Г.С.Куракина из Тобольска в Москву 15 января 154 г., прибытии в сибирский «началнейший град» князя И.И.Посного Гагарина на место Б.Ф.Болтина, выехавшего в столицу вследствие челобитной воеводы князя В.И.Хилкова, «перемене» в Березове 25 августа 175 г. А.П.Давыдова ранее воеводствовал в Нарыме П.А.Гагариним, после которого городом на Северной Сосьве стал ведать тобольский сын боярский Ф.Л.Толбозин (Толбузин) (155, 158,

163). Согласно КЗ, в 174—180 гг. в Кузнецком остроге воеводой был Н.Б.Доможиров («а прямое имя Матфей»), после смерти которого «досеживал до перемены сын ево Логин»; он, «едучи из Кузнецов, в Нарыме умре» (162). 7 июля 176 г. в Тобольск пришел государев указ воеводе князю Ф.Бельскому и дьяку Г.Жданову ехать «к Москве», и 20 июля первый воевода П.И.Годунов выслал Бельского, а Жданов после присылки нарочного гонца «взят ... к Москве во 177-м году зимним путем». 3 сентября 178 г. для «сыска» о самом Годунове приехали А.П.Акинфов и дьяк И.С.Давыдов, и три дня спустя государевым указом им было предписано воеводствовать в Тобольске, а Годунова тотчас выслать в столицу; через три дня, «отбитый» от берега, он «поехал на своих подводах» (163). Переведенный из Томска в Тару на место С.С.Измайлова с 1 сентября 176 г. князь Ф.Н.Мещерский воеводствовал с сыном Борисом до июня 181 г., но «лежал все в расслаблении», а Тарой ведал сын; «едучи» оттуда, князь Федор скончался. С 175 г., о чем мы узнаем по своду, в Нарыме и Кетске со времени отъезда князя П.Гагарина из Нарыма в Березов воеводствовал один И.Ф.Монастырев, а 22 августа 179 г. он еще и заменил томского воеводу Н.А.Вельяминова и начал управлять разом Томском, Нарымом и Кетском (164, 165). Если верить КЗ, возглавлявшего администрацию Пелыма с 184 г. В.И.Мотовилова³⁶ сменил голова пеших казаков из Тобольска И.М.Ушаков, но через 4 месяца «до перемены» городом вновь стал управлять Мотовилов, а с 186 г. — С.С.Измайлов, с 188 г. — В.Б.Бухвостов, с 190 г. — опять И.М.Ушаков, теперь прибывший из Москвы (169—171)³⁷. Как отметил летописец, начиная с Г.И.Бутурлина (154—157 гг.), «на Таре учили быть по одному воеводе». Когда в 173 г. воеводу Илимского острога Л.О.Обухова убили «за озорничество от жен своих, на дороге — ездил на Кирелгу», временно его заменил посланный из Тобольска А.Л.Росторгуев-Сандалов (156, 162).

В КЗ и разрядной книге М.М.Квашнина записи о сибирских воеводах текстуально совпадают, но различны по структуре и последовательности известий, что привело К.В.Петрова к выводу о зависимости этих памятников от общего источника³⁸. Исследователь уклонился от рассмотрения вопроса о том, что представлял собой этот источник. Не исключено, что указанный «разряд» и КЗ восходят к составленной в Разрядном приказе росписи воеводских

назначений, подобной опубликованной недавно Е.К.Ромодановской, но в распоряжении тобольского летописца оказался уже документ такого рода, подвергшийся редактированию в Сибирском приказе³⁹ либо воеводской избе «зауральского центра».

В своде констатируется, что предпринятый зимой 149 г. поход «на царевичей» (затянувшийся на 5 недель) татарского головы Б.Аршинского, тобольского сына боярского Е.Поливанова, В.Шахова с участием отпущенных «в охочую» тобольских, а также тюменских служилых людей закончился неудачей: «возвратились с великою тщетою, многих и побили» (153). Во время экспедиции к Ямышеву озеру головы пеших казаков А.Д.Выходцева (1 июля — 13 сентября 193 г.) «соль взята полной груз», был и торг с калмыками и бухарцами. Результатом такого же похода (на 30 дощениках) тобольского дворянина Ф.Я.Шульгина, подьячего А.Щетинина и Е.Витязева (24 июня 193 — 17 октября 194 гг.) тоже явился «полной груз» соли, но «торг был скудной калмытской, многие и тюков не розвязывали». 25 июня 191 г. на Ямыш отплыли 39 дощеников под началом письменного головы Г.Ф.Синявина (174, 176).

Первое посольство тоболяков в Китай во главе с сыном боярским П.А.Ярыжкиным и «бухаретином» С.Алблиным в КЗ датируется 160—163 гг.⁴⁰, во втором (162—166 гг.) — Ф.И.Байкова — участвовали три целовальника и двадцать служилых людей из Тобольска. В 166 г. в Китай отправились тарский сын боярский И.Перфирьев со служилыми и выехали оттуда «здорово». В июле 182 г. к Яндуку-тайше ездили из Тобольска стрелецкий голова И.Аршинский, подьячий Г.Мисайлов и десять служилых людей (158, 159, 161, 165).

6 января 151 г., сообщается в своде, стольник И.П.Пронский приехал из Москвы к отцу — первому тобольскому воеводе — и вскоре, 24 января, вместе с мачехой и сестрой уехал обратно. 22 марта — 5 апреля 182 г., т.е. две недели, и 3—24 января 183 г. провели в Тобольске у боярина П.М.Салтыкова его старший и средний сыновья Федор и Алексей, приехавшие «повидаться и навестить»; с А.П.Салтыковым из Тюмени прибыл «для провожания воеводской сын» А.К.Загряжский (153, 166). Подробно говорится в своде и о безуспешном поиске в 180—182 гг. серебряной руды на Урале, по Тоболу, у Красноярска, Томска и Кузнецка.

В КЗ упомянуто о смерти в 187 г. на Кети, в дороге, якутского воеводы (ранее являвшегося ссыльным сыном боярским в Енисейске) Андрея (Вилима) Барнашлева — «крестника» А.Ф.Пашкова (165, 166)⁴¹. В своде сообщается о приезде в 193 г. из Москвы с царскими грамотами стрелецких голов детей боярских Ф.Д.Федорецкого и Ю.И.Глинского. Тобольские воеводы П.В.Шереметев (он был главным «седоком» в Сибири 1 год и 11 месяцев) и И.И.Стрешнев, по данным «писателя», уехали в Москву 4 и 1 марта 186 г. соответственно, сдав дела прибывшему 1 марта тюменскому воеводе М.М.Квашнину (170, 174).

В своде содержатся и подтверждаемые документально⁴² сведения о присягах в Сибири Алексею Михайловичу и его наследникам — вначале Федору, затем Ивану и Петру (155, 167—168, 173).

Многие известия КЗ отражают впечатления очевидцев, надо думать, жителей Тобольска. К 25 июля 148 г.⁴³ отнесено прибытие туда бухарского посла Казия, с которым были 200 человек, 100 вьюков «верблюдов с товары», а дары государю несли 37 человек. «И такова славна посла прежде сего в Тобольску не бывало», — уверяет местный книжник. Боярина И.Б.Репнина, уехавшего из сибирской столицы 27 ноября 181 г. «поутру, в третий час дни», тремя днями раньше заменил верхотурский воевода и находился в новой должности, по подсчету летописца, до 13 марта — «полчетверта месяца и 5 дней», т.к. «товарищ» боярина умер. 30 марта 183 г. из Москвы в Тобольск приехал направлявшийся в Китай посол Н.Г.Спафария («родиною волошанин») с десятью греками и двумя молодыми подьячими; из «преименого града» Сибири посол взял с собой сорок «всяких чинов людей» и попа Петра Матурина. 4 мая Спафарий выехал в Енисейск, а оттуда «мимо Селенгу через Мунгалскую землю». В январе 194 г. в Тобольске побывало еще одно русское посольство в Китай — Н.Д.Венюкова и И.А.Фаворова, «а сказывали, что де и лист у них к царю (императору. — Я.С.) есть»; к дипломатам присоединились три тобольских конных казака, названных в своде поименно. С новым воеводой боярином А.П.Головиным в марте 194 г. в сибирский «златорязрядный град» приехали очередные послы в Китай — окольничий Ф.А.Головин (при котором было приказано состоять дьяку И.Я.Юдину) и офицеры; из Тобольска сын воеводы отправился 30 мая на 25 дощениках в даурские городки «в самое Петровское

заговенье и стоял за погодую за рекою и в Сузгуне два дни». С полами выехали 500 служилых из Тобольска и столько же — из Верхотурья, Тюмени, Пельма, Епанчина, слобод, и было велено взять из других городов еще 200. Тобольский пожар 7 августа 188 г., когда сгорело свыше 500 «мирских дворов» и юрт, «город рубленной», две церкви и «приказ», начался, оказывается, «у Трошки Ржаникова»⁴⁴. Благодаря КЗ известно, что П.И.Годунов для отъезда в Москву дал князю Ф.Бельскому «один дощаничишко, некорыстной и утлой, а снастей и паруса, и бечевы ничево не дал, ни единой сажени, и от берегу велел отбить, и он пошел с великою нуждою своими людьми»⁴⁵, ко двору же Г.Жданова воевода «караул приставил». 25 июня 184 г., сообщается в своде, «в неделю после вечерни» к Ямышеву озеру на 30 дощениках «с торговым и войсковым караваном» направился тюменский стрелецкий голова М.Т.Селин. «И того дни их погодую от берегу не отпустило, и сопцы у судов ломило, и стрелбы за погодую не было»; ночевали под монастырем и «пошли поутру в понедельник». Как «сказывают» ехавшие из «Даур» «китайский язык» и служилый человек, говорится в КЗ, Албазинский острог в 193 г. китайцы «повоевали и выжгли», а сами от него отошли. Боярин П.М.Салтыков «со всем домом своим», по словам летописца, уехал из Тобольска в Москву 9 марта 184 г. «в 11 час дня», а новый первый воевода — боярин П.В.Большой Шереметев — прибыл в сибирскую столицу ровно через месяц «по зимнему пути саньми», а второй, И.И.Стрешнев, добиравшийся «летним путем дощаниками», — 18 мая «в 13-м часу дня». Из свода также узнаем, что стольник И.Д.Зубов 25 мая 184 г. через Тобольск «ехал на воеводство в Илимский острог», а в тот же день, но в 193 г., в сибирском «стольном граде» побывали и назначенные в Енисейск «начальные люди» (153, 163, 166—169, 172, 174, 176; ср. 170). Заключают КЗ четыре статьи о старообрядческих «горях» 1687 г. в селе Каменки Тюменского уезда, «на Юрмыче от Каргинские слободы», в Тюмени, с выразительными ссылками «говорят», и сообщением, что посланцы архиерея и приказной палаты сумели убедить раскольников, предпринявших на Юрмыче новую попытку самосожжения (177).

Указанные записи делались, очевидно, по горячим следам событий — показатель того, что летописание в Тобольске велось

постоянно (и не только с 1640 г. или вслед за созданием ЕЛ⁴⁶), надо полагать, в воеводской избе. (Вывод о том, что при этом наряду с ее делопроизводством использовались материалы Сибирского приказа⁴⁷, нам представляется поспешным).

Любопытно, что в двух списках Румянцевский летописец вида А (старший из них, Музейский, относится к 60—70-м гг. XVII в.⁴⁸) продолжают статья «О архиепископах, кой после которого был на престоле», и «Розряд царства Сибирскаго городам и пригородкам и рекам». Считается, что этот документ — времени избрания Корнилия на тобольскую митрополию и связан с его именем⁴⁹. Но говоря о подведомственной Тобольску Мангазее, составитель «Розряда» замечает: «а ныне [жи]вут воеводы в городе Туруханском» (36). Известно, что «Мангазея покинута, и воевода и город устроен в Туруханском» (164) в 1672 г. В КЗ об этом сказано под «170-м» г. Переписчик, как видно, ошибся на целое десятилетие. (В интересующем нас документе упомянут Селенгинский острог. Впервые он отмечен в КЗ за 1676/77 г. (169; ср. 171, 217, 277, 333), хотя заложен еще в 1665 г.). В статье же о сибирских архиереях возведение Корнилия в митрополичий сан датируется 7100 г. вместо 7176 (35. Примеч. б), что тоже делает сомнительным заключение Е.И.Дергачевой-Скоп и В.Н.Алексеева. В той статье читаем о поставлении первого тобольского митрополита патриархами Паисием Александрийским, Макарием Антиохийским и Иоасафом Московским, как и в КЗ и наиболее близкой к ней Академической редакции СЛС (35, 163, 373—374). (В других разновидностях свода в данной связи назван только Иоасаф, имена и титулы остальных вселенских патриархов не указаны, см.: 207, 272, 328, 350; ср.: 100). Зато в Головинской редакции СЛС сообщается о том, что новопоставленный сибирский митрополит провозжал до Казани антиохийского патриарха Макария, а далее (до Терека) его сопровождал казанский митрополит Лаврентий). Таким образом, не исключено, что составителю рассматриваемой статьи был известен протограф КЗ.

Примечания

¹ Заметим, что иногда КЗ и СЛС неоправданно (особенно после изысканий А.И.Андреева и Н.А.Дворецкой) отождествляются (см., напр.: Петров К.В. Разрядные записи XVII в. в разрядной книге М.М.Квашнина // Межузовская научная

программа «Исторический опыт русского народа и современность»: Мавродинские чтения: Мат-лы к докл. 10—12 октября 1994 г. СПб., 1994. С. 95—96; Перевалов В.А., Коновалов Ю.В. Крестоприводные книги Верхотурского уезда XVII в. (Проблемы изучения и публикации) // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г.Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 72; Ромодановская Е.К. Тобольская летопись и Сибирский архив // Тр. Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 313; Ислам на краю света: история ислама в Западной Сибири: В 3 т. Тюмень, 2007. Т. 1: Источники и историография / Под ред. А.П.Яркова. С. 172). В.Д.Пузанов же считает КЗ первой редакцией свода (Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: Конец XVI—XVII вв.. СПб., 2010. С. 64, 118. Ср.: Он же. Сибирский летописный свод // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2005. Т. 4. С. 271). Точнее, КЗ представляет собой эту редакцию наряду с Записками, к сибирской истории служащими, которые, по наблюдениям Н.А.Дворецкой, содержат заимствования из Нарышкинской редакции СЛС.

² Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска: Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 36. С точки зрения Д.Я.Резуна, летописное приурочивание основания Тары к 1588 (точнее, 1587/88) г. обязано казачьим преданиям (Резун Д.Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Изв. Сибир. отд-ния АН СССР: Сер. обществ. наук (далее — ИСО). 1981. № 11. Вып. 3. С. 20). Но такая датировка имеется только в нескольких поздних разновидностях СЛС (Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. С. 98, 259, 315, 345) и, скорее всего, восходит к ошибочному чтению одного из списков, вроде тех хронологических определений (100, 103 г.), которые налицо в Головинской редакции рассматриваемого памятника. В КЗ и Академической редакции свода сооружение Тары отнесено, чему есть аналогии в наказе заложившему этот город князю А.В.Елецкому, к 102 (1593/94) г. (Там же. С. 140, 190, 369).

Далее ссылки на указанное издание сибирских летописей приводятся в тексте.

³ Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 120.

⁴ См.: Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 86; Пузанов В.Д. Военные факторы... С. 204, 205. Ср.: Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 552. Примеч. к п. 29.

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 569; Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 29—30, 75. Ср.: С. 87; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская (далее — ТАД). Новосибирск, 1994. С. 183. См. также: Солодкин Я.Г. О происхождении летописных датировок основания первых городов и острогов на северо-западе Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Мат-лы II науч.-практ. конф. Сургут, 2008. С. 69—70.

⁶ Резун Д.Я. Очерки... С. 75, 83. Вопреки утверждению Д.Я.Резуна (Там же. С. 118), в Новом летописце не говорится о возведении Пельма «в 8-е лето» после смерти Ивана Грозного.

⁷ См. также: Бояршинова З.Я., Голишева Г.А. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи // Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 1. С. 202—209; Из истории земли Томской: 1604—1917 (Сб. док. и мат-лов). Томск, 1978. Вып. 1. С. 22—25; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф.Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 78.

⁸ В ЕЛ и ее многочисленных переработках говорится о «поставлении» Тобольска в 7095 г. или год спустя (35, 41, 65—66, 88, 96, 115, 126; ср. 189, 258, 315, 345).

⁹ О строительстве тобольских «городов» см., напр.: Вилков О.Н. К истории застройки Тобольска конца XVI—XVII вв. // ИСО. 1969. № 6. Вып. 2. С. 73—74; Он же. Некоторые аспекты административной и строительной культуры Тобольска в конце XVI — начале XVIII в.: Препринт. Новосибирск, 1999. С. 14.

Отметим, что вслед за известием о пребывании в Тобольске С.Ф.Сабурова (который тут умер) говорится о «поставлении» в 108 г. Верхотурья, Туринского и Мангазейского острогов, а потом сказано: «Во 108 году при сих воеводах перенесен Тобольск рубленной город...» (140), т.е. предшествующие этой фразе известия разрывают первоначальный текст.

¹⁰ См.: Резун Д.Я. Очерки... С. 40. Как утверждает Д.Я.Резун, в КЗ под 1611 г. упоминается о постройке девятью годами ранее тобольской Никольской церкви (Там же. С. 104, 174). Однако в анализируемой разновидности свода говорится про «поставление» 23 июня 1611 г. обведенной церкви на горе в мужском Успенском монастыре, а в более поздних — сооружении церкви на Прямом (затем Никольском) звозе в 7110 (1602) г. (98, 143, 191, 259, 316, 346, ср.: 212, 215; Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 569—570), т.е. речь идет о разных храмах.

^{11*} Вопреки КЗ, первый из них «ставил» не голова И.Лихарев, а голова Ф.Янов. См.: Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. М., 1998. Кн. 1. С. 283—291; Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения Сибири по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 188.

¹² Они не названы, хотя подразумеваются С.Ф.Сабуров и его сослуживцы. Стало быть, летописцу о закладке Верхотурья, Туринска, Мангазеи следовало рассказать позднее.

¹³ См., напр.: Шашков А.Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История: Религия: Культура. Екатеринбург, 1997. С. 178; Он же. Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 8. С. 21.

¹⁴ Шашков А.Т. К истории возникновения... С. 178; Он же. Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 9. С. 22—23, и др.

¹⁵ См.: 191. Примеч. 8; Описание... Кн. 1. С. 272—275, 277—279, 282—283; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 148; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией имп. Академии наук. СПб., 1841. Т. 2. С. 26, 27, 33, 34, 52, 54—59, 62, 77, 78; Актовые источники по истории России и Сибири XVI — XVIII веков в фондах Г.Ф.Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Новосибирск, 1993. Т. 1. С. 21, 22, и др. См. также:

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 152—153.

С точки зрения Д.Я.Резуна, поскольку, будучи в Верхотурье, Г.Ф.Миллер получил список его воевод, начиная с самых первых, известно и о существовании рукописного верхотурского хронографа, не исключена возможность бытования в этом городе «какой-либо формы городского летописания, в основу которой был положен перечень воевод и приказных людей со времени его основания» (Резун Д.Я. О работе Г.Ф.Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 154; Он же. Очерки... С. 66, 71). Но данный список мог являться выборкой из СЛС, а в названном хронографе, возможно, шла речь не только о прошлом Верхотурья.

¹⁶ Допущение, что о гибели жены и дочерей Л.Чеботова Губаря в КЗ рассказывается со слов его соседа С.Степанова — сторожа съезжей избы (Резун Д.Я. Очерки... С. 84), не представляется нам убедительным.

¹⁷ Резун Д.Я. Очерки... С. 78—80. Ср.: С. 156—166.

¹⁸ В других разновидностях СЛС, да и в документах, этот дьяк называется Галкиным (99, 199, 266, 322, 348, 371; Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1900. Ч. 3. С. 69, 167).

¹⁹ Резун Д.Я. Очерки... С. 80—81. Исследователь датирует этот сыск 1647 г. Точнее, он продолжался со времени «перемены» названных дьяков 23 мая 1643 г. по 1 июля 1647 г.

²⁰ Возможно, это описка, речь должна идти о 130 г.

²¹ См.: Обзорение столбцов и книг... М., 1895. Ч. 1. С. 57, 87, 170, 301, 303; Там же. Ч. 3. С. 139—140, 229—230; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Ч. 4. С. 17; Преображенский А.А. Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова // Советские архивы. 1982. № 3. С. 63; Дергачева-Скоп Е.И. Генезис сибирского летописания: Концепция: Материалы. Новосибирск, 2000. С. 87; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель (далее — ЛП). Новосибирск, 2001. С. 280, 390, и др.

²² Д.Я.Резун однажды по недосмотру называет этого воеводу И.В.Волынским Птицей (Резун Д.Я. Очерки... С. 81. Ср.: С. 156).

²³ Ср.: Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 59.

²⁴ См.: Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень, 2006. С. 84.

Версия КЗ о сибирской ссылке известного писателя С.И.Шаховского (1629—1632 гг.) А.В.Полетаевым в отличие от Р.Г.Скрынникова признается пока недостаточно основательной. См.: Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Федор Андреевич Шелешпанский // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып.4: Евразийское пограничье. С. 163, 170. Примеч. 26.

²⁵ Предположение, что об этом летописец поведал со слов Вындомских (Резун Д.Я. Очерки... С. 84), кажется поспешным.

²⁶ См., напр.: Резун Д.Я. Очерки... С. 75, 77, 89—90, 101—102.

²⁷ Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. / Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. С. 19.

²⁸ См.: Солодкин Я.Г. Сибирский летописный свод как источник по истории Сургута // Исторические вызовы России и цивилизационные ответы Сибири: Тез. докл. регион. науч. конф. Сургут, 2009. С. 3—4. Предположительно считается ошибочным летописное известие о Г.Ф.Елизарове как первом воеводе Кетского острога, ибо этот дворянин находился там в 1608—1610 гг. (Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 23).

²⁹ Вероятным источником СЛС А.И.Андреев считал список березовских воевод, известный Г. Ф. Миллеру (Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 490. Ср.: Резун Д.Я. Очерки... С. 66, 71). Но этот список мог быть извлечением из КЗ либо какой-то другой разновидности свода. Кстати, по вероятному заключению А.Х.Элрета, упоминающиеся в источниках 1740-х гг. Кузнецкий и Томский летописцы — это, скорее всего, списки СЛС (Элрет А.Х. Экспедиционные материалы... С. 69, 70).

³⁰ Е.И.Дергачева-Скоп следует этому сообщению (Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 34). В действительности во главе экспедиции, которая привела к окончательному разгрому Кучума, находился тарский письменный голова А.М.Воейков (Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 11. М., 1989. Стлб. 15—17; Примеч. 30, 33; Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // Вопросы географии Сибири. Сб. 2. Томск, 1951. С. 144—152).

Как сообщается в КЗ, в 109—110 гг. «на Таре» служили воеводы князь И.В.Кольцов-Мосальский, головы Г.Г.Желябужский и А.П.Поленов, которые за Кучумом «в поход ходили в поле», а Поленов — и «по соль к Ямышу озеру»; следом говорится, что экспедиция против непокорного хана из Тары состоялась при И.Мосальском (141, 142; ср. 191. Примеч. 19; 370). В ремезовской «Истории Сибирской» эта экспедиция отнесена к 9 мая — 23 августа 7106 (1598) г. (Памятники литературы... Кн. 2. С. 567). Заметим, что к тому же году подобно Новому летописцу она приурочена во многих разновидностях СЛС (98, 190, 259, 316; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 51). По-видимому, С.У.Ремезов располагал такой разновидностью СЛС, где поход служилых людей Тары против Кучума датировался 106 г., но упоминалось о воеводе этого города И.В.Мосальском, который в действительности управлял крепостью на реке Аркарке, что в Среднем Прииртыше, в 1608—1611 гг. (Вершинин Е.В. Воеводское управление... С. 169). А.М.Воейков же служил в Таре под началом воеводы С.В.Кузьмина-Короваева с декабря 1596 г. (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 514; Разрядная книга 1550—1636 гг. (далее — РК). Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 124, и др.). Вопреки КЗ, Тарой с февраля 1601 г. ведали князь А.И.Бахтеяров-Ростовский, В.С.Акинфиев и А.В.Головленков (РК. Т. 2. Вып. 1. С. 187; Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 239—240, и др.). Кстати, в тех разновидностях СЛС, где говорится о воеводах сибирских городов времени Василия Шуйского, о тарских администраторах, за исключением князя С.И.Гагарина, умалчивается (143, 192—193, 260, 317).

Л.А.Вельяминов называется в своде березовским воеводой (с 1681/82 г.). Но тогда этот стольник управлял Сургутом, о чем в статье за 1683/84 г. сказано

и в КЗ (172, 174; ср. 219, 220, 278, 279, 334, 335). Видимо, эта ошибка объясняется невнимательностью переписчика.

По-разному определяется в СЛС хронология пребывания в Енисейске Александра (Федора) Петровича Салтыкова: сначала сказано, что этот стольник воеводствовал там в 188—190 гг., до смены в 191 или следующем году князем К.О.Щербатовым, а далее — до 192 г., когда (9 января) царь Иван Алексеевич женился на Прасковье — дочери Салтыкова, срочно «взятого» поэтому из Енисейска «к Москве» (171—174; ср. 217, 219, 221, 277, 279, 332, 334, 335).

Оригинально сообщение КЗ, что после смерти Б.Л.Зюзина в 126 г. «на ево место на Березов прислан» П.В.Волынский, затем переведенный в Мангазею (145; ср. 194, 261, 318). Кстати, Е.В.Вершинин, подготовивший списки березовских и мангазейских администраторов, это известие не учел.

^{3*} В 168 г. В.Панова перевели из Енисейска в Мангазею. См.: Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 28.

³² Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 88; Ромодановская Е.К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 421; Она же. Избр. тр.: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 330; Она же. Тобольские летописцы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 48; Она же. Тобольская летопись... С. 317; ЛП. С. 8. Ср.: С. 362.

³³ Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 92. Ср.: С. 44, 52, 116. См. также: Резун Д.Я. Очерки... С. 30—31. Говоря об образовании Томского разряда, создатель КЗ упоминает новые Верхотомский и Сосновский острожки, государево село Спасское (149). Названные поселения известны с 1656—1657 гг. (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 98, 630, 631; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 31). Это позволяет считать, что прототип КЗ возник до начала последней трети XVII в.

³⁴ Пузанов В.Д. Военные факторы... С. 19.

³⁵ См.: ТАД. С. 13, 83, 84, 121, 122, 124, 127, 129; ЛП. С. 389.

³⁶ Ранее указывается, что он стал пелымским воеводой в 182 г. (166).

³⁷ Следом Ушаков, однако, назван «тобольским» (172).

³⁸ Петров К.В. Разрядные записи XVII в. ... С. 97.

³⁹ Там, например, хранились росписи сибирских воевод за 153—167 (1644/45—1659) гг. См.: Обзорение столбцов и книг... М., 1901. Ч. 4. С. 104.

⁴⁰ С.Аблин (это написание вернее) с тобольским казаком И.Таругиным был в Китае и позднее (см.: Обзорение столбцов и книг... Ч. 4. С. 18), о чем в КЗ не сказано.

^{4*} Последний в 159—163 гг. являлся енисейским воеводой, а потом вместе с сыном, находясь в 164—169 гг. «в Даурах» (до выезда в следующем году в Тобольск), «поставил» 5 острожков на реке Нерче (158, 159).

⁴² См.: Первалов В.А., Коновалов Ю.В. Крестоприводные книги... С. 73, 74.

⁴³ В своде сказано «того же году», но ранее помещены две записи за 149 г.

⁴⁴ Любопытно, что в КЗ (175—177, ср. 375) в отличие от некоторых других разновидностей свода, хотя тексты соответствующих статей там не совпадают

(103, 222, 280, 336; см. также: Обзорение столбцов и книг... Ч. 4. С. 14), умалчивается о тобольском пожаре 26 апреля 1686 г. Возможно, рассказ об этом пожаре был пропущен при копировании СЛС либо его создание к указанному сроку на время прервалось.

⁴⁵ Приведенный рассказ «дословно повторяет запись, зафиксированную в делах Сибирского приказа», — констатирует Д.Я.Резун (Резун Д.Я. Очерки... С. 81). Но эта запись, отразившаяся и в делопроизводстве тобольской съезжей избы, скорее всего, принадлежит очевидцу.

⁴⁶ Таково заключение Е.К.Ромодановской (Ромодановская Е.К. Тобольская летопись... С. 313, 316).

⁴⁷ Ромодановская Е.К. Тобольская летопись... С. 315. Разнообразие источников КЗ противоречит первоначальному допущению Е.К.Ромодановской, что «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири...» составилось из погодных записей (Ромодановская Е.К. Материалы по стилистике сибирской литературы XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 12).

По определению Д.Я.Резуна, КЗ «есть летописный свод с включением известных местных городских хроник» (Резун Д.Я. Очерки... С. 75). Последнее утверждение, исходя из сохранившихся данных о городском летописании, представляется нам гипотетичным.

⁴⁸ /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. / Предисловие. С. 5. Усматривать, пусть и предположительно, в этой рукописи один из этапов «поздней сибирской летописной работы» (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 121) кажется натяжкой.

⁴⁹ Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Служебная чертежная книга» С.У.Ремезова: Археографический комментарий. Материалы // II Ремезовские чтения: 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 527.

В двух списках «Повести о Сибири и о сибирском взятии» Саввы Есипова тоже перечислены тобольские владыки (до Герасима включительно). Источником этого сообщения, скорее всего, является Головинская или Нарышкинская редакция СЛС, где имеется аналогичное известие о присылке в Тобольск патриаршей грамоты 1628 г. с распоряжением «молебная пети и постится неделю» (70. Примеч. 100; 197, 264).

Глава 3

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА СУРГУТА В XIX ВЕКЕ

1. Об организации снабжения продуктами питания города Сургута и его окрестностей

Современных исследователей привлекают проблемы местной истории. История города Сургута — его возникновение¹, организация управления², первые руководители³, социально-культурная жизнь⁴ — является предметом изучения многих историков. Об этом свидетельствует и ряд сборников, посвященных прошлому этого города, ныне крупнейшего экономического и культурного центра Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области⁵. Необходимо отметить, что временные рамки исследований касаются в основном вопросов ранней истории, периода Гражданской войны⁶ и советского периода. При этом многие важные страницы эволюции роли города в судьбе края остаются малоизученными.

Цель настоящей работы — реконструировать по архивным материалам отдельные неизвестные страницы социально-экономической жизни Сургута и его окрестностей в XIX столетии.

Сургут является одним из старейших сибирских городов, основание его связывается с наказом царя Федора Иоанновича, данного 19 февраля 1594 г. воеводе князю Федору Борятинскому и письменному голове Владимиру Аничкову⁷. Населенный пункт был заложен близ остяцкой крепости князя Бардака (Бородока), «4 людьми»: воеводой, священником, купцом и охотником.

Все «первые города» в Западной Сибири, по мнению Н.Н. Симачковой, «возводились как форпосты в борьбе с коренным населением»⁸. Опасность, грозившая от кучумлян и местных кочевников, заставляла строить быстро, порой не заботясь о качестве. Несмотря на трудности, обширные просторы Зауралья осваивались прежде всего за счет строительства городков и острогов: Пельма, Нарыма, Лозьвинского городка, Верхотурья, Тюмени, Тобольска, Мангазеи и других. Названные города стали базой для русской

колонизации в восточном и южном направлениях. Об этом свидетельствует и предписание, данное сургутскому воеводе в 1604 г. об «отправке письменных голов Г.Писемского и В.Тыркова для возведения Томска». Именно последний сменит Тобольск и станет административной столицей обширного края.

В 1782 г. Сургуту был присвоен статус уездного города, а в 1785 г.⁹ (по другим сведениям, одновременно с городским статусом¹⁰) он получил и свой символ-герб («в золотом поле черно-бурая лисица в знак обильной ловли оных в округе сего города»). Но вскоре, буквально через два десятка лет, значение города падает, главная тому причина — строительство новых городов в Южной Сибири. Статус уездного города Сургут утратил в 1804 г., теперь он заштатный, упраздненный (до 1867 г.¹¹).

Численность населения можно установить через косвенные источники, например, в 1835 г. одних только казаков, находившихся на службе и за штатом, насчитывалось 305, а детей в этих семьях 103 человека¹². Имеющиеся сведения позволяют проследить динамику роста и сокращения населения Сургута. По именному списку 1625 г. здесь проживало 222 служилых человека. В дальнейшем из-за высокой смертности население Сургута постепенно уменьшалось и составляло в 1627 г. 216 человек. Затем наблюдается определенная стабильность: в 1635 г. — 200 человек, в 1642 г. — 199, во второй половине XVII в. — в пределах 200 человек, а концу века — 185 жителей¹³.

Заштатный город был небольшим, даже в 50-х гг. XIX в. в нем не было ни одной каменной постройки. Первая школа была открыта только в 1835 г., а дом для нее построил на собственные средства отставной казачий чиновник Туполев.

Снабжение основными продуктами питания, прежде всего хлебом и солью, было приоритетным направлением органов власти местного и губернского уровня Тобольской губернии в XIX в. Интересные сведения на этот счет находим в ряде ранее неиспользованных материалов из Исторического архива Омской области (далее — ИАОО), касающихся Сургута.

Как и другие сибирские города, Сургут находился вдали от магистральных путей сообщения, которых в этих краях в первой трети XIX в. не было, кроме водной артерии — Оби, сроки навигации на которой были ограничены несколькими летними месяцами.

Это обстоятельство усугубляло проблему снабжения рассеянного на огромных западносибирских пространствах русского и местного населения.

Несмотря на постоянную нехватку финансовых средств местные власти изыскивали различные способы, чтобы оборудовать постоянные базы для хранения и распределения хлеба. Документ под названием «По представлению Тобольского гражданского губернатора и губернского правления о постройке в сургутском комиссариатстве запасных магазейнов (далее — магазин) и о позволении атаману Туполеву торговли хлебом»¹⁴ позволяет конкретизировать обстоятельства, касающиеся обозначенного вопроса. Небольшое по объему дело (начато было 29 мая и окончено 6 июня 1822 г.) содержит сведения, касающиеся проблемы обустройства хлебных магазинов в сургутском комиссариатстве. Кроме «главного» «казенного запасного магазина»¹⁵, находящегося в самом населенном пункте, названы еще три частных, расположенных в районах расселения ясачных кочевников. Эти магазины — Нижне-Лумпосольский, Вартовский, Нижне-Калымский — находились от Сургута вверх по реке Обь и были в весьма ветхом состоянии: они «только носят имя магазинов, в самом же деле есть наибеднейшие хижины, в которых не можно содержать хлебов без повреждения и, особенно, в потребном количестве»¹⁶. Такое положение необходимо было исправлять и «устроить порядочные магазины». Ситуация осложнялась тем, что места были малообитаемы: «инородцы были рассеяны, русских же нет вообще». Главная проблема заключалась в отсутствии средств на приведение магазинов в порядок. Местная власть, озабоченная состоянием складов, возлагала надежду на кого-нибудь из сургутских жителей, кто из собственного желанья «добра ясашным и для избежания издержек казны принял на себя» заботы по строительству магазинов.

Таким человеком стал сургутский житель, казачьей команды атаман Алексей Туполев. Он обязывался на собственные средства («собственным своим иждивением») провести ремонтные работы магазинов и «вместо ветхих бревен ввести новые, сделать их выше, утвердить на них крыши и построить в магазинах полы новые». Если же окажется, что ремонтом дело не поправить из-за ветхости зданий, то построить новые. Решать эти вопросы должны

были исходя из обстоятельств. Как отметил сургутский комиссар, А.Туполевым двигало чувство «чистого усердия к пользам ближнего и, особенно, к обитателям столь отдаленной страны»¹⁷. Вскоре он приступил к исполнению своих обязательств. Не упуская «удобного времени» для постройки магазинов, он распорядился готовить все необходимые материалы и начал подражать рабочих. Реализация строительных работ оценивалась в одну тысячу рублей.

Информируя об этом вышестоящее начальство, сургутский чиновник характеризовал А.Туполева как человека «поведения хорошего», о нем были «одобрительные» отзывы сургутских жителей.

В документе мимоходом упоминается факт, что А.Туполев, «между прочим, производит в Сургуте хлебную промышленность», т.е. приторговывал хлебом, чего, в силу своего положения, не имел права делать. Этот проступок оправдывался тем, что хлеб он продавал из благих побуждений, «без обиды или обмана ближнего». В связи с данным фактом становится понятным его *добровольный* поступок бескорыстия. Как представляется, этим он хотел, во-первых, отвести от себя гнев губернского начальства, во-вторых, использовать магазины для развития своего прибыльного дела. В столь малозаселенных и отдаленных местах трудно было контролировать его деятельность.

Поступок А.Туполева Тобольский гражданский губернатор оценил как «усердный вызов», чем, по сути, и одобрил это начинание. Были ли осуществлены мероприятия по ремонту и возведению новых магазинов — неизвестно, как неизвестно и то, какие финансовые средства были в конечном счете потрачены. В то же время можно констатировать, что прежние магазины были построены задолго до указанного в источнике времени.

Вопрос о хлебных запасах в Сургуте стоял на повестке заседания Совета Тобольского общего губернского управления 29 сентября 1837 г. Накануне рассмотрения Тобольское губернское правление было информировано сургутским отдельным заседателем, что «у частных промышленников имеется на продажу муки не более как до тысячи пудов». Этого количества хлебных ресурсов было явно недостаточно для обеспечения населения города и округи. До сентября не был организован завоз дополнительных запасов и сделать это уже будет невозможно из-за мелководья Оби, а значит «все и ясачные инородцы и русские жители» неминуемо

будут, «начиная с нынешнего времени (с осени. — *В.М.*) и во всю зиму приходиться с просьбами об отпуске им муки с казенных запасных магазинов». К августу в сургутском магазине было 20 471 пуд муки.

Следовательно, помимо государственных запасов в этих местах шла довольно активная частная торговля, в том числе и хлебом. Вероятно, эту торговлю поддерживало и правительство, что являлось хорошим подспорьем в плане снабжения населения хлебом. С учетом частной торговли местная власть, как правило, не спешила расходовать государственные запасы, оставляя их в резерве. Небольшие запасы хлеба, прежде всего муки, должны были оказывать влияние на ее ценообразование.

Для инородцев власти устраивали специальные магазины в различных местах, в том числе и вдали от крупных населенных пунктов. Хлеб, как правило, продавался, а наиболее бедным категориям населения, прежде всего местным аборигенам, часто выдавался в долг¹⁸. При этом следует отметить, что не лучше обстояло дело и с доходами русских жителей, в том числе мещан, крестьян и даже казаков. Местные чиновники вынуждены были выдавать хлеб из запасных магазинов при крайней необходимости и в случае нужды конкретного семейства¹⁹. Казачьи семьи, находясь в затруднительном материальном положении, как правило, могли рассчитывать на получение муки «в одолжение из запасных магазинов», но в основном ее отпускали им «только при наличии денег»²⁰.

Порядок отпуска муки из магазинов крестьянам и инородцам регламентировался постановлением, утвержденным Главным управлением еще 5 июля 1830 г., в котором ничего не было сказано относительно семей мещан и казаков. Поэтому заседатель сургутского отделения «испрашивал разрешения» у Тобольского гражданского губернатора, каким образом поступать в отношении этой категории населения²¹.

Руководствуясь явно противоречивыми нормами, содержащимися в «Своде», совет Главного управления Западной Сибири пытался разработать правила раздачи муки применительно к реальной ситуации, которая складывалась в Западной Сибири и, в частности, в Сургуте и его окрестностях. Было принято во внимание положение «Свода», где содержалась норма о запрете отпуска

казенного хлеба без наличных денег всем, кроме кочующих и бродячих инородцев. Этим самым губернское начальство не давало возможности крестьянам и оседлым инородцам рассчитывать на казенный хлеб, пыталось их «приохотить самих заниматься хлебопашеством»²². Примечательно, что уже в то время поднималась важнейшая проблема — хлебопашество в крайне суровых природных условиях рассматривалось как альтернатива привозному хлебу. Но этот вопрос рассматривался только теоретически, а в реальных условиях приближавшейся осени необходимо было предпринимать какие-то шаги, для того чтобы люди не терпели голод в период наступавшей зимы. Исходя из этого 5—7 июля 1830 г. были приняты следующие правила: «Раздачу хлеба в долг производить из казенных магазинов крестьянам и оседлым инородцам в том только случае, по точности удостоверении о неурожаях собственного хлеба, также кедровых орехов и скудного лова зверя и рыбы будут они иметь совершенную нужду в казенном пособии»; «Местное начальство каждый раз, когда только заметит, что посев хлеба истреблен каким-либо случаем, что урожай кедровых орехов и ловля зверя и рыбы весьма скудны, так что избыток одного не может наградить недостатков в другом, отчего крестьяне и оседлые инородцы, не имея средств к приобщению хлеба от вольных торговцев, будут обращаться с просьбами об отпуске в долг из казенных магазинов, обязан доносить о сем тотчас губернскому начальству»; «гг. гражданские губернаторы все таковые донести предлагают рассмотрению губернских советов, где, определяя по числу нуждающихся семейств меру пособия, срок платежа деньгами или через возврат собственным хлебом представляют положение сии в Главное управление»; «Главное управление по рассмотрении обстоятельств, если найдет пособие крестьянам и инородцам необходимым и казенные запасы достаточными разрешает отпуск в долг хлеба, как поставлено об оном высшему начальству»; «между тем, дабы в продолжении происходящей переписки при отдаленности края крестьяне и оседлые инородцы непомерным голодом не страдали, то позволить местному начальству до получения разрешения выдавать взаимобразно казенный хлеб под круговое крестьян и инородцев ручательство, но в том только количестве, какое будет необходимо

для продовольствия и не более как один только месяц под строгою ответственностью»²³.

Таким образом, губернское начальство, ссылаясь на имперские законы, пыталось их применять с учетом сложившихся условий, в которых оказалось местное население.

В ответ на обращение сургутского отдельного заседателя Совет губернского правления, несмотря на неполноту предоставленной информации («не означает ни количества людей нуждающиеся в пособии хлебом, ни потребности сего последнего»²⁴), приняло следующее решение: «если и мещане и отставные казаки или и служащие по обремененности такими большими семействами, что казенного пайка на пропитание оных, очевидно, недостаточно и они не будут иметь ни покупку хлеба, ни денег, ни звериных шкур, следует разрешить выдачу хлеба необходимо нужное для пропитания количества в долг с уплатою в последствии деньгами или звериными шкурами по оценке, утвержденной Главным управлением под поручительство, какое местным заседателем признано будет благонадежным, а срок платежа назначить до окончания зимних промыслов зверя и рыбы»²⁵. Материалы из журнала были затребованы генерал-губернатором Западной Сибири 5 октября 1837 г. и вскоре были ему направлены²⁶. Решение было просмотрено и, как свидетельствует подпись генерал-губернатора Горчакова от 31 августа 1838 г., получило его одобрение²⁷. Даты на документах свидетельствуют о том, что документооборот был медленным, утверждение последовало только через 10 месяцев после направления документов.

Рассматривая проблему снабжения хлебом, следует отметить: служилые люди получали годовое жалование деньгами (от 5 рублей 25 копеек), хлебом (8 четвертей холостым и 11 четвертей женатым казакам). Но этого явно было недостаточно при том скудном рационе, который был возможен с суровых условиях сибирского климата.

2. Некоторые факты о снабжении сургутских жителей солью

Важной частью ежедневного рациона человека является соль. Поэтому снабжение солью, в том числе и жителей г.Сургута и его окрестностей, в 60-е гг. XIX в. было приоритетным направлением

деятельности местной администрации. О важности вопроса свидетельствует факт наличия в городе специального соляного пристава²⁸, в обязанности которого входил отпуск соли, прием на хранение новых запасов, а также составление отчетов о расходовании этого ценного продукта. Соль хранилась в сургутском соляном магазине, отпускалась для ежедневных потребностей жителей в стоячной лавке.

Таблица

Об отпуске соли из соляного магазина²⁹

Дата	В наличии соли (в пудах)	Сроки отчетного периода	Расход (в пудах)
К 1 января 1861 г.	5 569, 20	С 1 по 15 января	24,20
К 15 января	5 545	С 15 января по 1 февраля	36
К 1 февраля	5 509	С 1 по 15 февраля	24
К 15 февраля	5 485	С 16 февраля по 1 марта	25
К 1 марта	5 460	С 1 по 15 марта	15
К 15 марта	5 445	С 15 марта по 1 апреля	104
К 1 апреля	5 341	С 1 по 15 апреля	36
К 15 апреля	5 305	С 15 апреля по 1 мая	35
К 1 мая	5 270	С 1 по 15 мая	41
К 15 мая	5 229	С 15 мая по 1 июня	38
К 1 июня	5 191	С 1 по 15 июня	24
К 15 июня	5 167	С 15 июня по 1 июля	80
К 1 июля	5 087 + 1 970 = 7 057	С 1 по 15 июля	20
К 15 июля	7 037	С 15 июля по 1 августа	22
К 1 августа	7 015	С 1 по 15 августа	32
К 15 августа	6 983	С 15 августа по 1 сентября	346
К 1 сентября	6 637	С 1 по 15 сентября	37
К 15 сентября	6 600	С 15 сентября по 1 октября	30
К 1 октября	6 570	С 1 по 15 октября	10
К 15 октября	6 560	С 15 октября по 1 ноября	14
К 1 ноября	6 546	С 1 по 15 ноября	9
К 15 ноября	6 537	С 15 ноября по 1 декабря	29
К 1 декабря	6 508	С 1 по 15 декабря	17
К 15 декабря	6 491	С 15 по 22 декабря	8

К 22 декабря	6 483		
К 22 декабря 1861 г.	6 483	С 22 декабря по 1 января 1862 г.	10
К 1 января	6 473	С 1 по 7 января	7
К 7 января	6 466	С 7 по 15 января	11
К 15 января	6 455	С 15 по 22 января	10
К 22 января	6 445	С 22 января по 1 февраля	17
К 1 февраля	6 428	С 1 по 8 февраля	6
К 8 февраля	6 422	С 8 по 15 февраля	12
К 15 февраля	6 410	С 15 по 22 февраля	14
К 22 февраля	6 396	С 22 февраля по 1 марта	15
К 1 марта	6 381	С 1 по 8 марта	9
К 8 марта	6 372	С 8 по 15 марта	16
К 15 марта	6 356	С 15 по 22 марта	25
К 22 марта	6 331	С 22 марта по 1 апреля	78
К 1 апреля	6 253	С 1 по 8 апреля	17
К 8 апреля	6 236	С 8 по 15 апреля	10
К 15 апреля	6 226	С 15 по 22 апреля	17
К 22 апреля	6 209	С 22 апреля по 1 мая	8
К 1 мая	6 201	С 1 по 8 мая	25
К 8 мая	6 176	С 8 по 15 мая	0
К 15 мая	6 176	С 15 по 22 мая	5
К 22 мая	6 171	С 22 мая по 1 июня	30
К 1 июня	6 141	С 1 по 8 июня	15
К 8 июня	6 126	С 8 по 15 июня	10
К 15 июня	6 116	С 15 по 22 июня	50
К 22 июня	6 066	С 22 июня по 1 июля	21
К 1 июля	6 045	С 1 по 8 июля	22
К 8 июля	6 023	С 8 по 15 июля	13
К 15 июля	6 010	С 15 по 22 июля	25
К 22 июля	5 995	С 22 июля по 1 августа	10
К 1 августа	5 985	С 1 по 8 августа	12
К 8 августа	5 973	С 8 по 15 августа	108
К 15 августа	5 865	С 15 по 22 августа	38
К 22 августа	5 827	С 22 августа по 1 сентября	27
К 1 сентября	5 800	С 1 по 8 сентября	10
К 8 сентября	5 790	С 8 по 15 сентября	15
К 15 сентября	5 775	С 15 по 22 сентября	10

К 22 сентября	5 765	С 22 сентября по 1 октября	20
К 1 октября	5 745	С 1 по 8 октября	5
К 8 октября	5 740	С 8 по 15 октября	9
К 15 октября	5 731	С 15 по 22 октября	7
К 22 октября	5 724	С 22 октября по 1 ноября	9
К 1 ноября	5 715	С 1 по 8 ноября	8
К 8 ноября	5 707	С 8 по 15 ноября	13
К 15 ноября	5 694	С 15 по 22 ноября	4
К 22 ноября	5 690	С 22 ноября по 1 декабря	12
К 1 декабря	5 678	С 1 по 8 декабря	9
К 8 декабря	5 669	С 8 по 15 декабря	13
К 15 декабря	5 656	С 15 по 22 декабря	10
К 22 декабря	5 646	С 22 декабря по 1 января	6
К 1 января 1862 г.	5 640	С 1 по 8 января	21
К 8 января	5 619	С 8 по 15 января	10
К 15 января	5 609	С 15 по 22 января	22
К 22 января	5 587	С 22 января по 1 февраля	17
К 1 февраля	5 570	С 1 по 8 февраля	24
К 8 февраля	5 546	С 8 по 15 февраля	7
К 15 февраля	5 539	С 15 по 22 февраля	10
К 22 февраля	5 529	С 22 февраля по 1 марта	28
К 1 марта	5 501	С 1 по 8 марта	13
К 8 марта	5 488	С 8 по 15 марта	10
К 15 марта	5 478	С 15 по 22 марта	29
К 22 марта	5 449	С 22 марта по 1 апреля	35
К 1 апреля	5 414	С 1 по 8 апреля	15
К 8 апреля	5 399	С 8 по 15 апреля	10
К 15 апреля	5 389	С 15 по 22 апреля	15
К 22 апреля	5 374	С 22 апреля по 1 мая	18
К 1 мая	5 356	С 1 по 8 мая	77
К 8 мая	5 279	С 8 по 15 мая	18
К 15 мая	5 261	С 15 по 22 мая	15
К 22 мая	5 246	С 22 мая по 1 июня	10
К 1 июня	5 236	С 1 по 8 июня	7
К 8 июня	5 229	С 8 по 15 июня	6

К 15 июня	5 223	С 15 по 22 июня	69
К 22 июня	5 154	С 22 июня по 1 июля	79
К 1 июля	5 075	С 1 по 8 июля	50
К 8 июля	5 025	С 8 по 15 июля	63
К 15 июля	4 962	С 15 по 22 июля	25
К 22 июля	4 937	С 22 июля по 1 августа	445
К 1 августа	4 492	С 1 по 8 августа	195
К 8 августа	4 297	С 8 по 15 августа	200
К 15 августа	4 097	С 15 по 22 августа	411
К 22 августа	3 686	С 22 августа по 1 сентября	414
К 1 сентября	3 272	С 1 по 8 сентября	25
К 8 сентября	3 247	С 8 по 15 сентября	25
К 15 сентября	3 222	С 15 по 22 сентября	10
К 22 сентября	3 212	С 22 сентября по 1 октября	10
К 1 октября	3 202	С 1 по 8 октября	15
К 8 октября	3 187	С 8 по 15 октября	23
К 15 октября	3 164	С 15 по 22 октября	15
К 22 октября	3 149	С 22 октября по 1 ноября	6
К 1 ноября	3 143	С 1 по 8 ноября	5
К 8 ноября	3 138	С 8 по 15 ноября	9
К 15 ноября	3 129	С 15 по 22 ноября	4
К 22 ноября	3 125	С 22 ноября по 1 декабря	23
К 1 декабря	3 102	С 1 по 8 декабря	5, 2
К 8 декабря	3 096,2	С 8 по 15 декабря	12
К 15 декабря	3 084, 2	С 15 по 22 декабря	4, 2
К 22 декабря	3 080,2	С 22 декабря по 1 января	36
К 22 декабря 1865 г.	2 811,8	С 22 декабря по 1 января	15
К 1 января 1866 г.	2 796,8	С 1 по 8 января	30
К 8 января	2 766,8	С 8 по 15 января	36
К 15 января	2 730,8	С 15 по 22 января	4
К 22 января	2 726,8	С 22 января по 1 февраля	3
К 1 февраля	2 723,8	С 1 по 8 февраля	10

К 8 февраля	2 713,8	С 8 по 15 февраля	16
К 15 февраля	2 697,8	С 15 по 22 февраля	6
К 22 февраля	2 691,8	С 22 февраля по 1 марта	7
К 1 марта	2 684,8	С 1 по 8 марта	20
К 8 марта	2 664,8	С 8 по 15 марта	26
К 15 марта	2 638,8	С 15 по 22 марта	25
К 22 марта	2 613,8	С 22 марта по 1 апреля	52
К 1 апреля	2 561,8	С 1 по 8 апреля	37
К 8 апреля	2 524,8	С 8 по 15 апреля	25
К 15 апреля	2 499,8	С 15 по 22 апреля	20
К 22 апреля	2 479,8	С 22 апреля по 1 мая	37
К 1 мая	2 442,8	С 1 по 8 мая	14
К 8 мая	2 428,8	С 8 по 15 мая	20
К 15 мая	2 408,8	С 15 по 22 мая	35
К 22 мая	2 373,8	С 22 мая по 1 июня	52
К 1 июня	2 322,8 + поступило от подрядчика 995	С 1 по 8 июня	25
К 8 июня	3 292,8	С 8 по 15 июня	10
К 15 июня	3 282,8	С 15 по 22 июня	14
К 22 июня	3 268,8	С 22 июня по 1 июля	49
К 1 июля	3 219,8	С 1 по 8 июля	31
К 8 июля	3 188,8	С 8 по 15 июля	15
К 15 июля	3 173,8	С 15 по 22	30
К 22 июля	3 143,8	С 22 июля по 1 августа	72,17
К 1 августа	3 070,31	С 1 по 8 августа	21
К 8 августа	3 049,31	С 8 по 15 августа	18
К 15 августа	3 031,31	С 15 по 22 августа	38
К 22 августа	2 993,31	С 22 августа по 1 сентября	27
К 1 сентября	2 966,31	С 1 по 8 сентября	35
К 8 сентября	2 931,31	С 8 по 15 сентября	40
К 15 сентября	2 891,31	С 15 по 22 сентября	23
К 22 сентября	2 868,31	С 22 сентября по 1 октября	19,19
К 1 октября	2 849,12	С 1 по 8 октября	9
К 8 октября	2 840,12	С 8 по 15 октября	6
К 15 октября	2 834,12	С 15 по 22 октября	6
К 22 октября	2 828,12	С 22 октября по 1 ноября	6
К 1 ноября	2 822,12	С 1 по 8 ноября	12

К 8 ноября	2 810,12	С 8 по 15 ноября	13
К 15 ноября	2 797,12	С 15 по 22 ноября	10
К 22 ноября	2 787,12		

Отчеты об отпуске соли с 1 января 1861 г. до конца декабря составлялись каждые две недели, а затем стали еженедельными. Они направлялись в Главное управление Западной Сибири, отделение 3, стол 2. Причину столь частых отчетов предстоит выяснить, по всей вероятности, ее следует усматривать в важности этого ценного продукта и необходимости контролировать процесс расходования запасов соли. Примерно с 15 июня 1861 г. обязанности соляного пристава выполнял Рачинский (до этого он исполнял обязанности казначея), со 2 октября этого же года — Тархов, который выполнял эти обязанности и начиная с 22 января 1863 г., а с декабря 1865 г. — Бигоев.

Анализ отчетной документации позволяет выяснить и сроки завоза соли. К 1 июля 1861 г. купцом Сухановым на судне было доставлено 1 970 пудов, а к 1 июня 1866 г. — 995 пудов от неназванного подрядчика. Приведенные сведения дают основание говорить, что завоз осуществлялся в наиболее благоприятное для навигации время — летние месяцы. Казенная соль доставлялась на частных судах, что свидетельствовало о довольно развитой пароходной навигации отдельных купцов. Иногда, как это было в 1866 г., государственные органы заключали договоры подряда на доставку соли в столь отдаленные местности.

Соль отпускалась со склада еженедельно, за весь приведенный период только однажды с 8 по 15 мая 1862 г. не было отпущено ни одного пуда, в остальное время — по мере спроса жителей. При этом обычно с 15 марта по 1 апреля — время перед весенней распутицей и разливом рек — отпуск увеличивался в несколько раз, поскольку аборигены запасались столь необходимым продуктом впрок. Вновь спрос возрастал уже в августе. Но случались и особые годы, например, 1863 г. отличается спросом на соль в продолжение ряда месяцев, начиная с второй половины марта до самой осени. При этом отпуск превышал объемы предыдущих лет в несколько раз: все летние месяцы — в пределах 70 пудов, а с 1 августа трижды более чем 400 пудов. Это интересный факт, и следует еще выяснить, что привело к столь большому росту

спроса на соль, тем более, что в следующем 1866 г. спрос был в пределах обычного.

Следует обратить внимание на следующие цифры. Если в 1861—62 гг. запасы соли составляли 5—6 тысяч, а порой и более 7 тысяч пудов, то после ажиотажного спроса летом 1863 г. запасы в предыдущих объемах не были восстановлены и поддерживались на уровне 2,3—3,5 тысяч пудов.

Необходимо заметить, что служилые люди, кроме денежного жалования и хлебного довольствия, получали содержание солью — полтора пуда женатым и пуд с четвертью холостым.

Таким образом, снабжение солью жителей сибирской глубинки было налажено без перерыва, в течение всего года запасы ее поддерживались в достаточном количестве для удовлетворения всех потребностей населения. Ежегодно и своевременно доставлялись новые партии соли для пополнения израсходованных запасов.

3. Об учреждении в Сургуте ярмарки

К концу XVIII в. относится возникновение в Сургуте ежегодных ярмарок: в обмен на пушнину и рыбу приобретали муку, табак, сукно, холст, бисер, платки, а также капканы, топоры, ножи, кружки и прочее. Подобную информацию можно найти на различных сайтах, посвященных истории г.Сургута. Однако обнаруженный нами документ позволяет не только отклонить такое мнение, но и назвать конкретный год, когда был официально инициирован вопрос об открытии в Сургуте ярмарки. Это небольшая по размерам папка с материалами, содержащая 3 письма и датированная 29 января — 6 мая 1866 г.^{30, 30а}

«МВД. Начальник Тобольской губернии. 24 января 1866 г. № 428 Господину Генерал-губернатору Западной Сибири³¹. Тобольской губернатор³², представив мне отзыв торгующих в Сургуте лиц и приговор инородцев Аганской, Юганской, Тром-Юганской и Салымской волостей³³ сургутского участка, ходатайствующих об учреждении в Сургуте ежегодно с 23 декабря по 15 января ярмарки донесло, что так как в низовом крае существует только одна ярмарка в селе Обдорском³⁴, находящемся от Сургута на весьма дальнем расстоянии и, следовательно, от учреждения

в Сургуте ярмарки, подрыв другим ярмаркам быть не может, то Губернское правление не встречает препятствий к учреждению этой ярмарки. Принимая в соображение, что с 23 декабря по 15 января все почти инородцы³⁵ сургутского участка обыкновенно съезжаются в Сургут для взноса ясака и, что для них было бы весьма выгодно и удобно пользоваться этим съездом для своих торговых целей, я своей стороны нахожу учреждение ярмарки в Сургуте в помянутый период времени вполне полезным для инородцев сургутского участка, так как на ярмарке они могут выгоднее приобрести все нужные для них предметы, чем у торгующих в Сургуте лиц.

Поэтому и на основании ст. 463 т. 2 губернских учреждений по продолжению 1863 представляется подлинный отзыв торгующих в Сургуте и приговор инородцев сургутского участка, имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего высокопревосходительства об учреждении в Сургуте ежегодно с 23 декабря по 15 января ярмарки».

«Главное управление Западной Сибири. 4 февраля 1866 № 358 г.Омск. Господину Министру Внутренних Дел.

На что Губернатор представил мне отзыв торгующих в Сургуте лиц приговор инородцев (волости) сургутского участка, ходатайствующих об учреждении в Сургуте ежегодно с 23 декабря по 15 января ярмарки, донес, что так как в низовом крае существует только одна ярмарка в селе Обдорском, находится от Сургута на весьма дальнем расстоянии и, следовательно, подрыв другим ярмаркам быть не может, то действия статского советника не встречает препятствий к учреждению этой ярмарки. Принимая в соображение, что с 23 по 15 января все почти инородцы сургутского участка обыкновенно съезжаются в Сургут для взноса ясака и, что для них было бы весьма выгодно и удобно пользоваться этим съездом для своих торговых целей, я со своей стороны нахожу учреждение ярмарки в Сургуте в помянутый период времени вполне полезным для инородцев сургутского участка, так как на ярмарке они могут выгоднее приобрести все нужные для них предметы, чем у торгующих в Сургуте лиц. Поэтому и на основании ст. 463 т. 2 губернских учреждений по продолжению 1863 г. представляется подлинный отзыв торгующих в Сургуте и приговор инородцев сургутского участка, имею честь покорнейше просить

ходатайства Вашего высокопревосходительства об учреждении в Сургуте ежегодно с 23 декабря по 15 января ярмарки».

«Министерство Внутренних Дел. Департамент хозяйственный. Отделение 1, стол 2. 30 марта 1866 г. ответ на № 368. Господину Генерал-губернатору Западной Сибири. Препятствий к учреждению в г.Сургуте Тобольской губернии ежегодной ярмарки с 23 декабря по 15 января нет, о чем им донесено ныне же Правительствующему Сенату для распоряжения к объявлению во всеобщее сведение. Министр Внутренних Дел. Статс-секретарь Валуев³⁶ За директора»³⁷.

Следовательно, вопрос об открытии ярмарки решался на уровне Правительствующего Сената, что свидетельствовало о сверхцентрализации управления империей. Даже торгово-хозяйственные вопросы, затрагивавшие интересы небольшого уезда, не могли разрешаться не то что на уровне губернии, но даже генерал-губернатором.

Таким образом, приведенные факты позволяют судить о серьезных проблемах, прежде всего финансовых, организационных, транспортных, которые стояли перед местной и губернской администрацией и касались устройства хлебных магазинов, ее попыток, несмотря на трудности, решать вопрос снабжения хлебом инородцев и других немногочисленных жителей. Отсутствие должного контроля приводило порой к злоупотреблениям казачьих атаманов на местах. Снабжение солью было организовано лучше, перебоев не наблюдалось. При этом представляет интерес чрезмерный спрос на соль, выявленный в 1863 г. Причины этого ажиотажа предстоит еще выяснить. Инициирование открытия ярмарки обосновывается интересами местных жителей, что свидетельствовало об оживлении торговли в Сургутском уезде в период проводимых в России реформ.

Примечания

¹ В материалах архива Г.Е.Катанаева указывается на 1592 г. как время образования города (Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). Ф. 35. Д. 446. Л. 2; Дронкина О.И., Солодкин Я.Г. Ранняя история Сургута в летописании XVII в. // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Сургут, 2001. С. 36—38; Солодкин Я.Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 25—35; Он же. Кем основан Сургут? // Югра. 2003. № 9—10. С. 40—41; Он же. Основание

Сургу́та и экспедиция на Тару-реку // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1. С. 27—30; Он же. Возникновение Березова и Сургу́та (о живучих историографических мифах) // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 13—19; Он же. О некоторых дискуссионных вопросах основания Сургу́та // В.И.Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири: Мат-лы науч.-практ. конф. Сургу́т, 2007. С. 59—68; Он же. Возникновение Сургу́та: О некоторых историографических мифах // Северная цивилизация: Становление, проблемы, перспективы: Мат-лы I конгресса. Сургу́т, 2004. С. 279—281; Он же. Основание Сургу́та в отечественной историографии // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии. Ханты-Мансийск, 2005. С. 79—84; Он же. Первостроители Сургу́та // Югра. 2007. № 12. С. 61р.

² Солодкин Я.Г. Сургу́тские воеводы князя Ф.П. и Я.П.Барятинские (по новым материалам) // Сургу́т в отечественной истории. С. 39—42. Известный историограф установил, что «из сургу́тских администраторов рубежа XVI—XVII вв. пять относились к дворянству московскому, семь — к выборным, один был жильцом, один принадлежал к городовым служилым людям» (Солодкин Я.Г. Первые воеводы и головы Сургу́тского уезда // Западная Сибирь: история и современность. Краевед. зап. (далее — ЗС). Екатеринбург, 1999. Вып. 2.

³ Солодкин Я.Г. Первые воеводы и головы Сургу́тского уезда // ЗС. Екатеринбург, 1999. Вып. 2. С. 5—11; Он же. Основатели Сургу́та // Югра. 2000. № 1. С. 58—60; Он же. Строитель Пелыма князь Петр Горчаков // Югра. 2000. № 7—8. С. 106—107; Он же. Сургу́тский воевода Яков Барятинский // Югра. 2001. № 6. С. 57—58; Он же. Первые воеводы и головы Пелыма // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 112—114; Он же. Основатель Сургу́та Владимир Аничков: вехи биографии // Актуальные проблемы истории Западной Сибири. Сургу́т, 2006. С. 3—9.

⁴ Цысь В.В. Первая сургу́тская школа // Югра. 2009. № 1. С. 60—62; Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории становления образования в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Кол. моногр. / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2010. Ч. 5. С. 100—104.

⁵ Древний город на Оби: История Сургу́та. Екатеринбург, 1994; Сургу́т в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Сургу́т, 2001; Очерки истории Сургу́та. Сургу́т, 2002.

⁶ Цысь В.В. Органы государственной власти и управления Временного правительства на территории Сургу́тского уезда // ЗС. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 53—62.

⁷ Солодкин Я.Г. Годовальщики в сибирских городах и острогах конца XVI—XVII веков (по новым материалам) // ЗС. Тюмень, 2007. Вып. 9. С. 34; Наказ царя Федора Ивановича воеводе кн. Борятинскому и голове В.Оничкову о строительстве города Сургу́та // Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Документы XVII века по истории Сургу́тского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 129—132. Как видим, написание фамилии сургу́тского письменного головы различное.

⁸ Симачкова Н.Н. Военные функции воевод западносибирских городов (конец XVI — начало XVII вв.) // ЗС. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 4.

⁹ URL: www.surguthotels.ru/info/history.ht.; www.vsurgut.info/surgut_gerb.shtml.; Рево О. Гербы городов Тобольской и Томской губерний // Наука и жизнь. 1978. № 6. С. 113.

¹⁰ URL: www.rucities.ru/surgut/history.aspx; school7.admsurgut.ru/muzeishkoli/hi...

¹¹ Т.А.Исаева указывает на 1868 г. (Исаева Т.А. Тобольской губернии Сургутский уезд // Родина. Спец. вып. 2002. С. 87).

¹² Митрофанов В.В. О малоизвестных источниках по истории становления образования в Западной Сибири... С. 100.

¹³ Численность населения по переписи 1897 г.: весь Сургутский округ — 7 747, г.Сургут — 1 120 человек (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги): В 89 т. СПб.: 1903—1905).

¹⁴ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-3.

¹⁵ Свод законов Российской империи определяет, что «казенные хлебные запасные магазины в сибирских губерниях суть: постоянные и временные». Там же устанавливается, что «постоянные магазины суть от кои ежегодно наполняются положенным в их количествах хлеба». (Свод законов Российской империи (далее — Свод): В 16 т. СПб., 1912. Т. 13. Ст. 215, 216).

¹⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ В Своде законов Российской империи на этот счет записано: «Запасы всегда должны быть открыты в пособие бедным людям», при этом «бедность состояния должна быть удостоверена сведениями полиции, свидетельствами местного начальства, городской думы или ратуши» (Свод. СПб., 1912. Т. 13. Ст. 241, 242).

¹⁹ Свод законов российской империи этот вопрос регулировал следующим образом: «количество отпусков не должно превышать месячного продовольствия каждого семейства» (Свод. СПб., 1912. Т. 13. Ст. 243).

²⁰ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 2 об.

²¹ На этот счет имеется четкое указание и в Своде: «в тех городах, где нет ни общественных магазинов, ни частной продажи в лавках и магазинах и где вся хлебная торговля состоит на рыночном подвозе, а подвоз за распутицею за разлитием рек и по другим случайным препятствиям будет недостаточен, отпускать хлеб из казенных запасов и зажиточным людям», «количество отпусков зажиточным людям не должно превышать месячного продовольствия каждого семейства», но далее имеется другая, прямо противоположная норма: «отпуск хлеба без наличных денег запрещается» (Свод. СПб., 1912. Т. 13. Ст. 246, 247, 250).

²² ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

²³ Там же. Л. 3 об-4.

²⁴ Там же. 4 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 1649. Л. 2.

²⁷ Принятому решению предшествовал проект документа, позволяющий проследить процедуру подготовки подобного рода документов: «Совет Главного управления Западной Сибири, входя в обсуждение вопроса — каким образом

поступать сургутскому отдельному заседателю в выдаче из запасных магазинов хлеба мещанам и казакам и соображая в последовавшем по сему предмету положением 5/7 июня 1830 г Совета Главного управления находит: 1. Что сведения сургутского отдельного заседателя, последовавшем еще в минувшем 1837 г., не означает ни количества людей, нуждающихся в пособии хлебом, ни потребности сего последнего тако же не объяснено, чтобы предстоящий сбор кедровых орехов угрожал совершенным неурожаем и что улов зверей и рыбы были скудны при каковых только обстоятельствах допускается лишь казенное пособие выдачею хлеба в ссуду. 2. Что Совет Главного губернского управления, предполагая выдачу хлеба в ссуду, признает возможным допустить оную под поручительство, какое местным заседателем признано будет благонадежным, ни определяя никаких для сего положительных правил. Таковое разрешение в получении самого хлеба поставляло бы всех жителей с непосредственною ответственностью от заседателя. Почему и как 13 т. 250 ст. отпуск хлеба без денег воспрещен, то Совет Главного управления полагает поставить в непосредственную обязанность сургутскому заседателю в ссуде и раздаче хлеба руководствоваться состоявших по сему предмету положением Главного управления 5/7 июля 1830 года и изданными законами. Для исполнения сего, препроводить к исправляющему должность Тобольского гражданского губернатора выписку с сего положения. Управляющий отделением Соколов» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1649. Л. 11-12).

²⁸ Соляной пристав — должностное лицо, наблюдавшее за соблюдением порядка акцизной торговли солью. Надо полагать, пристав как олицетворение эффективно действующей государственной власти был фигурой влиятельной и популярной.

²⁹ Таблица составлена по материалам ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4908 а; Оп. 4. Д. 5183, 5545; Оп. 5. Д. 7195.

³⁰ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6709. Л. 1-3.

^{30a} В приведенных в тексте главы цитатах сохранена орфография и пунктуация источника.

³¹ В это время генерал-губернатором был Дюгамель Александр Осипович. Он прекрасно владел французским, немецким, турецким и персидским языками. Но в отличие от своего предшественника Г.Х.Гасфорда был человеком осторожным и предпочитал проводить имперскую политику умеренными методами, выступал против кардинальных перемен в системе управления. Дюгамель не поддержал плана переноса административного центра из Омска на юг, а также резиденции генерал-губернатора в Томск. Он, напротив, утверждал, что Омск должен оставаться административным центром не только Западной Сибири, но и Степного края. Его аргументированная позиция почти на 20 лет продлила статус Западно-Сибирского генерал-губернаторства, упраздненного только в 1882 г. Неподходящий сибирский климат, болезнь, разногласия с военным министром заставили А.И.Дюгамеля 26 октября 1866 г. оставить пост генерал-губернатора Западной Сибири.

³² Зенович (Деспот-Зенович) Александр Иванович (1829—1897) — Тобольский губернатор в 1863—1867 гг.

³³ В 1893 г. Сургутский уезд включал Тундринскую волость, а также следующие инородные волости и управы: Аганская, Больше-Юганская, Ваховская,

Вторая Лумпокольская, Карапольская, Лумпокольская, Мало-Юганская, Нижне-Верхне-Ваховская, Первая Лумпокольская, Пинская, Пиргинская, Подгородно-Тром-Юганская, Подгородно-Юганская, Подгородно-Юганская Вторая, Салтыковская Первая, Салтыковская Вторая, Салымская, Селияровская, Трём-Юганская, Тымская, общей площадью 220 452,4 верст².

³⁴ Обдорская крепость, основанная в 1595 г., в рассматриваемое время имела статус села.

³⁵ По переписи 1897 г. в Сургутском уезде местные аборигены составляли 71,7% от всего населения, насчитывавшего 7 747 человек.

³⁶ Валуев Петр Александрович (1814—1890) — граф, с декабря 1861 г. министр внутренних дел России.

³⁷ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6709. Л. 1-3.

Глава 4

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ И ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ (На материалах Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.)

Вместе с зарождением российской бюрократии появилась необходимость учета государственных служащих как залога успешной кадровой политики царского правительства. Согласно Указу Сената от 31 января 1764 г. все государственные учреждения обязывались каждые полгода присылать списки чиновников по особой форме. Появились так называемые формулярные или послужные списки, ставшие основной формой документирования прохождения службы российскими чиновниками.

Информация в послужные списки вносилась по строго заданному образцу, который до середины XIX в. постоянно совершенствовался, охватывая новые области жизнедеятельности каждого отдельно взятого представителя царской бюрократии. Например, графа о семейном положении чиновника, включающая также сведения о социальном происхождении и вероисповедании его жены, точной дате рождения, имени и вероисповедании детей, появилась позже, чем другие, — по Указу от 31 октября 1771 г.¹ Регулирующие процедуру регистрации личного состава чиновничества указы выходили также в 1771, 1788, 1849 гг.²

Ко второй половине XIX столетия формулярный список представлял собой подобие анкеты из 14 граф с практически исчерпывающей информацией о чиновнике, начиная с имени, возраста, происхождения, вероисповедания, чина, должности, включая сведения об образовании и имуществе, кадровых переменах, величине жалованья, знаках отличия и других сведениях о качестве службы, заканчивая фиксацией семейного положения. То есть данный документ фиксировал и социодемографические, и профессиональные аспекты жизнедеятельности членов российского бюрократического аппарата. Послужные списки «были рассчитаны на фиксирование необходимого минимума социально значимой

информации, необходимой и достаточной для управления бюрократией»³.

Перечисленные содержательные особенности формуляров, а также высокая степень достоверности⁴ их данных, определили роль названных документов в качестве исторических источников. Если дополнительно учесть «ординарность обстоятельств происхождения», однородность информации, «однотипность формы, тяготеющей к стандартизации» формулярных списков, то мы получаем массовый источник⁵, следовательно, можем реконструировать социопрофессиональный облик дореволюционной бюрократии.

Действительно, формулярные списки являются незаменимым источником для изучения самых различных аспектов истории царской бюрократии, это базовый и высокоинформативный документ, благодаря которому исследуются персональный состав, образовательный уровень, социальное происхождение, материальное и семейное положение, служебные карьеры членов коронной администрации и, безусловно, многое и многое другое. Но это лишь прямая, открытая информация источника, традиционный и вполне логичный способ применения сведений формуляров. Однако, на наш взгляд, возможным и необходимым представляется расширение источниковедческого потенциала послужных списков. Одним из таких способов может стать изменение первоначального взгляда на формуляры как на источник только по истории чиновничества, что позволит выйти за рамки узкопроблемного подхода и проследить, пусть и опосредовано, некоторые процессы в российском обществе в целом. В нашем случае это процессы социальной мобильности населения Сибири на примере формулярных списков государственных служащих Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.⁶

Итак, один из основных параметров, используемых при характеристике российского чиновничества как социопрофессиональной группы, — это установление круга тех социальных слоев населения, которые служили источниками его комплектования. Дело в том, что эти данные как раз и позволяют не просто представить пути пополнения коронной администрации, восстановить социальный облик бюрократии и т.п., но и охарактеризовать процессы горизонтальной и вертикальной социальной мобильности российских сословий.

Как известно, с момента появления чиновничества царское правительство стремилось контролировать и регулировать процесс формирования бюрократии⁷. Например, через прием на государственную службу представителей таких сословий и социальных групп, список которых был четко очерчен в законе. Так, «Положение о канцелярских служителях» от 14 октября 1827 г. поступление на службу, равно и служебные преимущества однозначно связывало с сословной принадлежностью претендента: предпочтение отдавалось лицам дворянского звания. Кроме этого на государственную службу допускались лишь немногие, например, сыновья купцов 1-й гильдии, дети канцелярских служителей, священников и дьяконов, художников и ученых⁸. В разделе № 5 «Устава о службе», который посвящен актам или доказательствам служебного состояния, в том числе послужным спискам, в одном из пунктов записано: «В графе о происхождении чиновника, звание отца его должно быть означено со всею точностью, хотя бы сам он находился уже в чинах, присвояющих дворянское достоинство»⁹.

Уже первое знакомство с формулярными списками чиновников, состоящих на службе в Tobольской губернии, к примеру, в 60-е гг. XIX в., позволяет очертить примерный круг участников формирования администрации названного региона. И этот круг достаточно широк, он включает практически все социальные слои российского общества того времени от чинов из казацкого звания и с разночинным происхождением до потомственных дворян. И позже на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. на службе в Tobольской губернии состояли выходцы из разных социальных слоёв населения — духовенства, дворян, купцов, мещан, разночинцев, солдат, крестьян и пр., что указывает на широкую социальную базу чиновничества. Подобная «пестрота» социального состава укладывается в «четырёхчленную сословную парадигму»¹⁰: дворянство — духовенство — городские сословия — крестьянство. На долю участия каждого в пополнении tobольской бюрократии приходилось соответственно 49,5% — 23,0% — 17,5% — 10,0%. Почти половина личного состава администрации губернии принадлежала к высшему российскому сословию — дворянству. Но дворянству не потомственному, а личному.

В целом за рассматриваемый период на службе в Тобольской губернии таких чиновников было 14%, причем «из приезжих».

Причина указанной особенности социальной структуры тобольской бюрократии кроется в местной социальной специфике губернии — малочисленности в составе населения потомственного дворянства. По данным статистического исследования 1881 г., проведенного по поводу 300-летней годовщины завоевания Сибири, из 1 206 430 душ обоего пола всего населения Тобольской губернии потомственных дворян — 216 мужского пола и 244 женского пола¹¹. Это не составляло даже половины процента. По Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Тобольской губернии потомственных дворян мужского пола от младенцев до стариков насчитывалось 956 человек, а всего населения без иностранных подданных — 1 млн. 432 тыс. 858 человек¹². Поэтому политика «дворянской реконкисты»¹³, то есть сохранение монополии дворянства на государственную службу путем создания более благоприятных условий для поступления и карьерного роста, в Тобольской губернии не могла реализоваться в силу объективных причин. Здесь эта категория никогда не играла роль главного поставщика административных кадров; чиновничество Тобольской губернии, вопреки оценкам Н.А.Рубакина, никогда не было «кость от кости и плоть от плоти его»¹⁴. Участие потомственного дворянства в управлении губернией выражалось не количественно, а качественно: как и по всей России, такие чиновники занимали ключевые должности в учреждениях губернского уровня.

Отсюда следующая черта социальной структуры тобольской бюрократии — рекрутировать будущих чиновников приходилось из других социальных групп. Данный факт непосредственно отражает активность процессов вертикальной мобильности в регионе. В первую очередь заменой потомственному дворянству в качестве поставщика государственных служащих стало духовенство. Так, в 1864 г. в Тобольском губернском правлении и в канцелярии Общего губернского управления среди начальников отделений преобладали выходцы из духовенства и собственно чиновничьи дети, а не потомственные дворяне. Во второй половине XIX в. доля чиновников — выходцев из духовного сословия — составляла 26%. Это второе место после потомственных государственных служащих,

на долю которых в этот период приходилось 36%. Причём подавляющим большинством рассматриваемой категории служащих были представителями местного тобольского духовного сословия, представители духовенства из других частей Российской империи на службу в Тобольскую губернию попадали редко.

Семьи священников были традиционно многодетными, но не все дети могли получить приход по наследству и выходили из своего сословия, где практически единственным для них способом себя реализовать, наконец, прокормить была государственная служба. «В результате церковных реформ 1860-х годов мобильность внутри духовенства возросла в виду огромного оттока детей духовенства с образованием»¹⁵. Это подтверждается в том числе формулярными списками.

Ярким примером удачной чиновничьей судьбы представителя местного духовенства во второй половине XIX — начале XX вв. является служебная карьера Ивана Васильевича Бирюкова. Будучи сыном священника и получив типичное для своего круга образование, Иван Васильевич уволился из духовного звания и выбрал гражданскую службу: в 1872 г. в возрасте 24 лет он служил в канцелярском звании «исправляющим должность» столоначальника Тобольского губернского правления. Более поздние источники говорят об окончательном закреплении этого чиновника в новом статусе: по данным формуляра за 1895 г. Иван Васильевич, будучи советником правления, в возрасте 47 лет (то есть примерно через двадцать три года) дослужился до чина статского советника, а в 1911 г. стал действительным статским советником, приобретая этим фактом для себя и своих четверых детей все права нового социального статуса — статуса потомственного дворянина¹⁶. Данный пример наглядно демонстрирует возможности реализации социальной перспективы в Тобольской губернии на рубеже XIX—XX вв. представителями местного духовенства.

Начало XX в. стало поворотным моментом в практике формирования российского чиновничества. Следствием Указа от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах ... лиц бывших податных состояний» явились заметные изменения в личном составе анкетированной группы чиновников. Это, прежде всего, понижение доли чиновников «из духовного звания» в тобольской коронной администрации: в начале XX в. таковых было

10% (из дворян — 43%, из городских сословий — 29%, из сельского сословия — 18%). Духовенство тем самым утратило роль традиционного поставщика служащих в административный аппарат губернии.

Но и в этот период выходцы из духовного сословия довольно успешно реализовывали свои социальные возможности посредством государственной службы. Являясь наиболее образованными, лица, сменившие рясу священника на мундир чиновника, составляли в качественном отношении лучшую часть местного чиновничества. Это были универсальные специалисты, достаточно пригодные для службы и в полиции, и в судах, и в казначействах. Духовенство, таким образом, предоставляло тобольской администрации как трудолюбивых и исполнительных мелких и средних чиновников, так и компетентных руководителей. Одновременно мы можем сделать вывод о том, что именно в среде духовенства достаточно активно проходили процессы социальной мобильности. Успешные служебные карьеры бюрократов с рассматриваемым происхождением, родство с чиновничьими семьями посредством заключения брачных союзов, наконец, передача приобретенного социoproфессионального статуса по наследству свидетельствуют о гораздо большем по сравнению с профессией священно- и церковнослужителя престиже государственной службы.

Однако особенные черты соцструктуре тобольской бюрократии придавал факт активной вертикальной мобильности посредством чиновничества непривилегированных слоев населения. Сибирь постоянно испытывала острую нехватку управленческих кадров, что открывало двери для проникновения в чиновничье «сословие» людей с разным происхождением. Государственная служба при отсутствии земства, неразвитости социокультурной инфраструктуры и пр. становилась зачастую единственным местом, куда мог пойти более или менее образованный человек, решивший не только обеспечить себе и своим детям кусок хлеба, но и продвинуться по социальной лестнице вверх. В Тобольской губернии чиновниками становились даже те лица, которым государство сознательно затрудняло социальную активность, но которые, тем не менее, относительно успешно продвигались по служебной лестнице в рамках губернии, закрепляясь в новом более высоком по сравнению со своими предками статусе, например, титулярный

советник, земский заседатель А.Н.Крамольев, в формулярном списке которого значится: «из податного состояния»¹⁷.

Чтобы снизить возможные негативные последствия таких «вливаний», правительство старалось обеспечить социальную однородность государственного аппарата путем предоставления его членам в результате достижения определенных чинов прав личного, а затем потомственного дворянства. «Для успешного функционирования аппарата буржуазного государства его кадры должны быть оторваны, отгорожены от трудящихся классов, а прослойка выходцев из этих классов должна быть полностью интегрирована в аппарат, как его принадлежность»¹⁸. Говоря словами В.Р.Лейкиной-Свирской, «Табель была лестницей сословных привилегий за государственную службу для тех, кто не имел их по праву рождения...»¹⁹. Даже критики петровской Табели о рангах в качестве одной из ее положительных сторон считали «то, что она все-таки расширила возможности для вертикальной социальной мобильности, для возвышения (при соблюдении определенных условий) людей из низших классов»²⁰.

Укрепиться в новом более привилегированном положении было отнюдь не просто. Зачастую это стремление толкало чиновников на замалчивание своего истинного происхождения или прямое искажение. Правительство зорко следило за достоверностью причисления того или иного своего подданного к высшему сословию — потомственному дворянству. В формуляре писаря Матвея Васильевича Сукачева записано, что он происходит из солдатских детей, так как его отец, Василий Корнеевич, вероятно, дворянского звания, утратил свой статус и впоследствии не смог его доказать. В документах на имя Василия Сукачева значится следующее: «из недоказанных дворянства Рязанской губернии»²¹. В свое время Василий Сукачев за незаконное присвоение офицерского чина, предоставляющего права потомственного дворянства, «составление фальшивого списка, ложное показание о женитьбе на дворянке...» был разжалован в рядовые. Но Матвеем Васильевичем, который ходатайствовал о возвращении его роду прав благородного дворянства, было отказано «за неполнотою предоставленных документов»²². Характер и объем переписки различных учреждений по этому делу указывают на важность для правящих кругов

качества закрепления своих подданных на том или ином этаже сословного здания российского общества.

Тем не менее, для населения Сибири процедура чинопроизводства была одним из, пожалуй, самых реальных и действенных механизмов повышения своего социального статуса. Так, 24 января 1897 г., по журналу заседаний Курганского окружного суда, судья З.Ф.Иваницкий «сего числа предъявил Присутствию суда, полученное им 22 января 1897 года из Курганского Полицейского управления копию указа Правительствующего Сената от 4 декабря 1896 года и свидетельство Департамента герольдии Правительствующего Сената от 29 ноября 1896 года об утверждении его г.Иваницкого в потомственном дворянстве»²³. По данным формулярного списка Захарий Федорович Иваницкий — сын диакона²⁴. Таким образом, утратив свой первоначальный статус по рождению фактом увольнения из духовного сословия, посвятив себя гражданской службе, он приобрел новый статус потомственного дворянина.

Солдатский сын Фадеев Платон Никифорович, получив образование в пермском батальоне военных кантонистов, решил сменить род деятельности — с военной службы на гражданскую. Уволившись из военного звания, был определен в штат Тобольского губернского правления. Несмотря на свое недворянское происхождение, Платон Никифорович успешно трудился на бюрократической стезе, и наградой ему стал чин титулярного советника, приобретенный в возрасте 59 лет, а также должность смотрителя поселений Тобольской экспедиции о ссыльных. Налицо факт вертикальной социальной мобильности. Подтверждением того, что Фадеев повысил свой социальный статус, является передача этого статуса, как более привилегированного, детям. Сын Платона Фадеева — Василий — становится чиновником. В 1880 г. он еще канцелярский служитель, а в 1889 г. — коллежский секретарь, служащий в Сургутском окружном управлении²⁵.

Мещанство как источник формирования тобольской бюрократии увеличивает свою активность в 90-е гг. XIX в. Если в 60-е гг. XIX в. чиновники с мещанским происхождением составляли в чиновничестве всего 1,5%, то в 90-е гг. их доля увеличилась до 15,0%. Робкие попытки мещанских детей в 70-х и 80-х гг. посвятить себя гражданской службе и повысить социальный статус

закончились в конце XIX в. активными действиями в этом направлении и не только за счет учета «состоящих в штате», но и за счет собственно имеющих чин и исполняющих классные должности. Одним из таких был Никонор Алексеевич Абрамов. В 1874 г. он в чине надворного советника служил советником Тобольского губернского суда. Его сын — Алексей Никонорович Абрамов — окончательно разорвал связь с мещанским сословием фактом собственной государственной службы²⁶.

Среди наименее представленных в структуре тобольской бюрократии — чиновники с купеческим происхождением, что говорит об их меньшей активности в процессах социальной мобильности. Можно предположить, что в основной своей массе купеческие дети не испытывали нужды искать себе средства к существованию тяжелым канцелярским трудом, табельные чины как некая ценность их мало интересовали. Лишь единицы, вероятно в силу своих личных качеств, порвав с родным сословием, выбирали государственную службу, в корне изменив тем самым свое юридическое положение в обществе. Но об этом мы узнаём из других источников, формулярные списки позволяют лишь выявить факт, но не объяснить его, в чём заключается их содержательная неполнота как источника.

Государственная служба являлась инструментом процессов вертикальной социальной мобильности и для лиц крестьянского происхождения. В качестве служащих таковые появляются в конце XIX столетия. Например, в формуляре губернского секретаря, станового пристава Курганского уезда И.Г.Васильева значится происхождение из крестьян²⁷. Крестьянское происхождение имел другой чиновник — губернский секретарь Г.Н.Могилецкий, который служил в канцелярии Общего губернского управления в должности делопроизводителя в 1915 г.²⁸ Наконец, значительную долю в социальной структуре исследуемого чиновничества с начала XX в. занимали городские сословия. Отметим, что именно с начала XX в. чиновничество Тобольской губернии становится более открытым для проникновения в свои ряды выходцев из непривилегированных сословий, чего не наблюдалось ни разу за все исследуемое время. Эти данные весьма важны для понимания роли вертикальной социальной мобильности в судьбах данных слоев населения пореформенной России. Немногочисленные

прецеденты присутствия в правящем слое чиновников из податных сословий во второй половине XIX в. становятся предвестником повышения социальной активности представителей непривилегированных сословий. Таким образом, Сибирь, в частности Тобольская губерния, включалась в общероссийский процесс раскрепощения сословий.

Но более всего сибирскую бюрократию отличало наличие чиновников, вышедших из среды ссыльных. Проблема гражданской службы ссыльных поднималась правительством еще в первой половине XIX в. В 1842 г. Тобольскому губернатору пришел Указ Его Императорского Величества «по возникшему вопросу о том, какими правилами надлежит руководствоваться при представлении к награде за выслугу лет первым обер-офицерским чином польских уроженцев, высылаемых за принадлежность к тайным обществам во внутренние губернии и находившихся на службе...». Здесь подчеркивалось их особое положение: «...выходят из обыкновенного ряда чиновников, ... они не должны быть в производстве подводимы под общие правила, но о каждом из них должно испрашивать особое Величайшее разрешение»²⁹. Так произошло с письмоводителем Ялutorовского окружного казначейства К.И.Хмелевским — «из сосланных в Сибирь на поселение». По Высочайшему повелению в 1858 г. было «дозволено ему, Хмелевскому, вступить в гражданскую службу, без возвращения утраченного им дворянства и прав состояния, а также не распространяя этой милости на сына его Федора, рожденного в Сибири»³⁰.

После восстания в Польше 1863—1864 гг. министр внутренних дел П.А.Валуев разрешил политическим ссыльным поступать в присутственные места, используя это как меру административного надзора. «Разъясняя этот циркуляр, тобольский губернатор в официальном отношении к городничим, приставам, начальникам присутственных мест писал: “Ссыльные допускаются к занятиям только по вольному найму (т.е. лица эти не находятся на государственной службе) во всех присутственных местах за исключением тех, в которых занятие признается неудобных потому, что в них сосредоточиваются распоряжения, касающиеся политических преступников, а также к таким, которые сопряжены с непрерывными разъездами”»³¹. Однако широко известны обратные примеры. Декабрист Н.И.Лорер в своих записках указывал, что встретил

основателя тайного общества А.Н.Муравьева «не в ссылке, не на поселении, а на очень видном месте губернатора»³².

В Тобольских губернских ведомостях фигурирует имя Зброжека, тобольского мещанина из ссыльных, который в 1876 г. был определен в штат Казенной палаты³³. Возможно, это Ричард Иванович Зброжек. В 1889 г. он — земский заседатель Тюменского окружного полицейского управления, дослужившийся до коллежского регистратора, что не стало пределом служебного роста. В 1901 г. «встречаем» Зброжека помощником Сургутского исправника в чине надворного советника³⁴. Получив чин VII класса, Зброжек получил личное дворянство. Таким образом, имея способности и определенные профессиональные навыки, даже ссыльный имел реальную возможность повысить свой социальный статус с помощью института государственной службы.

Показательную карьеру сделал В.О.Кремер — «из польских переселенцев, причисленный к крестьянскому сословию»³⁵. В конце XIX в. он служил помощником Ялуторовского окружного исправника, в 1901 г. — губернским секретарем в той же должности, в 1908 г. — уже титулярным советником, наконец, в 1915 г. — Тарским окружным исправником в чине надворного советника³⁶. Со сланный после польского восстания 60-х гг. XIX в., потерявший дворянское звание, Кремер практически восстановил свой утраченный статус.

Наконец, в тобольской бюрократии мы встречаем служащих с инородческим происхождением. Подтверждением тому служит формулярный список коллежского регистратора Г.А.Кожимова, где в графе «социальное происхождение» значится «сын инородца Туринского уезда»³⁷. Описанные примеры не являлись массовыми, но именно они придавали сибирскому чиновничеству свою «изюминку», демонстрируя, образно выражаясь, «всеядность» провинциальной бюрократии, известную степень ее открытости даже для тех, кому законом запрещалось поступать на службу, даже для политически неблагонадежных лиц.

Благодаря анализу формулярных списков мы видим, что единый механизм управления бюрократическим аппаратом не всегда оказывался одинаково эффективным в разных регионах огромной Российской империи. Там, где правительство не могло или не хотело учитывать местную специфику, это делала сама практика.

Яркий пример — бюрократия Тобольской губернии. Исторические, политические, административные, территориальные, демографические, социокультурные особенности этого региона повлияли в первую очередь на процессы формирования местного бюрократического аппарата, которые зачастую протекали в разрез с установками правительства. Значит и социальная мобильность населения Сибири была несколько иная, чем в других регионах Российской империи.

Результаты исследования комплекса формуляров служащих Тобольской губернии, в частности такого параметра, как социальное происхождение, позволяют утверждать, что чин, будучи вовлеченным в сферу общественного бытия, нередко становился объектом социальной активности населения. Механизмом, позволяющим российским подданным выйти за рамки приобретенного статуса, являлась процедура чинопроизводства. На конкретных примерах мы увидели, как можно было по достижении определенных чинов получить дворянское достоинство. Даже для лиц дворянского сословия чины служили зачастую способом подтверждения своего положения в обществе (как известно, не имеющий чина дворянин писался недорослем). «Без службы нельзя было получить чина, и дворянин, не имеющий чина, показался бы чем-то вроде белой вороны»³⁸ — отмечал Ю.М.Лотман. А для представителей непривилегированных слоев населения данный атрибут российской бюрократии приобретал ценность в качестве инструмента повышения социального статуса.

Именно данные формуляров подтверждают, что система чинопроизводства в дореволюционной России выполняла функцию механизма преобразований социальной структуры, способствуя процессам социальной мобильности, в первую очередь, вертикальной. Нередко именно стремление подняться по социальной лестнице вверх мотивировало выбор государственной службы в качестве основного занятия, ведь небольшое жалованье большинства представителей бюрократического аппарата не сулило материальных выгод. Но даже не достигнув «нужных» чинов для приобретения дворянского звания (пусть всего лишь коллежский регистратор, но уже «ваше благородие»), член российского бюрократического сословия приобретал массу связанных со своим особым положением преимуществ³⁹.

Следует добавить, что гражданская служба в Российской империи являлась более привилегированной, чем любая другая общественно-полезная деятельность. Как отмечал В.А.Евреинев: «...Служба гражданская, весьма долгое время, давала обширные преимущества как в общественном сознании, так и в общем гражданском строе, сравнительно с прочими частными и общественными профессиями и занятиями. Неминуемым последствием всего этого, и помимо чиновничества, был чрезмерный наплыв служащих по гражданскому ведомству, причем целые поколения преимущественно не из дворян посвящали себя всецело гражданской службе, видели в ней идеал своих желаний и стремлений, и, действительно, образовали из себя особый заколдованный класс, чуждый совершенно прочим слоям населения и имевший, отчасти имеющий и ныне, самые превратные взгляды на гражданскую службу, в ущерб последней и собственному материальному положению»⁴⁰. И в этом смысле чины становились объектом устремлений представителей практически всех сословий русского общества.

Несомненно, имело место варьирование степени ценностного значения чинов в зависимости от принадлежности человека к тому или иному сословию. Иными словами, для каждого отдельного социального слоя отношение к чинам, к чиновничеству как средству повышения статуса было различным, что обуславливалось целым комплексом бытовых установок. Например, для представителя российского крестьянства чины как ориентир в их социальной деятельности не играли решающей роли. Также незначительное участие представителей купеческого сословия в комплектовании бюрократии Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. может являться свидетельством невысокого положения чинов в иерархии их ценностей.

Однако социальная мобильность протекает и в горизонтальном направлении. Особенностью культурного ареала сибирской провинции Российской империи являлось то, что его черты формировались в условиях постоянного взаимодействия местного общества и представителей иной, как внесибирской, так и внепровинциальной среды. Таковыми являлись ссыльные, добровольные переселенцы, назначаемые чиновники. Все они, безусловно, привносили в жизнедеятельность местного общества свои

культурные нормы: определенные манеры поведения, традиции, ценностные приоритеты.

В этом случае возможности формуляров как источников не столь обширны, как при изучении вертикальной социальной мобильности. Тем не менее они есть, поскольку в формулярах было принято фиксировать сведения о том, «где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил...». Как сообщает формуляр за 1900 г., исправляющий должность помощника бухгалтера Курганского казначейства коллежский регистратор И.И.Серебряков в 1887 г. поступил на службу в штат Новгородской казенной палаты. В Тобольской губернии он появился только с 1896 г., следовательно, из служащих местного происхождения этого чиновника можно исключить, тем более, согласно данным того же источника, у отца Серебрякова имелся жилой дом в Москве⁴¹. Этот пример весьма показателен, так как еще раз подтверждает высокую информативность формулярных списков как источников: сведения прямого характера (о наличии дома в Москве, записанного в формуляре в качестве родовой недвижимости) косвенно свидетельствуют о неместном происхождении чиновника.

Информация формуляров об образовательном учреждении также косвенно может определять отправную «точку» в его горизонтальной мобильности, так как в большинстве случаев дети получали образование (чаще всего начальное и среднее) в тех губерниях, где проживали их родители, например, П.А.Волков, окончивший полный курс Тобольской духовной семинарии и ставший впоследствии советником 3-го отделения Тобольского губернского правления в чине коллежского советника⁴².

Для воссоздания межрегиональных кадровых перемещений чиновников кроме графы формуляров о служебной карьере и образовании можно использовать другую: «из какого звания происходит». Практика заполнения II-го пункта формуляра говорит о том, что нередко наравне с документированием социального происхождения чиновника подчеркивалось его так называемое территориальное происхождение. Например, в послужном списке Н.Е.Скатова, служившего в Тарском полицейском управлении, значится: «из мещан г.Тарь»; заседатель Тобольского приказа о ссыльных, надворный советник В.А.Иванов по документам — из дворян

Санкт-Петербургской губернии; полицейский надзиратель В.И.Лорченко — из крестьян Могилевской губернии; канцелярский служащий Курганского полицейского управления И.М.Ильиных — купеческий сын г.Ялutorовска; Курганский уездный исправник, губернский секретарь Э.А.Каковский — сын чиновника, уроженца Полоцка⁴³. Подобная информация существенно дополняет и уточняет карьерные данные чиновников, позволяя представить не только «географию» происхождения служащих Тобольской губернии, но и характер горизонтальной мобильности.

Другим достоверным свидетельством неместного происхождения тобольских чиновников может служить анализ одной из составляющих частей жалованья (пункт I формуляра), а именно — добавочных денег за службу в Сибири. Как известно, подобную прибавку к содержанию за каждое пятилетие службы могли получать лишь чиновники, переведенные в Сибирь из других губерний Российской империи. Например, присяжный счетчик Курганского окружного казначейства Яснов «за два пятилетия» получал в год 66 рублей 66 копеек⁴⁴.

Как правило, этой информации бывает достаточно, чтобы как минимум проследить направления и масштабы кадровых перемещений служащих. Если эти данные увязать с социальным происхождением чиновников, косвенно можно изучать и процессы горизонтальной социальной мобильности.

На основе описанной методики были индивидуально проанализированы формулярные списки 448 чиновников, служивших в различных учреждениях Тобольской губернии на рубеже XIX—XX вв.⁴⁵ Из-за трудностей подтверждения достоверности интересующих нас сведений источника у 16,5% чиновников территориальное происхождение не было восстановлено. Результаты исследования говорят о явном преобладании в личном составе исследуемого чиновничества уроженцев Тобольской губернии. Такими являлись 282 представителя из 448 человек анкетированной группы (или 63%). Их горизонтальная мобильность ограничивалась пределами губернии или в лучшем случае сибирским регионом. Лишь 18% были выходцами из других губерний Российской империи, в основном европейской ее части. Значительная доля местных чинов в тобольской бюрократии подтверждается другими источниками, например, отчетами губернаторов. Так, по данным

на 1 ноября 1911 г., из 140 человек, принятых на службу в Тобольскую губернию по Министерству внутренних дел, 76 являлись выходцами из этой же губернии, остальные 64 были представителями других различных губерний России (например, Пермской, Уфимской, Таврической, Смоленской, Калужской, Нижегородской и многих других)⁴⁶.

По результатам исследования наиболее мобильными оказались чины с дворянским происхождением, в плане межрегиональных перемещений более активной являлась высшая губернская администрация. Европейская Россия в тобольской бюрократии представлена 30 чиновниками дворянского происхождения. Равное количество чинов из духовного звания и потомственных государственных служащих (по 18) также приехали на гражданскую службу в Тобольскую губернию из Европейской России. Чиновники другого происхождения отправлялись служить в Сибирь гораздо реже. Два человека анкетированной группы — оба потомственные дворяне — попали в Тобольскую губернию из Польши и Финляндии.

Итак, некоторые исторические, географические, административно-территориальные особенности сибирских губерний исторически предопределили складывание здесь некой условной⁴⁷ категории людей — категории приезжих. Однако доля пришлых элементов в общем количестве личного состава местной администрации была невелика, поэтому прийти к достаточно обоснованным выводам относительно характера протекания горизонтальной мобильности в Сибири на основании только формуляров трудно. Тем более по формулярам нельзя реконструировать горизонтальную мобильность жителей Сибири или приезжих — не чиновников. Более уверенно можно говорить лишь о мобильности самих служащих. Изучение карьер чиновников, служивших в Тобольской губернии в рассматриваемое время, позволяет говорить о преобладании межведомственных кадровых перестановок внутри одной губернии и в рамках сибирского региона. Такие перемещения историк и публицист С.Шашков называл «миграциями»: «Периодически то в восточной, то в западной Сибири центральная администрация начинает очищать край от недобросовестных чиновников, но последние, вследствие этого, только меняют одни теплые места на другие. ...Местами их миграции

обыкновенно бывают попеременно — восточная и западная Сибирь. Если чиновнику жутко становилось в одной, или же его деяния становятся уж очень громки, он исчезает из одной половины Сибири и устремляется в другую»⁴⁸. Реконструкция горизонтальной мобильности других социальных групп в рамках сибирского региона на основании формуляров, таким образом, возможна лишь фрагментарно.

Ставшая одним из следствий буржуазных реформ 60-х г. XIX в. трансформация социальной структуры (как заметил Б.Н.Миров: «...в пореформенное время сословия стали постепенно утрачивать свои специфические права и в правовом положении сближаться друг с другом»⁴⁹) неизбежно затронула одну из своих составляющих — чиновничество. Это выразилось в первую очередь в том, что источники пополнения российской бюрократии также начинают эволюционировать. Другими словами изменяется участие различных социальных слоев в процессах комплектования чиновничества. И хотя чинопроизводство практически во все время своего существования являлось для большинства российских подданных фактически единственным способом изменения, точнее, повышения своего социального статуса, на рубеже XIX—XX вв. оно приобретает наибольшее значение. Как мы смогли убедиться, чиновничество как социальная группа играет в этом процессе одну из основных ролей, являясь одновременно неким поглотителем маргиналов — выброшенных из привычной среды людей, — перерабатывающим механизмом, с помощью которого можно поменять свою ступень на социальной лестнице. Люди, покинувшие свое сословие, сословие своих отцов и дедов, в определенной ситуации могли использовать условия чинопроизводства как инструмент социальных преобразований.

Именно поэтому проблема комплектования тобольского чиновничества рассматривается нами как отражение процессов социальной мобильности различных слоев местного населения. И решить её позволяют формулярные списки. Более полезными данные этих источников будут для изучения вертикальной социальной мобильности населения Сибири, горизонтальная мобильность раскрывается лишь частично и опосредовано. Но в любом случае тем, кто занимается заявленной проблематикой, не обойтись без привлечения формулярных списков как источников. Особенно

это актуально для изучения социальной мобильности населения Сибири, где такие условия функционирования бюрократического аппарата Тобольской губернии, как отдаленность от столицы, «обособленность сибирского региона»⁵⁰, особенности социальной структуры (отсутствие сословия помещиков) и постоянный кадровый дефицит, обусловили широкие возможности не только для поступления на государственную службу представителей непривилегированных слоев населения, но и для их успешного карьерного роста, а следовательно, приобретения более привилегированного статуса. Учитывая значение государственных институтов в жизни российского общества, аксиологический смысл чинов, таким образом, заключался в их значимости для подданных Российской империи в качестве внешнего признака процессов социальной мобильности, инструмента для достижения более высокого положения в обществе.

Примечания

¹ Румянцева М.Ф. Генеалогия российского чиновничества второй половины XVIII в.: постановка проблемы и источники изучения // Генеалогические исследования. Сб. ст. М., 1993.

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1989. С. 414—419.

³ Елпатьевский А.В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII — начала XX веков // Тр. Всесоюзного научно-исследовательского института документирования и архивного дела. Т. 5. Ч. 1. М., 1974. С. 163.

⁴ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

⁵ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX начала XX в. М., 1979. С. 7.

⁶ Анкетированная выборка составила 657 формуляров. Государственный архив Курганской области (далее — ГАКО). Ф. И-175. Оп. 2. Д. 81; Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив (далее — ГУТО ГА) в г.Тобольске». Ф. И-152. Оп. 30. Д. 164-172, 176-187, 191-194, 209-227; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1349. Оп.6. Д. 1771, 1789).

⁷ Писарькова Л.Ф. От Петра до Николая II: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29—43.

⁸ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII—XX века: Учеб. пособие. М., 1999. С. 104.

⁹ Устав о службе по определению от правительства и положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях. СПб., 1910. С. 192.

¹⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 81.

¹¹ Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881. С. 17.

¹² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 46—47.

¹³ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в России в конце XIX века. Л., 1973. С. 360.

¹⁴ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 60.

¹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России... Т. 1. СПб., 1999. С. 110.

¹⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 178, 209, 210, 223.

¹⁷ Там же. Д. 186. Л. 1637.

¹⁸ Тененбаум В.О. Государство: система категорий. Саратов, 1971. С. 109.

¹⁹ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 74.

²⁰ Оболонский А.В. На службе государевой: к истории российского чиновничества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5. С. 66.

²¹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 329. Оп. 2. Д. 191. Л. 26-27.

²² Там же. Л. 42-43, 48.

²³ ГАКО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 121. Л. 131.

²⁴ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 187.

²⁵ Там же. Д. 185; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, 1889 г.

²⁶ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 180.

²⁷ Там же. Д. 222.

²⁸ Там же. Д. 227.

²⁹ ГАКО. Ф. 8. Оп.1. Д. 45. Л. 95.

³⁰ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 172. Л. 80.

³¹ Участники польского восстания 1863—1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963. С. 41.

³² Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 168.

³³ Тобольские губернские ведомости. 1876. 31 января. № 5. С. 10. См. также: ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

³⁴ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, 1889; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 год. Тобольск, 1901.

³⁵ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 209-210.

³⁶ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 год. Тобольск, 1901.

³⁷ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 222.

³⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1999. С. 28.

³⁹ Там же.

- ⁴⁰ Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. СПб., 1897. С. 57.
- ⁴¹ ГАКО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 81. Л. 18.
- ⁴² РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 1789. Л. 57.
- ⁴³ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 171. Л. 65; Д. 209-210, 222.
- ⁴⁴ ГАКО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 1165. Л. 29.
- ⁴⁵ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 164-172, 176-187, 191-194, 209-227.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 348. Л. 76-81.
- ⁴⁷ Условной, т.к. некоторые служащие, считающиеся местными, в свое время также приехали в Сибирь.
- ⁴⁸ Шашков С. Сибирское общество накануне своего юбилея // Дело. 1879. № 3. С. 291.
- ⁴⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России... Т. 2. С. 81.
- ⁵⁰ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2.

Глава 5

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕНТАЛИТЕТА И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.*

На современном этапе в отечественной исторической науке наблюдается отчетливая тенденция, для которой характерно формирование новых исследовательских подходов к изучению крестьянской проблематики. В последнее время произошло увеличение числа специальных работ, посвященных крестьянству и проблемам аграрного развития России в различные исторические эпохи. Традиционно основное внимание исследователи обращали на социально-экономические и этнодемографические аспекты истории крестьянства как в целом по России, так и по ее отдельным регионам. Однако «вызов постмодернизма», «лингвистический поворот», процесс конструирования междисциплинарных объектов способствовали тому, что сегодня изучение крестьянского социума осуществляется с антропологических позиций, предполагающих анализ поведенческих особенностей личности и их изменений в своеобразных условиях географической, социально-экономической, культурной и психологической среды¹.

В связи с этим актуальным представляется рассмотрение ментальности сибирского крестьянства, что позволит определить степень его адаптации к новым условиям жизни в конце XIX — начале XX вв. и раскрыть механизм формирования стратегий поведения социальной группы в условиях модернизации с учетом локальной специфики. Следует отметить, что углубленное изучение менталитета возможно лишь в контексте социального поведения индивида, группы, общественного слоя, так как именно в поведении проявляется интегрированное воздействие его разнообразных аспектов, а также различных сторон социальной действительности.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00420а.

Исследование региональных социальных групп, на наш взгляд, будет способствовать выявлению особенностей российского исторического процесса и основывается на признании взаимосвязи между ментальностью и социальным поведением. Социокультурная методология исследования предполагает раскрытие сферы взаимодействия культуры и социальных отношений, акцентируя внимание именно на области их взаимодействия.

Ни одно историческое исследование невозможно без изучения источников. В связи с этим вполне правомерна постановка вопроса о типологии, содержании и ценности отдельных источников по изучению ментальных структур и стратегий поведения сибирского крестьянства в условиях трансформации локального общества в конце XIX — начале XX вв.

Источниковая база исследования менталитета, а также социального поведения крестьянства Западной Сибири представляет собой значительный по объему и разнообразию массив архивных и иных опубликованных и неопубликованных документов. Для его обработки и изучения необходимы многолетние усилия ученых, применение новейших, в том числе междисциплинарных методов анализа.

В 1988 г. вышла в свет обстоятельная работа Л.М.Горюшкина об источниках изучения крестьянства и сельского хозяйства Сибири второй половины XIX — начала XX вв.² Этим же автором, а также В.Н.Худяковым, И.В.Островским, Г.А.Ноздриным, М.К.Чуркиным и другими были проанализированы ключевые группы делопроизводственных, статистических и периодических источников по аграрной политике и истории крестьянства в регионе³. Таким образом, у нас есть возможность сосредоточить основное внимание на источниках изучения как поведенческих практик, так и определяющих их установок сознания и моделей восприятия действительности, стереотипов представлений, то есть менталитета сибирского крестьянства. При этом мы не стремимся охарактеризовать всю совокупность источников, так как эта масштабная задача должна решаться совместными усилиями ученых, целых научных коллективов.

Большой интерес по указанной проблеме представляют источники делопроизводственного характера. Это наиболее многочисленная категория архивных и печатных материалов, которая является

очень разнородной по содержанию, степени информативности, полноте, достоверности и социальной направленности. В данном случае ее можно разделить по происхождению на две основные группы. Первая представлена материалами официального делопроизводства — постановлениями, докладами и докладными записками, распоряжениями, приказами, запросами и донесениями, отражающими как правовую, так и хозяйственную инициативу государственных центральных и местных органов управления. Документы этой группы отражают исходные моменты в оценке политики по отношению к крестьянству, позволяют понять ее сущность и направленность, а также показывают конкретные мероприятия по ее реализации. Важное место занимают различные справки, ведомости, акты и делопроизводственная переписка, в которых имеются сведения о порядке отдачи в аренду земельных участков; о разрешении поземельных и бытовых конфликтов в крестьянской среде; описи живого и мертвого инвентаря, движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего крестьянству Западной Сибири.

К документам «отчетной» категории относились письменные отчеты правительственных чиновников, губернаторов, генерал-губернаторов, наказных атаманов казачьих войск, в которых фиксировались обобщенные выводы о положении в аграрном секторе экономики региона, настроениях и поведении различных слоев населения⁴. Необходимо указать, что привлечение материалов, изложенных в губернаторских отчетах, требует определенной осторожности. Так, по справедливой оценке М.К.Чуркина, это связано с тем обстоятельством, «что всеподданнейшие отчеты губернаторов составлялись на основании сведений, полученных от уездных исправников, но при этом мнения и комментарии последних часто губернаторами игнорировались»⁵. Но отчеты обладают и определенным преимуществом перед другими материалами, так как они составлялись в течение нескольких лет, их данные сопоставимы за разные годы, в них заложена единая методика сбора и обработки первичных сведений.

Определенную ценность по заявленной проблеме имеет и делопроизводственная документация церковной администрации, которая содержит важные сведения о религиозных настроениях и предпочтениях крестьянского социума Азиатской России⁶.

К другой группе документов можно отнести делопроизводственные материалы, исходящие непосредственно из крестьянской среды. В зависимости от содержания и адресата они оседали в составе архивной документации центральных и местных органов управления. К ним относятся приговоры, прошения, ходатайства, обращения, жалобы — продукты коллективного творчества, носившие на себе отчетливую печать коллективных представлений, социокультурных стереотипов мышления и восприятия, присущих данной социальной группе. В этих материалах имеются сведения об условиях сельского быта, психологических аспектах поведения земледельческого населения в регионе. Переписка крестьян-переселенцев с чиновниками по крестьянским делам относительно внутриобщинных бытовых и экономических конфликтов, психологической несовместимости их и старожилов, обострившихся вследствие массового миграционного движения в конце XIX столетия, представляет объективную информацию о специфике адаптационных процессов в сибирском регионе.

Документы, исходящие от крестьян, — явление достаточно сложное и противоречивое как ввиду двойственности психологии крестьянина-труженика и крестьянина-мелкого собственника, так и ввиду социальной неоднородности крестьянства, иллюзий в отношении властей. В такого рода документальных источниках очень ценны формулировки самих просьб, описания обстоятельств дела, условий его возникновения и развития. Часто имеются и сопутствующие материалы. С другой стороны, прошения и жалобы иногда написаны как «по трафарету», скорее всего, наемным писарем, с указанием аргументов, которые сильно искажают истинные мотивы возникновения документа. Несмотря на указанные противоречия, именно делопроизводственные источники, исходящие из среды самих крестьян, являются базой для реконструкции крестьянского менталитета.

Необходимо заметить, что жалобы крестьян, приговоры сельских обществ и другие документы данной группы имеются в фондах губернаторов и губернских управлений по крестьянскому отделению, крестьянских начальников и их съездов, в материалах волостных правлений, судебных органов и т.д.

Из опубликованных делопроизводственных материалов, без которых немислима работа исследователя, необходимо выделить

доклады и протоколы различных сельскохозяйственных, агрономических совещаний и съездов⁷. Данные источники содержат разнообразные сведения о системах полеводства и животноводства в крестьянских хозяйствах, об аренде земли, продаже сельскохозяйственных продуктов, вывозе сибирского хлеба. Цифровые и фактические данные о различных сторонах экономики западно-сибирской деревни, настроениях и поведении крестьянства имеются в опубликованных трудах и отчетах региональных отделов Московского общества сельского хозяйства⁸.

Несмотря на то, что делопроизводственные материалы представляют собой в большинстве случаев нарративные источники, они фиксируют массовые психологические и вербальные реакции сибирского крестьянства на события и явления социально-экономической и политической жизни региона.

В целом делопроизводственная документация составляет главный источниковый фундамент изучения ментальности крестьянства и истории сельского хозяйства Сибири. Диапазон информативности этих материалов удивительно широк, к тому же они отличаются достаточной полнотой, необходимой для исследования различных вопросов обозначенной темы.

Для интерпретации указанных источников необходимо использовать как статистико-математический анализ, так и новейшие междисциплинарные подходы, в частности, методы семиотики, учитывающие социокультурный контекст. Это позволит избежать чисто иллюстративного использования богатейших данных делопроизводственных материалов.

Следующая группа источников, включающая два комплекса носителей документальной информации, относится к так называемым источникам личного происхождения. Это воспоминания и частные письма, которые отражают индивидуальные особенности личности создателей. Они незаменимы для «вхождения» в ментальную атмосферу деревенской среды, для понимания умственного и нравственного склада, психологии крестьян.

Основная часть воспоминаний появилась в крестьянской среде или написана выходцами из крестьянства. Воспоминания являются важнейшим источником изучения сознания и поведения сибирского крестьянства. По заявленной теме можно использовать воспоминания о своем «деревенском детстве» крестьянского сына

купца Н.М.Чукмалдина, «семейные хроники» кинематографиста И.Г.Ростовцева, воспоминания о переселениях в регион М.В.Сумкина, И.Е.Белякова и А.Я.Боженко⁹.

Представляют также интерес воспоминания о деревенской жизни и общественных отношениях в Сибири ссыльных народников С.Л.Чудновского и М.Овчинникова¹⁰. Кроме крестьянских можно использовать воспоминания тесно соприкасавшихся с жизнью сельчан Сибири чиновников, учителей и др.¹¹

Ценность этого вида источников как свидетельств живых участников и современников исследуемых событий и процессов велика. Они дают богатый материал, требующий осмысления, позволяют воссоздать детали исторических событий, не зафиксированных в других источниках, изучить индивидуальное личностное восприятие действительности и общие черты ментального облика представителей различных слоев и групп.

Необходимо учитывать историческую обстановку, в которой создавались воспоминания, обстоятельства их издания, мировоззренческую позицию авторов. Они представляют собой результат субъективного преломления событий и переживаний прошлого в сознании человека, обогащенного новым опытом, поэтому их данные необходимо подвергать критической проверке и сопоставлению с материалом других источников. В то же время уникальность текстов воспоминаний позволяет использовать дискурсивные, герменевтические методы исследования.

Крестьянские письма как источник по крестьянскому менталитету, по своей направленности и адресату можно разделить на две категории: письма новоселов, адресованные родственникам и бывшим односельчанам в Европейской России, и письма крестьян в редакции газет, известным общественным и государственным деятелям¹².

В письмах первой категории отражается повседневная история крестьянских переселений в восприятии участников, а также достаточно разнообразные впечатления о Сибири. Вторая категория писем интересна взглядами образованной части сибирского крестьянства, в них содержится информация о негативных явлениях сибирской деревни, есть указания на методы борьбы с ними.

При исследовании личных писем, помимо возможности квантитативной обработки содержащейся в них информации, широко

можно применять дискурсивный (семиотический) метод, дающий возможность расшифровки «плана выражения» языкового текста, понимания его коннотативного (по Р.Барту) смысла, то есть реального содержания и значения ценностей, идеалов, стереотипов представлений в сознании авторов, «наполнявших» рассматриваемый вариант их символического (языкового) выражения¹³.

Значение источников личного происхождения для изучения социальной истории, социального поведения и особенно менталитета различных общественных групп трудно переоценить. Именно эти субъективные по своему характеру источники, исходящие непосредственно от человека, выражающие его мысли, чувства, оценки действительности и своих собственных поступков, дают самые широкие возможности для плодотворного использования богатейшего информационного потенциала. Они, по мнению О.С.Поршневой, «в наибольшей степени способствуют выявлению изменчивости динамических компонентов менталитета, приоритетов массового сознания, мотивов социального поведения, отражающих и фиксирующих, в свою очередь, глубокие социально-политические сдвиги в обществе»¹⁴.

Массовой группой опубликованных документальных источников являются сборники статистических и иных материалов, характеризующих различные аспекты экономической и социальной жизни Сибири изучаемого периода, положения основных социальных групп регионального социума. Статистические источники фиксируют количественные характеристики объективированных результатов поведения, а также географической, общественной и социокультурной ситуации, в которой оно проходило.

Классифицируя статистические источники по происхождению и типам учета, можно выделить документы Центрального статистического комитета и подчиненных ему местных органов, различных ведомств, переселенческой организации, а также материалы, собранные общественными организациями и частными лицами.

Материалы переписи 1897 г. и первой в России сельскохозяйственной переписи 1916 г. дают представление о количестве сельского населения, о посевных площадях и поголовье скота в крестьянских и частновладельческих хозяйствах Западной Сибири¹⁵. Несмотря на недостатки учета, вследствие иногда некорректно

сформулированных вопросов в переписных листах, данные этих источников являются не только представительными, но и обладают достаточно высокой достоверностью и точностью. Они обеспечивались разнообразными и в целом ряде случаев весьма эффективными методами сбора материалов.

В итоге материалы переписей зафиксировали сведения о сельском и городском населении, что позволяет исследовать их численность и состав, размещение и размеры селений, вероисповедание, грамотность. Эти уникальные сведения важны для понимания поведения основных социальных групп в регионе, хозяйственных занятий в условиях модернизации, демографических процессов в их среде, конфессиональной и этнической принадлежности, межнациональных отношений и др.

Наиболее полно статистические данные по сельскому хозяйству Сибири представлены в десяти выпусках «Сборника статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год первый — год десятый» (СПб., 1907—1917). Здесь мы находим ежегодные данные за 1901—1915 гг. о посевных площадях, валовых сборах и урожайности, о ценах на основные сельскохозяйственные продукты и рабочие руки, о кредитных учреждениях, о банковских ссудах. Следует заметить, что все цифры — валовые, приводятся в среднем по губерниям или уездам, а некоторые данные сами составители называют «заведомо приблизительными».

При критическом отношении и сопоставлении с другими данными основная часть сведений может использоваться в качестве источника для изучения социально-экономических отношений, зарождения и развития отдельных форм кооперации, положения крестьянства и других вопросов. Большинство статистических данных приводится за 15 лет и по всем губерниям России, что позволяет не только выявить тенденцию развития, но и сравнить Сибирь с другими районами страны.

Сведения о применении сельскохозяйственных машин в Западной Сибири были опубликованы в статистическом сборнике, изданном в 1913 г.¹⁶ В нем приводится, по уездам и губерниям, абсолютная численность всех орудий и число их в расчете на одно хозяйство и десятину пашни, количество крестьянских и частновладельческих хозяйств на одно орудие. Данные позволяют

сравнить обеспеченность крестьянских и предпринимательских хозяйств машинами различных видов в отдельных районах Сибири и других регионах страны.

Следует отметить, что данный источник с точки зрения охвата территории является весьма полным, а вот точность учета, вероятнее всего, была относительной¹⁷. Поэтому сведения о применении сельскохозяйственных машин 1910 г., будучи достаточно надежными для сравнительных характеристик (различия между регионами, крестьянскими и частновладельческими хозяйствами), абсолютную обеспеченность орудиями и машинами несколько занижают.

Довольно подробные сведения о развитии капиталистических отношений в деревне и, в частности, о применении машин и наемной рабочей силы, аренде земли, продаже продуктов, предпринимательской инициативе сибирского крестьянства содержатся в «Обзорах» губерний и областей Западной Сибири, издававшихся в качестве приложений к отчетам губернаторов¹⁸. «Отчеты», «ведомости» представляют уникальный массовый источник систематизированных и сравнимых между собой данных по демографическому и социально-экономическому поведению. Их преимущество состоит в том, что ежегодно публикуемый материал позволяет рассмотреть отдельные явления в динамике. Но публикуемые губернскими статистическими комитетами данные были основаны на первичных материалах волостных правлений, полицейских управлений и т.д., не особо заинтересованных в точности учета¹⁹.

Большой интерес представляют данные экономического обследования близлежащих к Сибирской железной дороге районов, где представлены материалы о развитии животноводства в крестьянских хозяйствах Западной Сибири²⁰. Отдельные статистические сведения по экономическому поведению крестьянства Акмолинской области, их адаптации к новым социально-экономическим условиям собраны в сборнике «Район Южно-Сибирской железной дороги в экономическом отношении» (СПб., 1913).

В «Обзоре», составленном П.П.Румянцевым, содержатся сведения о применении наемного труда в сибирской деревне, аренде земли (составе арендаторов и сдатчиков, формах арендной платы и ценах на землю), применении сельскохозяйственных машин, сбыте продуктов (рынки и формы сбыта, транспортные расходы,

цены на продукты, чистый сбор и излишки хлеба), урожайности крестьянских, казачьих и предпринимательских хозяйств Акмолинской области²¹. Указанные сведения позволяют детально изучить социально-экономические аспекты процесса адаптации сибирского крестьянства на рубеже XIX—XX вв.

В итоге статистика центральных учреждений и ведомств была представлена, прежде всего, материалами демографических и статистико-экономических обследований сибирских селений. Информационную возможность этих материалов анализировали многие историки, но в основном с точки зрения социально-экономической проблематики²². Между тем организаторы обследований зачастую собирали и культурологические сведения, которые являются более достоверными, чем данные о хозяйственной состоятельности, сознательно занижаемые крестьянами, постоянно боявшимися дополнительного обложения повинностями. Да и переселенческая статистика, незаменимая при изучении миграционного поведения крестьянства, из-за некоторого «приукрашивания» истинного положения дел чиновниками требует сопоставления с материалами, имеющими другое происхождение.

Кроме того, необходимо указать некоторые работы справочно-статистического характера. Данные о сельскохозяйственном предпринимательстве, производственно-хозяйственной деятельности крестьянства Сибири помещались в «Памятных книжках» Акмолинской области²³. Сведения, содержащиеся в источниках справочно-статистического характера, существенно расширяют базу научного исследования с точки зрения анализа поставленной проблемы. В то же время указанные источники не могут дать полной картины изучаемых явлений.

Из статистики общественных организаций выделяются материалы обследования крестьянских хозяйств Барнаульской волости и одноименного уезда Томской губернии в 1905 г. Н.М.Трегубовым²⁴. Материалы особенно ценны дробной группировкой крестьянских хозяйств по посеву, что позволяет увидеть специфику социальных слоев сибирского крестьянства изучаемого периода.

В целом можно констатировать наличие обширного массива статистических материалов, разнообразных по происхождению и содержанию, которые обеспечивают изучение демографического, экономического и социализирующего поведения сибирского

крестьянства. Имеющиеся статистические данные нуждаются в сопоставлении друг с другом и со сведениями описательного характера.

Для установления достоверности количественных данных исследователям наряду с содержательным анализом можно использовать и математико-статистические методы. Так, наличие согласованности и сводимости статистических сведений различных источников можно установить путем корреляционного анализа и выявления существенных различий средних данных. Наряду с этим степень сравнительной точности одного из двух источников можно выяснить через сопряженность временной и пространственной взаимосвязи сведений источника с данными о других сторонах социально-экономического развития²⁵.

Описания сельского быта в различных местностях Сибири — также весьма представительный вид источников. Под данной категорией подразумеваются работы ученых, путешественников и писателей, грамотных крестьян, написанные с целью изучения культуры и быта сибиряков. Комплекс описаний очень неоднороден по источникам, временному отрезку, объекту наблюдения и степени научности. Но в них отразились с разной степенью полноты и достоверности многие аспекты менталитета сибирского крестьянства и его социально-экономического поведения.

Проблемы экономического быта крестьянства Сибири широко освещались в работах специалистов по сельскому хозяйству Н.А.Рубакина, Н.Л.Скалозубова, С.Я.Капустина, И.Е.Белякова²⁶. В трудах указанных авторов получили отражение условия крестьянского быта, рассмотрены особенности организации труда в хозяйствах старожилов и новоселов, показаны трудности адаптации и настроения в крестьянской среде в конце XIX — начале XX вв.

Незаменимым источником для изучения традиционных форм мирозерцания, культуры и поведения крестьянства являются этнографические описания, которые можно подразделить на специализированные и комплексные.

Лучшие специализированные описания представлены работами И.Я.Неклепаева, Н.В.Скорнякова, Г.Н.Потанина, П.М.Головачева, где авторы рассматривают обычаи, обряды и суеверия, развлечения крестьянской молодежи и др.²⁷

Комплексные публикации имеют описания годового цикла народного календаря, основных сфер традиционной народной культуры и быта, народных легенд, описания религиозных воззрений староверов и сектантов²⁸.

Фольклорные материалы по изучаемой теме, неоднократно опубликованные как в дореволюционный период, так и в советский, представлены произведениями устного народного творчества: поговорками и пословицами, приметам, свадебной и календарно-обрядовой поэзией, народными песнями, частушками, заговорами, сказками²⁹. Кроме того, они могут быть классифицированы по принадлежности к разным локальным, историко-этнографическим, этносоциальным категориям сибирского крестьянства.

В яркой образной форме в данных источниках выражены ценности, на которых воспитывалось не одно поколение крестьян. Анализируя содержание фольклорных материалов, можно более полно рассмотреть ценностно-мотивационную основу крестьянского менталитета, установить культурные и нравственные ценности социального наследования.

Исследование образной и символической системы фольклорных произведений, где воплощены коллективные представления и фундаментальные ценности сибирского крестьянства, позволит выявить как наиболее устойчивые, сохраняющиеся базисные элементы народной культуры и менталитета, так и новые явления в них.

В качестве самостоятельного источника по рассматриваемой теме выступают художественные тексты. Художественная литература второй половины XIX — начала XX вв. — источник особого рода, в котором достаточно подробно описываются человеческие отношения, мироощущения людей того времени, модели их поведения в различных жизненных ситуациях, оценки окружающих поступков главных героев и многое другое.

Необходимо указать, что господствующим направлением в русской литературе изучаемого периода был критический реализм. Его основными принципами традиционно считаются изображение «жизни без прикрас» в сочетании с высотой и истинностью авторского идеала; воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах их индивидуализации; преобладающий интерес к взаимоотношениям личности и общества³⁰. В связи с этим вполне закономерным было обращение писателей

к жизни крестьян, бытовой повседневности деревни, к социально-экономическим процессам, определявшим эту повседневность, в том числе и крестьянским переселениям.

Проблемой отражения в художественной литературе повседневного мира крестьян Сибири достаточно подробно занимались Л.Г.Беспалова и А.Б.Зайкина³¹. Уделяя основное внимание литературоведческому анализу художественных текстов, современные авторы детально проанализировали цикл очерков Г.И.Успенского и Н.Д.Телешова, размышления Н.И.Наумова, рассказы И.А.Бунина, впечатления А.П.Чехова.

В указанных произведениях, а также в работах К.М.Станюковича, А.А.Исаева, Н.Е.Петропавловского даны описания социально-экономического быта, мировоззрения, представлений и ценностей, конфликтных ситуаций в сибирской деревне. Кроме того, «основательно» рассматривается психологическая сторона крестьянских миграций в регион³².

Следует заметить, что разножанровые художественные тексты, с одной стороны, представляют собой некое построение, созданное при помощи определенных приемов. Предполагается, что все, кому данный текст потенциально предназначается и на адекватную реакцию которых он рассчитан, преимущественно понимают, как работают эти приемы и какой они имеют смысл.

С другой стороны, любой текст, будь то «серьезное» произведение или реплика в разговоре, вбирает в себя и отражает уникальное сочетание обстоятельств, при которых и в связи с которыми он был создан и воспринят. Эта смысловая среда пропитывает и окружает любой текст³³.

Таким образом, художественная литература позволяет «увидеть» повседневный мир сибирской деревни, модели поведения различных социальных групп, крестьянские миграции «глазами» образованных современников, уточнить наиболее актуальные для заинтересованных литераторов аспекты сельского быта, в целом крестьянского образа жизни.

Неотъемлемой частью источниковой базы по заявленной проблеме выступает периодическая печать, которая публиковала источники всех видов, хотя на первом месте всегда не ее страницах были публицистические тексты. Оперативность, наличие обратной связи с читателями, публикация информации с мест, материалов

по злободневным проблемам, хроники местной жизни и т.д. делают периодическую печать важным источником изучения общественных настроений, взглядов, массового сознания и поведения различных слоев населения в Сибири.

Очерковый и корреспондентский материал, реже проблемные публикации, содержали периодические издания: журналы «Сибирские вопросы» (СПб.), «Сельский вестник» (СПб.), «Сельский хозяин» (СПб.), «Нужды деревни» (М.), «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» (Омск), «Сельскохозяйственная жизнь» (Омск), «Сибирский земледелец и садовод» (Томск), «Сибирская деревня» (Красноярск); газеты «Томские губернские ведомости» (Томск), «Тобольские губернские ведомости» (Тобольск), «Акмолинские областные ведомости» (Омск), «Степной край» (Омск), «Омский телеграф», «Омский вестник», «Сибирская жизнь» (Томск) и другие.

На страницах названных изданий в разделах «По Сибири», «Сибирские вести», «Хроника», «Корреспонденции», реже в редакционных статьях и публицистических очерках, мы находим информацию о каких-либо исключительных или массовых событиях деревенской жизни, оценки сельского быта изучаемого периода. Статьи, как правило, были написаны крестьянами, представителями сельской интеллигенции, «заезжими» людьми, журналистами. В них значимы не только информация о крестьянском социуме и разнообразных аспектах его жизнедеятельности, но также установки и оценки авторов, отражавшие место изучаемых нами явлений в общественном сознании.

Корреспонденции и тематические очерки отличались не только обширной информацией, но и характером ее подачи. На страницах ведущих центральных и региональных изданий обсуждались проблемные вопросы, связанные с динамикой развития сельского хозяйства, анализировались основные направления аграрной политики правительства, оценивались миграционные процессы крестьянства в Сибирь. Разнообразные заметки, очерки по проблемам социально-экономической и политической действительности, образа жизни сибирского крестьянства носили ярко выраженный дискуссионный характер, что объяснялось принадлежностью периодических изданий к различным направлениям.

Периодической печати как источнику, безусловно, присущи такие недостатки, как фрагментарность, отрывочность информации, иногда явный субъективизм в суждениях и оценках. Но именно благодаря периодике становится возможным увидеть изучаемую действительность глазами современников как повседневную жизнедеятельность индивидов. Зачастую именно периодическая печать, газеты и журналы формировали у читающей публики представления и взгляды по основным общественным проблемам. Однако и этот вид источника требует сопоставления с другими документами и материалами, так как сообщаемые в изданиях данные могли не соответствовать действительности, некоторые оценки были нетипичны, определенное влияние на характер публикуемых материалов оказывала официальная позиция властей или владельца издания.

Одним из видов исторических источников по изучению некоторых аспектов социального поведения крестьянства в Сибири является комплекс законодательных актов и нормативных документов, определявших правовое поле и регламентировавших основные направления его развития. Изменения в законодательстве дают точное представление о правительственной политике в отношении аграрного развития Сибири, а также о механизмах взаимодействия крестьянства с представителями центральных и местных органов управления.

Законодательные источники по теме исследования наиболее детально представлены в «Полном собрании законов Российской империи», где имеются общие политические, юридические нормы и предписания, ориентированные на осуществление государственной политики в сфере общественной жизни и управления сельским населением³⁴. По отдельным сферам регулирования изданы специализированные сборники нормативно-правовых документов³⁵.

Крестьянское законодательство детально регламентировало деятельность административных органов, сельско-волостное (станично-поселковое) самоуправление, сословный суд, семейно-брачные отношения и многие другие вопросы поведения жителей сельской местности, в том числе и на окраинах империи.

С 1880-х гг. начинает структурироваться и функционировать переселенческое законодательство, определившее многие стороны

миграционного поведения крестьянства³⁶. В многочисленных правительственных законах, правилах и циркулярах оговаривались вопросы юридической ответственности переселенцев, фиксировался денежный ценз, декларировались льготы, регламентировались вопросы землепользования переселенцев в Сибири.

Законодательная основа переселенческого движения и устройства новоселов в Сибири в конце XIX — начале XX вв. явилась предметом специального анализа современных исследователей аграрной политики правительства, что избавляет нас от подробной характеристики нормативно-правовой документации о переселениях³⁷.

Таким образом, выявленный комплекс источников способствует научному изучению многих сторон менталитета сибирского крестьянства. Перечисленные группы исторических источников позволяют наиболее адекватно осветить коллективные представления крестьян Западной Сибири, их образ жизни, традиции, обычаи и социальные практики в условиях масштабной социокультурной трансформации сибирского общества в конце XIX — начале XX вв., сопровождавшейся кризисом традиционных представлений и ценностей многомиллионных масс.

Изучение источников показало различную степень их репрезентативности и, как следствие, объективную потребность в совокупном рассмотрении и критическом анализе. Известно, что исторические источники — это «продукты» функционировавших в прошлом социокультурных систем. Они содержат в себе объективную информацию о прошлом. Однако имеющиеся в источниках исторические факты облечены в субъективную и личностную форму, которая искажает восприятие прошлого субъектом — историком. Это требует выработки особой источниковедческой методики, призванной освободить заключенные в свидетельстве факты от субъективных искажений.

Очевидно, что различные типы и виды исторических источников имеют разную степень выраженности субъективного. Особенно разнообразны письменные свидетельства. Одни из них, например, законодательные акты или статистика, несут на себе ярко выраженную реальность. Субъективное в них, скорее, интегрировано в отображенную документом историческую реальность и подчинено ей. Другие источники — особенно письменные

свидетельства личного происхождения — более ярко представляют субъективно-культурное и личностное начало. Реальное в такого рода источниках принимает форму личностных впечатлений, стереотипов и становится частью субъективного³⁸.

Особенности указанных источников по изучению менталитета и реконструкции социального поведения сибирского крестьянства, характер содержащейся в них информации, культурный контекст определяют использование как традиционных, так и новейших междисциплинарных и количественных методов работы с документальными материалами.

Плюрализм подходов и приемов работы с источниками позволяет исследователю определить назначение, социальную и культурную функцию текста и его субъективно-смысловую сторону. А это, в свою очередь, дает возможность историку оценить фактическое содержание документа, освободить его от субъективно-культурных искажений и построить достаточно объективную картину изучаемого прошлого.

Примечания

¹ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992; Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Миллов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): В 2 т. СПб., 2000; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000; Она же. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М., 2001; Балюк Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI — начало XX вв.). Тюмень, 2002; Скобелев К.В. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма (1861—1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX — начале XX вв.). Омск, 2001; Он же. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006 и др.

² Горюшкин Л.М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1988.

³ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976; Худяков В.Н. Источники для изучения аграрной политики царизма в Сибири в пореформенный период // Аграрная политика царизма в Сибири: Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1989. С. 48—61; Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. — источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории: 1981. М., 1982. С. 72—99; Ноздрин Г.А. Отчеты губернаторов как источник по изучению колонизации Сибири во второй половине XIX в. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 26—38; Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988. Вып. 1; Чуркин М.К. Переселение крестьян... С. 40—54. и др.

⁴ Ермолов А.С. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896; Записка председателя Совета Министров и главноуправляющего Землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910; Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А.Столыпина и А.В.Кривошеина. СПб., 1911; Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края 1910—1912 гг. Омск, 1911—1913.

⁵ Чуркин М.К. Переселение крестьян... С. 44.

⁶ Государственный архив Томской области. Ф. 3. «Томский губернский совет по крестьянским делам»; Ф. 239. «Томский переселенческий район»; Государственное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. 3. «Главное управление Западной Сибири».

⁷ Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903—1904. Т. 53—57; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Степному и Туркестанскому краям, Кавказу и Закавказью. СПб., 1904; Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1—12 августа 1911 г. в г.Омске. Омск, 1912; Журналы областных агрономических совещаний за 1912 год. Омск, 1915; Журналы заседаний совещания экспортеров масла в г. Омске 10—11 декабря 1912 г. Омск, 1913; Журналы заседаний XV юбилейного съезда маслоэкспортеров и деятелей по молочному хозяйству и холодильному делу в г.Омске. 5—9 декабря 1913 г. Омск, 1914; Труды первого съезда агрономов и смотрителей войсковых земель Сибирского казачьего войска (15—30 ноября 1913 г.). Омск, 1913; Отчет агрономической организации Сибирского казачьего войска о результатах борьбы с вредителями сельского хозяйства из семейства саранчовых (кобылка) в период с 1912—1913 гг. Омск, 1914; Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда 2—12 января 1916 г. в г.Омске. Омск, 1916.

⁸ Труды Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. Омск, 1902. Вып. 1; Отчеты о деятельности Омского отдела Московского общества

сельского хозяйства 1910—1915 гг. Омск, 1916; Труды Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. Омск, 1917. Вып. 1; Труды I-го Тобольского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства в г.Кургане. 1900 г. Тобольск, 1901. Кн. 4. и др.

⁹ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избр. произв. Тюмень, 1997; Ростовцев И.Г. На краю света: Записки очевидца. М., 1985; Сумкин М.В. В Сибирь за землю: Записки ходока. М., 1908; Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С. 1—14; В Сибирь за лучшей долей (Народные мемуары. Воспоминания А.Я. Боженко, переселившегося в 1898 году в Алтайский округ) // Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул, 2004. Вып. 1. С. 157—170.

¹⁰ Чудновский С.Л. Из давних лет. М., 1934; Овчинников М. Из воспоминаний моей Канской ссылки // Сибирский архив. 1913. № 4. С. 191—194.

¹¹ Загоскин М.В. Десять лет в сибирской деревне // Сибирский сборник. СПб., 1890. Вып. 1. С. 1—394; Зинин Н.К. Воспоминания из сибирской жизни 1887—1892 гг. СПб., 1895.

¹² Подробнее об этом см.: Родигина Н.Н. Письма сибирских переселенцев второй половины XIX в. — источник по истории крестьянских миграций // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1996. С. 87—91; Скобелев К.В. Формирование менталитета...; Сибирские переселения. Документы и материалы / Отв. ред. М.В.Шиловский. Новосибирск, 2003. Вып. 1.

¹³ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 16—17.

¹⁴ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны... С. 66.

¹⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905 Т. 1—2; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток. Пг., 1917; Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. Омск, 1917.

¹⁶ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году // Статистика Российской империи. СПб., 1913. Т. LXXIX.

¹⁷ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 261.

¹⁸ Обзоры Акмолинской области за 1900—1915 гг. Омск, 1901—1917; Обзоры Тобольской губернии за 1900—1913 гг. Тобольск, 1901—1915; Обзоры Томской губернии за 1905—1912 гг. Томск, 1906—1914.

¹⁹ См., например, итоговые и поездные данные: Обзор Томской губернии за 1905 год. Томск, 1906. Вед. 1.

²⁰ Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги. Животноводство. Томск, 1904; Вып. 1; Томск, 1905. Вып. 2.

²¹ Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год. По данным переселенческой текущей статистики. СПб., 1914.

²² Горюшкин Л.М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири... С. 17—18.

²³ Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 год. Омск, 1912; Памятная книжка ... на 1913 год. Омск, 1913; Памятная книжка ... на 1914 год. Омск, 1914.

²⁴ Трегубов Н.М. Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906.

²⁵ См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма... С. 267—271.

²⁶ Рубакин Н.А. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М., 1908; Скалозубов Н.Л. Из поездок по Тобольской губернии в 1895 году. Тобольск, 1896; Капустин С.Я. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. СПб., 1885; Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3.

²⁷ Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела имп. Рус. Географ. Общества. Омск, 1903. Кн. XXX. С. 1—230; Скорняков Н.В. Приангарский край в этнографическом описании // Сибирский наблюдатель. Томск, 1901. Кн. VI. С. 35—43; Кн. X. С. 1—15; Кн. XI. С. 1—13; Потанин Г.Н. Югозападная часть Томской губернии в этнографическом отношении. СПб., 1864. Вып. VI. С. 1—154; Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1905.

²⁸ Скалозубов Н.Л. Народный календарь. Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. 1898. Вып. IX. С. 69—80; Он же. Народный календарь // Там же. Тобольск, 1901—1902. Вып. XII. С. 116—126; Омельченко А.В. Сибирь за землей и счастьем // Мир Божий. СПб., 1900. № 8. С. 1—24; Герасимов Б. Из мира легенд и недавнего прошлого (Этнографические мелочи) // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОИРГО. Вып. IV. Семипалатинск, 1909. С. 1—18; Чудновский С.Л. Раскольники на Алтае (Выдержки их дневника) // Северный вестник. 1890. № 9. С. 40—74; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXVI Омск, 1899. и др.

²⁹ Ивановский В. Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. XV; Тобольск, 1912. Вып. XXII; Чудновский С.Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Русское богатство. 1894. № 7; Виноградов Г.С. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. 1915. № 3; Попова А.М. Детские игры и забавы в сибирской деревне // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 1; Азадовский М.К. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925; Урал в его живом слове. Свердловск, 1953; Мисюрев А.А. Сибирские сказки, предания, легенды. Новосибирск, 1959 и др.

³⁰ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск, 2006. С. 16—17.

³¹ Беспалова Л.Г. «Переселение крестьян в Сибирь» в творчестве русских писателей // Земля тюменская. 1965. Вып. 4. С. 53—63; Она же. Тюменский край и писатели XIX в. Свердловск, 1970; Заикина А.Б. Сибирское переселение в русской художественной литературе второй половины XIX в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII — начала XXI в. Материалы региональной науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. И.В.Островского

(Новосибирск, 14—15 апреля 2006 г.) / Под ред. В.А.Зверева. Новосибирск, 2006. С. 169—176.

³² Подробнее об этом см.: Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX в. М., 1986; Бунин И.А. На край света // Бунин И.А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1988. Т. 1. С. 206—211; Наумов Н.И. Картинки с натуры // Наумов Н.И. Собр. соч.: В 3 т. Новосибирск, 1939. Т. 3. С. 106—122; Станюкович К.М. В далекие края // Станюкович К.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1977. С. 238—333; Телешов Н.Д. Избр. соч.: В 3 т. Т. 1—3. М., 1956; Успенский Г.И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988; Чехов А.П. В Сибирь // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 14—15. М., 1987. С. 5—38.

³³ Подробнее об этом см.: Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997; Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: очерки по русской литературе XX в. М., 1993; Заикина А.Б. Сибирское переселение... С. 169—176.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 1—55. СПб., 1830—1884; Собр. 3. Т. 1—33. СПб., Пг., 1885—1916.

³⁵ Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914; Законы гражданские: С включением позднейших узаконений и разъяснений по решению Правительствующего Сената с 1866 по июль 1900 г. / Под ред. А.К.Гаугерта. СПб., 1902; Сборник указаний и распоряжений по поземельному устройству крестьян Сибири. СПб., 1900; Законодательные акты, вызванные войною 1914—1915 гг. / Сост. О.И.Авербах. Пг., 1915—1916. Т. 1—4, и др.

³⁶ Сборник узаконений и распоряжений о переселении. СПб., 1901; Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. СПб., 1903; Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Пг., 1915.

³⁷ Подробнее об этом см.: Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 119—192; Никоненко Д.В. Переселенческая политика в российском законодательстве. 1861—1889 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.

³⁸ Подробнее об этом см.: Никулин П.Ф. О некоторых особенностях социокультурного подхода к анализу массовых источников // Человек — текст — эпоха: Сб. науч. статей и материалов / Под ред. В.П.Зиновьева, Е.Е.Дутчак. Томск, 2004. Вып. 1. С. 19—26.

Глава 6

ИШИМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОМСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ (1910—1916 гг.): ОБЗОР АРХИВНОГО ФОНДА

В целях уменьшения возрастающей преступности на железных дорогах Российской империи и обеспечения регулярной охраны железнодорожных путей царское правительство учреждает жандармские полицейские управления железных дорог, непосредственно подчинив их начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов (расходы по содержанию их на частных дорогах возмещались казне железнодорожными обществами). Помимо основных обязанностей чинов корпуса жандармов, во всех отношениях они заменяли в районе железных дорог общую полицию; последняя могла действовать здесь только по приглашению жандармских чинов или при их отсутствии. Так, сооружение Транссибирской железной дороги потребовало организации местных жандармских отделений: Курганского, Ишимского, Ялуторовского и, позже, Омского.

В данном исследовании представлен обзор документов архивного фонда Ишимского отделения Омского жандармского полицейского управления (ЖПУ) железных дорог, предпринята попытка раскрыть степень их информативности для изучения различных аспектов жизнедеятельности. В архивном фонде Ишимского отделения сохранилось 34 дела за 1910—1916 гг.: это, в основном, циркуляры и предписания Департамента полиции МВД, начальников Омского жандармского управления и местного отделения; материалы об инспекторских осмотрах, о снабжении унтер-офицеров обмундированием и оружием; рапорты и протоколы о задержании правонарушителей; списки унтер-офицеров на получение жалования, переписка, телеграммы и др.¹

Точные даты учреждения и ликвидации Ишимского отделения установить не удалось (первый документ в фонде датирован 2 августа 1910 г.). Канцелярия начальника отделения, согласно

источникам, располагалась в г.Ишиме, по Московской улице, в доме Окунева². С 1910 г. отделение находилось в ведении жандармского управления Сибирской железной дороги, а с 1915 г. — Омского ЖПУ, которое, наряду с указанным, включало следующие отделения: Тугулымское, Иннокентьевское, Нижнеудинское, Канское, Красноярское, Боготольское, Мариинское, Томское, Ново-Николаевское, Омское, Петропавловское, Курганское, Челябинское и Ялуторовское.

Анализ документов архивного фонда, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, позволяет установить: организационно-правовые основы, направления, формы и методы деятельности жандармского отделения; аспекты его взаимодействия с полицейскими органами, государственными учреждениями, городскими и сельскими управлениями; штаты, порядок комплектования, специальную подготовку и другие особенности работы с кадрами в жандармских железнодорожных управлениях; секретно-агентурную работу жандармского управления; особенности его деятельности в годы Первой мировой войны и другие вопросы.

Комплекс документов Ишимского отделения ЖПУ выступает как система, организованная по объективным связям между источниками, анализ которых позволяет провести их научную классификацию, в основу которой положен ряд принципов: видовой, территориальный, проблемный, хронологический и др. По видовому составу делопроизводственную документацию жандармерии можно подразделить на четыре основных блока: нормативные акты, справочно-информационные документы, статистическую отчетность и документацию по личному составу. Делопроизводство в отделениях ЖПУ железных дорог возлагалось на вахмистров. Порядок ведения жандармской документации регламентировался на законодательном и ведомственном уровне (уставами, циркулярами и приказами). Так, канцелярия местного отделения обязана была создавать, обрабатывать, учитывать и формировать в дела разные документы (см. табл. 1).

**Комплекс документов Ишимского отделения ЖПУ
по направлениям службы. 1914 г.³**

№	Направление	Состав документов
1	Часть строевая и инспекторская	Месячные рапорты, сведения о состоянии нижних чинов, сведения о писарях, реестр послужных списков, аттестационные списки, представления об увольнении со службы, журналы входящих/исходящих бумаг, адресная книга, опись строевым лошадям, санитарный билет, журнал розысканий с нижних чинов и др.
2	Наставление для обучения стрельбе	Ведомость смотровой стрельбы, списки чинов
3	По уставу внутренней службы	Книга арестованных, книга о заболевших, билеты нижним чинам на увольнение в отпуск, книга жалоб
4	Часть хозяйственная	Кладовая записка, приходно-расходные книги, именные списки служащих, требовательные ведомости, доверенности, денежная разносная книга
5	По деятельности дополнительного штата губернского жандармского управления	Протоколы досмотра, протоколы допроса, протоколы обыска, постановления о заключении дознания, ведомости о лицах, подлежащих розыску
6	По деятельности жандармско-полицейской	Описание районов отделений, расписание мировых, следственных и местных полицейских участков, настольный паспортный реестр. Книги: путевой журнал, пунктовой журнал

Большая часть документации в канцелярии отделения сформирована в дела по видовому и проблемному признакам. Можно утверждать, что дела фактически перешли на хранение в том виде, в котором были заведены (см. табл. 2). Порядок хранения дел и их уничтожение регламентировались приказами по строевой части. Согласно приказу от 28 января 1913 г. начальникам отделений предписывалось все дела, срок хранения которых истек, продать с торгов (с аукциона), приведя в состояние, не позволяющее извлечь из них никаких сведений. Дела с секретной перепиской

подлежали уничтожению путем сожжения. Вырученные от продажи дел деньги необходимо было сдать в местное казначейство. В частности, на торгах 5 марта 1913 г. было продано 925 листов казенных бумаг (58 расшитых дел за 1910—1911 гг.)⁴.

Общее представление о составе, видах и разновидностях документов, применявшихся в деятельности жандармского отделения, а следовательно, и об объеме его документооборота дают описи дел, которые составлялись как по номинальному, так и по функциональному признакам, скажем, финансовые, розыскные документы или нормативные акты (см. табл. 2). Анализ выявленных описей показал, что они представлялись в табличной форме с указанием номера по порядку, номера дела, его краткого содержания, количества единиц хранения, крайних дат, количества листов и примечания. Легко провести аналогию — современные описи мало чем отличаются от имперских.

Таблица 2

Дела Ишимского отделения ЖПУ с указанием сроков хранения. 1911—1914 гг.⁵

№	Наименование дела	Срок хранения
1911 г.		
1	О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц	4 года
2	О денежном довольствии чинов отделения	3 года
3	О преступлениях против казенного имущества	3 года
4	Об обмундировании, вооружении, снаряжении и прочем вещевом довольствии нижних чинов отделения	4 года
5	Смертные случаи, направляемые в порядке 253 ст. Уст. Угол. Судопроизводства	4 года
6	О квартирном довольствии чинов отделения	4 года
7	О преступлениях и проступках нижних чинов отделения и жалобах на них	4 года
8	Об инспекторских осмотрах	4 года
1912 г.		
1	О вызове чинов и агентов дороги в судебные учреждения	3 года
2	Об отличиях и наградах чинов отделения	3 года
3	Разные распоряжения начальника работ и других агентов Тюмень-Омской ж.д.	—

1913 г.		
1	О выдаче разных удостоверений, свидетельств и копий с протоколов	—
1914 г.		
	По строевой части:	—
1	Переписка с разного рода справками и предметами особых дел не составляющих	—
2	О прикомандировании чинов к отделению и командировании их по разным случаям	—
3	О браках чинов отделения, рождении детей и определении детей в учебные заведения	—
4	О заболевших и выздоровевших чинах отделения и их семейств и об отправлении их санитарные станции	—
5	Об увольнении чинов отделения в отпуска и возвращении из таковых	1 год
6	Об осмотрах инспектирующих лиц	1 год
7	Об оскорблении чинов отделения	1 год
	По железнодорожной части:	
8	О надзоре за книжными шкафами и газетной торговлей на станциях и в поездах, о книгах, найденных в вагонах, и вывешивании плакатов	1 год
9	Об истребовании разных билетов и нарядов для перевозки имущества чинов отделения	1 год
10	О срочных донесениях	1 год
11	О надзоре за станционными буфетами, ларьями и проч.	1 год
12	О заболевании на железной дороге разных лиц и о перевозке покойников	1 год
13	С перепиской о жалобах, записанных в станционные жалобные книги	1 год
14	Об осмотре унтер-офицерами своих участков	1 год

Первостепенное значение в деятельности жандармских управлений имели законодательно-нормативные акты, представленные уставами, положениями, циркулярами, приказами, распоряжениями и предписаниями. В них содержатся ценные сведения по регламентации деятельности жандармских полицейских управлений железных дорог, которые невозможно почерпнуть из других источников. В этой связи применительно к данному виду источников необходим определенный набор методов и приемов анализа, позволяющих наиболее полно раскрыть их содержательную

часть, значимость для данной области. Нормативный блок в деятельности жандармерии можно разбить на два уровня: центральный (Департамент полиции МВД, Министерство путей сообщения и другие ведомства) и местный (начальники Омского жандармского управления и Ишимского отделения), который принимался для развития и конкретизации (детализации) норм государственных органов власти. Причем в Российской империи законодательный статус (высшую юридическую силу) приобретал фактически любой правовой акт, санкционированный и утвержденный верховной властью, в форме закона, манифеста, положения, учреждения, указа, мнения или инструкции, в зависимости от его назначения⁶.

Законодательно-нормативные акты изучаются, как правило, в двух аспектах: как основной источник по проблеме и как источник для извлечения отдельных фактов и сведений. При исследовании истории жандармского управления обязательным условием научного подхода является совокупный анализ основных правовых документов в этой сфере. В законодательной иерархии каждый нормативный акт имел свое место и назначение. В то же время для актов была характерна взаимосвязанность, взаимозависимость и подчиненность.

Жандармские отделения в своей деятельности руководствовались широким спектром законодательных актов по отдельным сферам правоохранительной, надзорной, розыскной, следственной и другой работы. Высшую иерархическую ступень занимали законы и уставы, например: Закон от 6 июля 1908 г. об организации сыскной части; Устав уголовного судопроизводства (1892 г.); Устав о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.); Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1885 г.); Общий устав Российских железных дорог (1906 г.)⁷.

Среди актов центральной власти по своей значимости выделялись «Положения», представляющие собой совокупность правил по устройству учреждений, регламентации прав и обязанностей служащих, регулированию их службы: Положение об Отдельном корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г.; Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г.; Положение об устройстве секретной

полицейской в Империи от 3 декабря 1883 г.; Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам и др.⁸

Согласно законодательству железнодорожная жандармерия наделялась достаточно широкими полномочиями и функциями: наблюдение за порядком на станциях и близлежащих к ним территориях, подавление массовых антигосударственных выступлений (выступления железнодорожников, рабочих станций), охрана императорских поездов, оказание содействия полицейским учреждениям, Военному министерству, Министерству путей сообщения и другим учреждениям и ведомствам, раскрытие преступлений, несение патрульно-постовой службы на станциях. Совокупность этих широких функций дает основание заключить, что жандармские полицейские управления железных дорог были наиболее активной частью Отдельного корпуса жандармов, чем можно объяснить устойчивый исследовательский интерес к данным органам охраны порядка и борьбе с преступностью⁹.

Оперативную работу жандармских отделений регламентировали циркуляры и предписания Департамента полиции, начальников Омского жандармского управления и Ишимского отделения. Эти документы, как правило, оформлялись на типографских бланках ведомств и должностных лиц, а текст вносился рукописным способом (за исключением напечатанных актов центрального ведомства)¹⁰. Большая их часть имела гриф «секретно». Циркуляры — исторический источник, наиболее широко представленный в исследуемом архивном фонде.

Циркулярами Департамента полиции регламентировались такие вопросы деятельности жандармских отделений железных дорог, как: организация внутренней агентуры в среде железнодорожных служащих (циркуляр от 6.08.1906 г.); порядок приобретения агентуры (29.11.1908 г.); порядок наружного наблюдения при установлении охраны должностных лиц от террористических покушений (2.06.1911 г.); порядок соблюдения конспирации при работе с агентурой (31.01.1912 г.); усиление агентурной работы в фабрично-заводской среде (12.10.1913 г.) и др. Примечательно, что нормативно-циркулярные акты центрального ведомства систематизировались и периодически публиковались в виде справочно-инструктивных сборников для чинов Отдельного корпуса жандармов¹¹.

По сохранившимся в фонде циркулярам Департамента полиции можно судить о невысокой степени исполнительности местных жандармских управлений. Например, циркулярами от 6 и 11 декабря 1911 г. и 12 января 1912 г. начальникам жандармских управлений предписывалось установить бдительное наблюдение за распространением ложных слухов политического характера в районах наблюдения и принять энергичные меры к их прекращению. Однако подшитые в деле ведомости о произведенных расследованиях политического характера за февраль—май являются пустыми, т.е., очевидно, что дознаний не проводилось¹².

Предписания центрального ведомства в точности и в полном объеме не исполнялись. Результатом таких отступлений являлись новые жертвы в составе недостаточно инструктированных нижних чинов отделений. Например, циркуляр Департамента полиции от 11 июня 1913 г. повторял требования предписаний от 11 ноября 1911 г. и 26 мая 1907 г. о принятии своевременных мер законной самообороны чинами полиции и отдельного корпуса жандармов при осуществлении служебных обязанностей во время обысков и арестов¹³.

В циркулярах отражалась общественно-политическая жизнь в стране и регионе. В них фиксировались официальная реакция чинов жандармерии на социальные процессы и явления, а также методы борьбы с распространением революционной пропаганды. Так, циркуляр Департамента полиции от 19 апреля 1915 г. предписывал принять самые решительные меры к недопущению беспорядков 1 мая, поскольку «в этот день революционеры стремятся привлечь рабочих и радикально-настроенную интеллигенцию к разного рода демонстрациям»¹⁴. Начальник Омского ЖПУ циркуляром от 17 ноября 1916 г. сообщал начальникам отделений о волнениях среди рабочих в Петрограде и Москве. В этой связи он предписывал принять все возможные меры, чтобы избежать подобных акций в своем районе. В циркуляре содержался подробный план действий, в частности: учредить постоянное наблюдение за мастеровыми и рабочими депо; усилить наблюдение за мостами путем проверки несения службы военной охраны; в случае забастовки немедленно телеграфировать начальнику управления и ставить в известность общую полицию; начальники отделений при волнениях наделялись правом вызывать воинские части,

а также призывалось действовать сообща — «кулак, сжатый вместе, бьет сильнее, чем в отдельности 5 пальцев»¹⁵.

Из циркуляров можно узнать о нововведениях, перемещениях служащих, изменениях в штатах и окладах их содержания. Так, циркуляр начальника ЖПУ Сибирской железной дороги от 31 декабря 1912 г. свидетельствует о том, что с апреля 1913 г. планируется приступить к постройке Алтайской железной дороги, которая в отношении жандармского надзора будет подчиняться его ведению. Причем до утверждения штатов названной дороги жандармское управление будет действовать в составе 3-х начальников отделений, 3-х вахмистров и 45 унтер-офицеров и будет обслуживаться наличным составом жандармского управления Сибирской железной дороги. Начальникам отделений предписывалось назначить двух лучших унтер-офицеров из своего отделения для продолжения службы на новой дороге¹⁶.

Циркуляры содержали нормы, обязательные для исполнения (разъясняющего, разрешающего и запрещающего характера). Причем в условиях войны и социальных катаклизмов 1914—1917 гг. их число резко увеличилось. Например, циркуляр начальника Омского ЖПУ от 20 апреля 1915 г. предписывал всем начальникам отделений пополнить недостающее число стражников по действующим нормам и освободить от надзора пленных работников, т.к. «пополнение крайне необходимо дороге как рабочая сила». Другим циркуляром от 19 октября 1915 г. он запрещал унтер-офицерам увольнение со службы по собственному желанию¹⁷.

Часто в циркулярах содержались специальные инструкции жандармским отделениям по направлениям служебной деятельности. Жандармские управления железных дорог рассылали инструктивные документы станционным унтер-офицерам, направленные на предотвращение многочисленных нарушений на железных дорогах, обеспечение правопорядка на станциях, сохранность грузов, в том числе и ценных, которые не потеряли своей актуальности и сегодня, т.е. могут быть взяты за основу при составлении ряда руководств для органов внутренних дел на транспорте¹⁸.

Другим важным источником распорядительного характера являлись приказы, которые, как правило, не выделялись в отдельные дела, а распределялись по ним (по тематической принадлежности), что делает невозможным процесс их целостного

и подробного изучения. В частности, интерес представляют приказы по строевой части и железнодорожной части¹⁹. Приказами по строевой части утверждались факты назначения на должность, перевода и увольнения, предоставления отпуска, пенсии и пособия как отдельным служащим, так и в целом штатному составу чинов жандармских отделений. В частности, штат Ишимского отделения ЖПУ состоял из 17 служащих, которые распределялись по 7 станциям (см. табл. 3).

Таблица 3

**Личный состав Ишимского отделения по станциям.
На 30 декабря 1913 г.²⁰**

Станция	Должности	И. Фамилии	Всего штат
Ишим	начальник отделения	В.Комаров, подполковник	10
	вахмистр	Н.Грищенко	
	унтер-офицеры	А.Семашкевич, А.Казарин А.Пинегин, И.Горбунов М.Юдинков, П.Баскевич Н.Рожков, Н.Воловиков	
Маслянская	унтер-офицер	Н.Сафонов	1
Называевская	унтер-офицеры	И.Маньков (старший) Ф.Шибут (младший)	2
Любинская	унтер-офицер	Т.Платухин	1
Мангут	унтер-офицер	В.Гришин	1
Драгунская	унтер-офицер	Г.Соколов	1
Куломзино	унтер-офицер	И.Назаров	1
Всего по отделению			17

Основанием для издания приказов, как правило, служили циркуляры центрального ведомства, реже — рапорты и донесения жандармских служащих. Так, в рапорте от 14 ноября 1913 г. начальник Ишимского отделения сообщал начальнику жандармского управления о том, что из числа 8 нижних чинов, предназначенных для несения службы на станции Ишим, в настоящее время остались вахмистр и четыре унтер-офицера, которые «с большими трудностями выполняют служебные обязанности». Унтер-офицеры были откомандированы для продолжения службы в жандармское

управление Амурской железной дороги. Подполковник ходатайствовал о перемещении на станцию унтер-офицеров. Начальник жандармского управления отреагировал на его просьбу изданием приказа о перемещении унтер-офицеров из Курганского и Мариинского отделений²¹. Нередко один приказ содержал ссылку на другой. Например, приказом № 131 от 15 октября 1915 г. подполковник Комаров переводился на должность начальника Ялуторовского отделения ОЖПУ, начальник которого Яковлев по приказу № 311 от 28 сентября определялся начальником Омского отделения²².

Взаимодействие жандармского отделения с государственными и общественными учреждениями осуществлялось посредством служебной переписки (писем-отношений и предложений). В частности, по финансово-хозяйственным вопросам местная жандармерия имела отношения с Ишимской городской управой²³; по судебным делам — с мировыми судьями, прокурорами и следователями Тобольского окружного суда; по железнодорожной части — с правлением Сибирской железной дороги. Начальник дороги 19 ноября 1913 г. сообщал начальнику Омского ЖПУ о порядке выдачи бесплатных билетов на проезд железнодорожных стражников и их семейств с 1 января 1914 г.²⁴ Кроме того, в части обеспечения общественной безопасности и охраны правопорядка в данном районе жандармское отделение сотрудничало с уездным полицейским управлением. Например, начальник Ишимского отделения 26 августа 1916 г. обратился к уездному исправнику в связи с тем, что в последнее время участились случаи попадания под поезда скота, принадлежавшего крестьянам местных селений. Он просил исправника объявить им, чтобы они не пасли свой скот без присмотра²⁵.

Документация по личному составу Ишимского отделения ЖПУ составляет отдельную группу источников: ведомости; приказы по строевой части; формулярные списки служащих; заявления, рапорты, ведомости об изменениях в составе служащих и размерах их содержания; выписки из журналов розысканий. Кадровые документы позволяют установить дополнительные сведения о профессиональной службе железнодорожных жандармов, а также факты их личной жизни. В частности, интересные повороты происходили в жизни начальника отделения В.Д.Комарова²⁶. Согласно источникам жена подполковника была душевнобольной,

страдала манией преследования. Она нуждалась «в лечении системой семейного патронажа», поэтому ее поместили с матерью в специальный дом в 15 верстах от станции Ишим. Другие примеры — унтер-офицер М.Юдинков страдал малокровием, в связи с чем был переведен в Воронежское жандармское управление, а у вахмистра отделения Н.Грищенко было пятеро детей²⁷.

В исследуемом фонде хранятся журналы взысканий, накладываемых за правонарушения жандармских чинов. В кадровых документах сохранились записи о наличии у служащих штрафов, возбуждении против них следствия и привлечения к суду. Согласно выписке из журнала унтер-офицер Н. Сафонов 20 апреля 1906 г. был подвергнут пяти нарядам вне очереди за то, что не составил протокол о столкновении поездов, а 31 мая 1912 г. — аресту на двое суток «за нетрезвое поведение на службе»; унтер-офицер Т.Седых 11 января 1915 г. получил 8 нарядов вне очереди за грубое обращение с торговцами съестными припасами на воинском пункте²⁸.

Широко представлена в архивном фонде финансово-хозяйственная документация Ишимского отделения ЖПУ. К ведению бухгалтерского учета и отчетности жандармские власти подходили с особой скрупулезностью, что предписывали специальные «Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов» (изданные в 1910 г.). Научная критика показала, что в деятельности жандармских управлений использовались стандартные (унифицированные) формы финансовых документов, ведомостей и книг, представленных преимущественно в табличной форме (см. табл. 1).

Финансовая отчетность свидетельствует о том, что система финансирования жандармерии складывалась из разных источников. Основной оклад жалования служащие получали от казны, а добавочное довольствие (квартирное, вещевое, дорожное) — от городских и земских управ (см. табл. 4). Приведем пример того, как рассчитывалось содержание начальника отделения: жалование — 90 руб., столовых — 60 руб., его прислуги — 16 руб., канцелярских — 8,33 руб., разъездных — 16,67 руб., квартирных 29,17 руб., добавочных — 18 руб., всего 238,17 руб. За минусом удержания (39,70 руб.) получалось 198,47 руб. Согласно списку нижних чинов отделения на выдачу квартирных денег за январь

1914 г. вахмистру и унтер-офицерам (всего 16 человек) было выплачено по 15 руб. каждому²⁹.

Таблица 4

Жалование служащих Ишимского отделения ЖПУ. 1914—1915 гг.³⁰

Должность	1914 г. (руб.)			1915 г. (руб.)		
	январь	июнь	октябрь	январь	июнь	октябрь
Начальник отделения	198	173	136	202	201	194
Вахмистр	45	45	45	45	45	45
Унтер-офицеры (10—15 человек)	480 (30—35)	485 (30—35)	325 (30—35)	325 (30—35)	278 (25—30)	348 (30—35)
Всего по отделению	723	703	506	572	524	587

Как видно из данных таблицы 4, оклады унтер-офицеров в среднем составляли 30—35 руб. в месяц (не считая квартирных денег), что в условиях войны и непрерывного удорожания продуктов питания и других товаров было явно недостаточно. На это обратили внимание центральные власти. Согласно циркуляру начальника Омского ЖПУ от 11 декабря 1915 г. государь-император, «желая улучшить материальное положение офицерских и нижних чинов Отдельного корпуса жандармов по случаю усилившейся в настоящее время дороговизны жизни», повелел немедленно внести в Совет министров представление о выдаче чинам корпуса впредь до окончания военных действий особого суточного денежного довольствия³¹. Однако в исследуемом фонде мы не обнаружили данных о выплатах такого пособия служащим.

Взаимодействие начальника Ишимского отделения с подчиненными осуществлялось посредством циркулярных предписаний. Он рассылал стационарным унтер-офицерам различные предписания: о розыске скрывающихся лиц с розыскными карточками, содержащими подробные приметы, например, «часто носит бороду, с рыжеватым оттенком, глаза бегающие, держится сгорбившись, походка быстрая, но тяжелая». В секретном предписании от 30 июля 1913 г. начальник отделения обязал принять меры к розыску 47 револьверов системы «Наган», похищенных из цейхгауза 4-й батареи 19-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. В другом предписании он распорядился разыскать бежавшего осужденного

за убийство чиновника, лишенного всех прав, состояния и приговоренного к смертной казни через расстрел³².

С помощью предписаний можно установить различные факты оперативной работы жандармского отделения. Изучая эти источники, невозможно не заметить, что в начале XX в. значительно увеличилось количество преступлений в регионе и, как следствие, выросло число предписаний. Причем достоверность совершенных преступлений не вызывает сомнений, поскольку подтверждается их подробным и обстоятельным описанием, с указанием даты, причин, хронологической канвы, пострадавших и последствий. Согласно предписанию начальника ЖПУ Сибирской железной дороги (полковник Бардин), 28 июля 1913 г. кавказцами был ограблен артельщик Тюмень-Омской железной дороги на сумму 13 тыс. руб. По его мнению, это произошло из-за халатности чинов местного отделения, не обеспечивших должную охрану. В этой связи начальник обязал «усилить фактическое наблюдение за проезжающими кавказцами, за жизнью и сношениями кавказцев, проживающих в районе вверенного Вам отделения»³³.

В исследуемом фонде отложились также дела о совершенных кражах, грабежах и убийствах в районе железной дороги. Анализ источников показывает, что жандармам не удавалось своевременно пресекать и раскрывать хищения грузов, совершавшиеся во время движения поездов. Унтер-офицеры подчас не могли установить все обстоятельства того или иного дела. Из протокола № 27 от 14 февраля 1914 г. следует, что в ночь на 13 февраля в казарме (340-я верста) двое ремонтных рабочих в нетрезвом виде произвели буйство, причем нанесли сильные побои путевому сторожу и его жене и выбили в его квартире окно. На следствии рабочие заявили, что сторож сам пришел к ним с водкой, когда ее выпили, поссорились, и завязалась драка. Рабочие утверждали, что побои нанесли сторожу, потому что он набросился на них с топором, а жену не били и окна не выбивали³⁴.

Тем не менее, в архивных документах можно обнаружить и основательно раскрытые дела. Например, по приказу начальника отделения вахмистр совершал неоднократные поездки по району, разыскивая украденные 10 ноября, 25 и 29 декабря 1913 г. со станции Ишим обувь, белье и, конечно, самих грабителей. По уголовному делу удалось обнаружить большую часть украденных

вещей и двух похитителей, а также семерых лиц, причастных к краже. Судебный следователь Тобольского окружного суда отношением от 24 ноября 1916 г. сообщал начальнику Ишимского отделения ЖПУ о возбуждении дела о краже из товарного поезда 200 мешков пшеницы (1 005 пудов) со станции Куломзино. Однако, как видно из материалов дела, расследование не дало положительных результатов. Согласно протоколу № 624 от 7 декабря 1916 г., унтер-офицер Седых засвидетельствовал, что со станции пшеницу в указанном количестве отправил доверенный товарищества (собственник), а в каком количестве она была получена, глава правления не знает³⁵.

Взаимодействие станционных жандармов с начальником Ишимского отделения ЖПУ обеспечивалось рапортами и донесениями. Такие источники отличались обширной тематикой: отчеты по результатам поездок, решение хозяйственных вопросов, различные ходатайства и пр. В частности, унтер-офицер Маньков (станция Называевская) докладывал, что в поселке при станции местный ратник, напившись, свалился и обморозил руки. Дознание по делу провел полицейский надзиратель, после чего пострадавшего отправили в больницу г.Омска. Рапортом унтер-офицер Соколов от 2 февраля 1915 г. доложил об убийстве собаки, бросавшейся на людей. После вскрытия собаки ветеринарный фельдшер подтвердил ее бешенство³⁶. В рапорте от 7 января 1913 г. вахмистр отделения доложил о спасении пассажира, мешанина г.Кургана М.А.Пепеляева, который, находясь на перроне станции Ишим, споткнулся и упал на путь под колеса подходившего поезда. Заметив это, вахмистр бросился к упавшему и извлек его невредимым. Н.Грищенко «за продолжительную и во всех отношениях отличную службу» был удостоен серебряной медалью с надписью «за усердие»³⁷.

Интересные факты содержатся в материалах инспекторских осмотров личного состава Ишимского отделения. В частности, осмотр 18 сентября 1912 г. показал, что в строю находились: 1 штаб-офицер, 1 вахмистр, 11 унтер-офицеров, 1 унтер-офицер в служебном наряде и четверо были в командировке. Внешний вид и поведение нижних чинов признаны «хорошим», «выправка сохранена», «оружие в порядке». Тем не менее, в делопроизводстве замечено неправильное сортирование бумаг по делам, т.е. некоторые

бумаги вшиты в совершенно не соответствующие дела³⁸. Анализ данных обследования отделения свидетельствует о невысоком уровне профессиональной подготовки жандармских служащих. Например, по результатам смотровой стрельбы унтер-офицерами по мишеням с расстояния была составлена ведомость (отчет), согласно которой с 25 шагов из 30 пуль (по 3 патрона каждому из 10 чинов) в цель попали 19 (63%), с 50 шагов — 16 (53%), со 100 шагов из 50 пуль (по 5 патронов каждому) — 22 (44%) и с 200 шагов — 16 (32%)³⁹.

Высокий информационный потенциал сосредоточен в протоколах, отложившихся в архивном фонде Ишимского отделения. Формуляр протокола был единообразным (стандартным). В верхнем поле документа указывали его вид — протокол, номер, дата и место составления (события). Унтер-офицеры посредством протоколов фиксировали факты правонарушений на станциях железной дороги, например, безбилетный проезд или неоплаченный провоз багажа, появление лиц в нетрезвом виде, случаи сквернословия, буйства и др. Согласно протоколу от 16 февраля 1914 г. произошел разрыв товарного поезда на перегоне между станцией Мангут и разъездом № 43. От состава поезда оторвалось 7 порожних и 2 классных вагона, находящихся в хвосте⁴⁰. По протоколу от 10 февраля 1913 г., составленному на станции Любинская, кондуктор пассажирского поезда № 3 Бабец представил унтер-офицеру Ишимского отделения Бородину одного пассажира из вагона IV с просроченным билетом. Означенный пассажир отказался оплатить 88 копеек за билет. Данный протокол был представлен начальнику станции. Нумерация протоколов, подшитых в деле, свидетельствует о том, что за 1913 г. было составлено около 500 подобных протоколов (возможно, часть их утеряна)⁴¹. Кроме того, протоколы содержат сведения, напрямую не имеющие отношения к жандармской службе, однако представляющие интерес для исследователей. По протоколам видно, что на железной дороге действовали билеты четырех классов (в зависимости от уровня комфортности вагонов), из них самые дорогие — билеты I класса (2—2,5 руб.), соответственно самые дешевые — билеты IV класса (64 коп.). Причем в вагонах I класса практически не было случаев задержания безбилетных пассажиров.

Как видно из протоколов и рапортов, большая часть правонарушений была вызвана чрезмерным употреблением и производством алкоголя. Например, рапорт жандарма указывал на то, что местный казенный десятник «ведет себя крайне безобразно, часто пьянствует, учиняет скандалы с жителями, отлучается во всякое время дня и ночи, шатается по поселку и скандалит»; в рапорте от 7 июня 1912 г. он писал о незаконной продаже водки в одном из сел уезда. В лесу жители устроили торговую баню, где совершенно открыто продавалась водка и пиво, вследствие чего рабочий люд спаивался как в праздники, так и в будни, в чем лично убедился чиновник. Унтер-офицер на станции Мангут Ишимского уезда докладывал о стрельбе и пьянстве в поселке. Один из жителей, имевший револьвер, 27 мая 1912 г. ходил пьяный по поселку и стрелял между домами, при толпе люда. Более того, у него проживала сожительница — женщина, по слухам, бежавшая от мужа и не имевшая паспорта⁴². По результатам следствия унтер-офицеры составляли постановления. Так, согласно постановлению № 314 от 13 ноября 1912 г. унтер-офицер отделения Бородин задержал крестьянина Акмолинской области Колесникова, появившегося на станции Ишим в нетрезвом виде, и препроводил его в уездное полицейское управление для вытрезвления⁴³.

Отдельно следует выделить справочно-информационную и статистическую документацию, отложившуюся в канцелярии Ишимского отделения ЖПУ. Например, начальники отделений собирали с помощью станционных жандармов сведения о мировых, следственных, прокурорских и местных полицейских участках в районе вверенного им участка, затем представляли сводное расписание в жандармское управление. Данный документ составлялся в табличной форме и содержал сведения о распределении указанных должностных лиц по участкам железной дороги («зонам ответственности») и месте их жительства (см. табл. 5).

Таблица 5

Расписание мировых, следственных, прокурорских и полицейских участков Ишимского отделения ЖПУ. 1916 г.⁴⁴

№	Верста	Разъезд	Мировой судья	Следственный участок	Полицейский участок
Станция Маслянская, 274 — 326 версты					
1	284	№ 39 открытый	1 участка, 274—326 версты	Прокурор Тобольского окружного суда в г.Тобольске	Маслянское волостное правление, 299—326 версты; Жилияковское волостное правление, 274—284 версты; Боровское волостное правление, 285—299 версты
2	293	№ 40 открытый	1 участка	Товарищ проку- рора 1 участка по Ишимскому уезду, в г.Ишиме, 274—326 версты	Пристав 2 стана Ишимского уезда в с.Абат- ском, 285—326 версты; Полицейский урядник 2 стана 5 участ- ка в с.Абат- ском, 285— 326 версты
3	304	№ 41 закрытый	1 участка	тот же	Полицейский урядник 2 стана 5 участ- ка в с.Абат- ском, 285— 326 версты
4	316	ст.Мас- лянская	1 участка	Следственный мировой судья	Полицейский урядник

				2 участка Ишимского уезда в г.Ишиме, 274—326 версты	1 участка, 274—284 версты
5	325	№ 42 закрытый	1 участка	тот же	Пристав 1 стана Ишимского уезда в г.Ишиме, 274—284 версты
Станция Мангут, 327—374 версты					
1	335	№ 43 открытый	1 участка в г.Ишиме, 327—348 версты	Следственный мировой судья 2 участка Ишимского уезда в г.Ишиме, 327—348 версты. Товарищ прокурора 1 участка Ишимского уезда в г.Ишиме, 327—348 версты	Масляное волостное правление, 327—348 версты. Пристав 2 стана Ишимского уезда в с.Абатском, 327—348 версты. Полицейский урядник 2 стана 5 участка в с.Абатском
2	346	№ 44 закрытый	тот же	те же	те же
3	357	ст. Мангут	3 участка Тюкалинского уезда в поселке при ст. Называевская, 349—374 версты	Следственный мировой судья 4 участка Тюкалинского уезда в поселке при ст.Называевская, 349—374 версты. Товарищ прокурора 2 участка в г. Омске, 349—374 версты	Пристав 3 стана Тюкалинского уезда в поселке при ст.Называевская, 349—374 версты. Полицейский урядник 3 стана 7 участка

					в с.Больше-Песчанском, 349—374 версты. Больше-Песчанское волоостное правление, 349—374 версты
4	366	№ 45 закрытый	тот же	те же	те же
Станция Называевская, 375—422 версты					
1	397	ст. Называевская	3 участка Тюкалинского уезда в поселке при ст. Называевская, 380—422 версты	Следственный мировой судья 4 участка Тюкалинского уезда в поселке при ст. Называевская, 380—422 версты. Прокурор Тобольского окружного суда в г. Тобольске. Товарищ прокурора 2 участка в г. Омске, 380—422 версты	Пристав 3 стана Тюкалинского уезда ст. Называевская, 380—422 версты. Полицейский надзиратель в поселке при ст. Называевская. Полицейский урядник 3 стана 6 участка Тюкалинского уезда ст. Называевская, 380—422 версты
Станция Драгунская, 423—465 версты					
1	434	закрытый воинский	3 участка Тюкалинского уезда ст. Называевская, 423—465 версты	Следственный мировой судья 4 участка Тюкалинского уезда ст. Называевская, 423—465 версты	Пристав 2 стана Тюкалинского уезда ст. Называевская, 423—465 версты. Полицейский урядник

					6 участка 2 стана Тюкалинского уезда, 423—441 версты. Драгунское волостное правление, 423—441 версты
2	445	ст. Драгунская	тот же	Товарищ прокурора 2 участка по Тюкалинскому уезду в г. Омске	Пристав 2 стана Тюкалинского уезда ст. Называевская, 423—465 версты. Полицейский урядник 4 участка 2 стана Тюкалинского уезда с. Лузино, 441—465 версты. Лузинское волостное правление, 441—465 версты
3	456	закрытый воинский	тот же	тот же	те же
4	465	№ 52	тот же	тот же	те же
Станция Любинская, 466—530 версты					
1	477	№ 53	3 участка ст. Называевская, 469—510 версты	Следственный мировой судья 4 участка Тюкалинского уезда, 469—510 версты	Пристав 5 стана Тюкалинского уезда с. Лузино, 469—493 версты

2	488	ст.Любинская	тот же	Товарищ прокурора 2 участка Тюкалинского уезда в г.Омске	тот же Омский уездный начальник в г.Омске, 493—497 версты
3	511	№ 55	1 участка Омского уезда в г.Омске, 511—530 версты	Следственный мировой судья 3 участка Омского уезда в г.Омске, 511—530 версты. Товарищ прокурора 2 участка Омского уезда в г.Омске	Атаман 2 станичного правления Сибирского казачьего войска пос.Мельничный Омского уезда, 498—531 версты
Станция Куломзино					
1	741	ст.Куломзино	6 участка Омского окружного суда в г.Омске	Следственный мировой судья 3 участка Омского уезда в г.Омске. Товарищ прокурора Омского окружного суда 3 участка в г.Омске	Заведующий полицейской частью в пос.Ново-Омск

Для поддержания порядка на железных дорогах и в полосе отчуждения чинами жандармских железнодорожных отделений принимались меры по регистрации и обязательному учету всех лиц, обслуживающих железные дороги, т.е. в жандармские журналы обязательно заносились фамилии, имена, отчества инженеров путей сообщения, служащих станций и депо, кондукторов, рабочих, мастеровых и т.д.

В целом, журналы и книги (входящих/исходящих бумаг, путевые, пунктовые, настольный паспортный реестр и др.) как регистрационная форма широко используются и в наши дни. «Регистры» велись в виде таблицы, где указывался порядковый номер, дата, входящий (исходящий) номер, отправитель (получатель), краткое содержание и отметка об исполнении, что позволяет судить

об объеме делопроизводства жандармского отделения, его отношениях с центральным правительством, жандармской и губернской администрациями, а также с местным населением, месте и роли жандармерии в решении насущных социальных проблем.

Кроме того, в архивном фонде сохранились различные обзорные материалы об общественно-политических процессах в стране. Например, особый интерес представляет подготовленный Департаментом полиции 27 октября 1915 г. обзор заграничной печати партийных организаций России, а также других изданий анархистской, сепаратистской и общепрогрессивной направленности. В обзоре собраны данные об изданиях партий социалистов-революционеров и социал-демократов, времени выхода, а также цитаты (заметки) из отдельных номеров (см. табл. 6), что можно использовать для изучения эволюции общественных настроений в годы Первой мировой войны.

Таблица 6

Обзор публикаций партийных и других изданий, выходящих за границей. 1914—1915 гг.⁴⁵

№	Наименование издания	Место издания. Начало и окончание выхода	Обозреваемая статья, заметка	Выдержка
Органы печати партии социалистов-революционеров				
1	«Мысль»	Париж. С 15 ноября 1914 г. по март 1915 г.	«Социалистическая оценка войны» (№ 6)	«Что касается победы тройственного согласия, то она не грозит Европе установлением чьей-либо единой диктатуры, но чревата скорее разложением противоестественной связи, которая соединяет две передовые демократии запада с царским деспотизмом России...»

2	«За рубежом»	Париж. С 22 марта 1915 г. по 1 июля 1915 г.	«От редакции» (№ 1)	«Война поставила перед социалистами всех стран ряд весьма важных вопросов и породила много разногласий... Мы идем на войну в защиту погранных демократий и наций. Мы идем на войну, повинаясь нашим социалистическим убеждениям. Мы идем на войну, не мирясь ни с каким насилием, ибо против насилия мы выступаем. Вот почему мы воюем и вот почему многие из нас, неволею загнанные на чужбину и лишенные возможности идти с родным народом, служат общему делу в рядах союзных армий».
3	«Жизнь»	Женева. Начала издаваться после закрытия газеты «Мысль»	«Серьезность кризиса» «Левый Интернационал» (№ 45, 49)	В статьях проводится мысль — «Протест против войны и осуждение социалистов, стоящих за войну и за военные кредиты...», а также указывается «на предполагаемые попытки социалистов к образованию из остатков распавшегося

				Интернационала нового, так называемого “Левого Интернационала”».
4	«Наше эхо»	Париж. С апреля 1915 г.	Не указано	Названная газета является органом «оппозиционной» группы социалистов-революционеров, официально именующей себя «2-я Парижская группа содействия партии социалистов-революционеров». Направление газеты — «бороться с центром партии социалистов-революционеров и в особенности с заграничной делегацией».
Издания анархистского оттенка				
1.	«Голос труда»	Нью-Йорк. С сентября 1914 г.	«Россия настоящего момента» (№ 48)	«Почему рабочие Европы после десятков лет усиленной и, казалось, успешной пропаганды идей интернациональной солидарности пролетариата оказались не в силах предотвратить происходящее в настоящий момент колоссальное побоище народов, равного которому не было в истории... Когда

				<p>пробил момент решительной битвы, оказалось, что рабочие далеко не были подготовлены к той форме современного революционного восстания пролетариата — к всеобщей европейской вооруженной стачке, которая одна лишь могла положить конец всей этой дьявольской свистопляске ультиматумов и взаимных застрашиваний, послужившей прелюдией мировой войне...»</p> <p>«Эти десять-одиннадцать лет правительство России все свое внимание сосредоточивало на ведении войны со своим народом, превратив таким образом страну как бы в сплошной лагерь военнопленных. Ясно, что при таких обстоятельствах правительству совершенно не оставалось времени заботиться о военной мощи страны на случай нападения коварного</p>
--	--	--	--	---

				<p>соседа, а поэтому положение вещей и даже тактика ведения войны остались такими же, как и в 1904—05 гг.</p> <p>Но всему есть предел. Придет конец и народному долготерпению. И это, по-видимому, не за горами: еще два-три серьезных поражения и меньшинство, в среде которого уже замечается глухое брожение, может превратиться в большинство с ясно выраженным революционным настроением».</p>
Органы печати социал-демократической партии				
1	«Наше Слово» (бывший «Голос»)	Париж. Не указано	«От абстракции к конкретности» (№ 191)	<p>В статьях высказывалась мысль о необходимости заключения мира с Германией (Луначарский и Мартов). Плеханов в своих статьях заявлял о необходимости полной победы над Германией.</p> <p>«Долой “творчески бесплодную” войну. Ни победителей, ни побежденных, никаких насильственных аннексий; это именно тот лозунг,</p>

				продиктованный всей совокупностью условий настоящего момента».
2	«Социал-Демократ»	Не указано	«Женская международная социалистическая конференция» (№ 42)	«Женская конференция ожидает от социалистических партий всех стран, что они, не теряя времени, с полным сознанием цели, энергично возьмутся за вовлечение народа в борьбу за мир. Деятельность социалисток в пользу мира должна быть предтечей общего движения рабочих масс за прекращение братоубийства. Она должна быть важным шагом по пути восстановления великого рабочего Интернационала».
3	«Россия и Свобода»	Париж. С 29 августа 1915 г.	«От редакции» (№ 1)	«Журнал “Россия и Свобода” ставит себе две задачи: отрицательную и положительную. Отрицательная, но необходимая задача, это борьба с вредными для демократии и социализма, упадочными и деморализующими течениями, находящими себе

				<p>выражение на страницах “Нашего Слова”, “Жизни” и “Социал-Демократа”». «Положительная задача — выяснение причин и характера нынешней войны, освещение роли Российской демократии и рабочего класса в справедливом деле обороны своей страны, борьба со всем, что мешает этому делу, обсуждение главных вопросов внутренней жизни и внешней политики России и других европейских стран, борьба за право, истину, свободу и социализм».</p>
Издания общепрогрессивного направления				
1	«Русские известия»	Берлин. Не указано	«Дума против государственной системы» (№ 45)	<p>«То время уже прошло, когда можно было сладко мечтать о доброжелательном и доверчивом правительстве. Теперь же страна требует такого правительства, которому население вполне доверяло бы. Много горького пришлось услышать от представителей партий в Думе».</p>

2	«Жизнь и смех»	Нью-Йорк. Не указано	«Ответ верноподданному» (№ 28)	«Царь не Россия, а причина ее невзгод... потеря Польши явится огромным ударом для царизма и на родине может выступить после этого и другой, более опасный “внутренний враг”... На родине уже теперь сильное брожение умов. Царь перестал быть “батюшкой”. Вера его “сынов” в доблестных генералов и министров поколебалась. Ясно стало, что Государственная Дума не что иное, как государственный кукольный балаган...».
3	«Великий океан»	Сан-Франциско. Не указано	Не указано	В номерах указанной газеты не встречается статей резкого содержания, в них освещается только общественное настроение в связи с нынешней войной.

Обзор фонда показал, что документы Ишимского отделения ЖПУ всесторонне отражают его деятельность в указанном районе железной дороги. Служба железнодорожных жандармов отличалась многогранностью, и каждое из направлений их работы может стать объектом отдельного изучения служащими транспортной милиции, юристами и историками. С помощью архивных

документов можно анализировать закономерности и особенности формирования и функционирования системы административных органов власти в регионе в имперский период. Более того, тематика архивных дел достаточно обширна, подчас в них содержатся материалы, напрямую не связанные с обеспечением общественной безопасности и охраны правопорядка. Официально Отдельный корпус жандармов и жандармские полицейские управления были расформированы 13 апреля 1917 г. Имущество корпуса и архивы жандармских управлений передали Военному ведомству и Главному штабу. В исследуемом фонде последние записи в документах датированы декабрём 1916 г. Возникает логичный вопрос — куда «исчезли» документы Ишимского отделения за январь—март 1917 г.?

Комплексное изучение архивных источников может дать много новых знаний и интересных фактов исследователям, занимающимся изучением истории деятельности государственных учреждений дореволюционной России. Перспективным направлением изучения является организация участия местных жандармских отделений в политическом розыске, сборе информации революционных группировках и разработке механизма внедрения в них секретной агентуры, а также вопросы, связанные с организацией, проведением и контролем чинов железнодорожной жандармерии за культурно-массовыми мероприятиями, проводившимися на железнодорожных станциях.

Знание особенностей правовой регламентации и опыт, накопленный железнодорожной жандармерией в ходе борьбы с преступностью, в решении административных задач, проведении кадровой политики, в обеспечении взаимодействия с полицейскими учреждениями в целях поддержания общественного порядка и безопасности, имеет не только познавательное, но и практическое значение. Неоценимую помощь в этом контексте могут оказать обладающие существенным информационным потенциалом архивные фонды жандармских отделений и управлений. Сегодня проблемы охранительной и карательной политики государства на транспорте обострены до предела: кражи, захваты заложников, рэкет, террористические акты в аэропортах и вокзалах, в том числе и железнодорожных, стали частым явлением повседневной жизни. Существует настоятельная потребность в обеспечении

общественного порядка в сфере деятельности железнодорожного транспорта, поскольку преступления на транспорте представляют собой явление, связанное с особой угрозой государственной и социальной безопасности.

Примечания

¹ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. И-174. «Ишимское отделение Омского жандармского полицейского управления железных дорог».

² ГАТО. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.

³ Составлено по: Там же. Д. 13. Л. 48-55.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 13, 17, 20-20 об.

⁵ Составлено по: Там же. Д. 34. Л. 1-1 об.

⁶ См.: Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 214—215.

⁷ ГАТО. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 18. Л. 8-8 об.

⁸ См.: Курицын В.М. История полиции дореволюционной России: Сборник документов и материалов по истории государства и права. М., 1981. С. 43—44, 59, 61.

⁹ См., напр.: Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог, 1867—1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; История железнодорожного транспорта России. СПб., 1994. Т. 1. «1836—1917 гг.»; Киреев И.В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Скрипилев А.Е. Отдельный корпус жандармов в системе Министерства внутренних дел дореволюционной России. 1880—1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Храмцов А.Б. Информационные возможности документов архивного фонда Тюменского отделения Тобольского губернского жандармского управления // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Кол. моногр. Нижневартовск, 2010. Ч. 5. С. 154—171.

¹⁰ ГАТО. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 11. Л. 6-6 об., 9; Д. 23. Л. 1-1 об.

¹¹ См., напр.: Сборник новых законов и циркуляров. Справочная книга для чинов полиции и полицейских управлений / Сост. А.Н.Букуновский. Харьков, 1912; Систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до служебной деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов, по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям / Сост. В.И.Добряков. СПб., 1895; Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний / Сост. С.В.Савицкий. СПб., 1908.

¹² ГАТО. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 4. Л. 4-5, 7-8, 11-12, 14-15.

¹³ Там же. Д. 11. Л. 6-6 об.

¹⁴ Там же. Д. 28. Л. 20.

¹⁵ Там же. Д. 31. Л. 35-35 об.

¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 9. Л. 8; Д. 24. Л. 51.

¹⁸ Там же. Д. 18. Л. 71-71 об.; Д. 28. Л. 50 об.-51.

¹⁹ Там же. Д. 7. Л. 19-20; Д. 13. Л. 13; Д. 16. Л. 16; Д. 18. Л. 4, 12, 21, 54; Д. 24. Л. 7.

²⁰ Составлено по: Там же. Д. 10. Л. 61-62.

²¹ Там же. Л. 57.

²² Там же. Д. 25. Л. 16.

²³ Там же. Д. 22. Л. 5-5 об., 16.

²⁴ Там же. Д. 9. Л. 1-1 об.

²⁵ Там же. Д. 34. Л. 104.

²⁶ Комаров Владимир Дмитриевич (1866—1943) в 1885 г. из 1-го кадетского корпуса поступил на службу рядовым юнкером в 1-е военное Павловское училище. По окончании полного курса наук произведен в подпоручики в 5-й стрелковый батальон. В 1900 г. — поручик Варшавского крепостного пехотного полка, переведен в Отдельный корпус жандармов. Ротмистр. С 1908 г. — адъютант ЖПУ Уссурийской железной дороги, в 1910 г. — подполковник, начальник Ишимского отдела ЖПУ Сибирской железной дороги, затем Ялуторовского отдела Омского ЖПУ железной дороги. После 1917 г. жил на хуторе под Ишимом, занимался сельским хозяйством. Жена — Наталия Васильевна Бейлад, дочь губернского секретаря, душевнобольная, умерла 15 февраля 1920 г. в Ишиме. В январе 1924 г. был арестован и осужден «по доносу», освобожден в декабре 1925 г. «по ходатайству рабочих и служащих ж.д. станции Ишим». В 1930-е гг. перебрался в Минусинск, где работал пианистом в кинотеатре, затем в Абакан, где продолжал работать пианистом в драмтеатре и в доме культуры. В последние годы был художником-любителем. (См.: Справочник главного управления отдельного корпуса жандармов о сети жандармских управлений в губерниях, областях, городах России, их штата, личном составе на 1916 год. Пг., 1916. С. 420; РАН. Архив акад. В.Л.Комарова. Оп. 4. Д. № 0758 (письма В.Д.Комарова В.Л.Комарову).

²⁷ ГАТО. Ф. И-174. Оп. 1. Д. 24. Л. 11, 20, 24, 30.

²⁸ Там же. Д. 24. Л. 38-38 об.; Д. 26. Л. 93.

²⁹ Там же. Д. 17. Л. 11; Д. 22. Л. 7-7 об.

³⁰ Составлено по: Там же. Д. 16. Л. 11, 13, 96, 109-109 об., 189-189 об., 224; Д. 22. Л. 17-17 об., 66, 127.

³¹ Там же. Д. 23. Л. 162-163.

³² Там же. Д. 11. Л. 1, 2, 7, 14.

³³ Там же. Д. 11. Л. 10-10 об.

³⁴ Там же. Д. 19. Л. 38-39.

³⁵ Там же. Д. 34. Л. 129-130 об.

³⁶ Там же. Д. 26. Л. 6-6 об.; Д. 34. Л. 19-19 об.

³⁷ Там же. Д. 14. Л. 5, 10 об.

³⁸ Там же. Д. 7. Л. 19 об.

³⁹ Там же. Д. 26. Л. 35-36 об.

⁴⁰ Там же. Д. 19. Л. 42-43 об.

⁴¹ Там же. Д. 12. Л. 29-29 об.

⁴² Там же. Д. 7. Л. 56-56 об., 58, 65-65 об.

⁴³ Там же. Д. 12. Л. 31.

⁴⁴ Составлено по: Там же. Д. 34. Л. 40-55.

⁴⁵ Составлено по: Там же. Д. 28. Л. 83-90.

Глава 7

ИСТОЧНИКИ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (На материалах Ханты-Мансийского автономного округа)

Важнейшим условием всестороннего исследования аграрной истории Югры является формирование адекватной источниковой базы, позволяющей осветить разные стороны данного явления. Сложность объекта изучения влияет на необходимость привлечения разнообразных источников. В данной главе предпринимается попытка рассмотреть лишь некоторые группы источников, изученных автором, не претендуя на исчерпывающую их характеристику.

Первая группа — это многие виды документов партийных и советских органов власти всех уровней: резолюции, решения, постановления, положения и т.д. В них разрабатывались и реализовывались планы развития сельскохозяйственного производства. Документы органов власти подразделяются на документы центральных, областных, окружных и районных структур. Они различаются как по содержанию, так и по целям создания. Изучая материалы центральных органов власти, мы получили информацию об основных мероприятиях в сфере сельскохозяйственного производства, его направлениях, прогнозируемых и реальных результатах. Документы местных органов партийной и советской власти позволяют охарактеризовать конкретные условия, проблемы и сложности развития сельского хозяйства на региональном уровне и варианты, особенности их разрешения. Документы органов власти окружного и районного уровней представляют особый интерес, так как позволяют исследовать конкретную ситуацию по всем вопросам истории военного сельского хозяйства. К их числу относятся докладные записки, протоколы различных заседаний, резолюции, постановления и решения, а также акты проверок и т.п. В этой группе источников особо ценными являются документы низовых советов. Особое место среди организационно-распорядительной документации занимают документы отчетного характера, которые, в отличие от докладных записок и информационных писем, имеют аналитически производный

характер, то есть являются вторичными документами, содержащими обобщения и выводы по различным вопросам сельскохозяйственного производства.

В указанной группе важнейший сегмент источников по изучению аграрной истории представляют делопроизводственные материалы СНК СССР и КПСС, опубликованные в сборнике «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам»¹. В третьем томе (1941—1952 гг.) представлена распорядительная документация периода Великой Отечественной войны: решения, резолюции, приказы, инструкции, письма.

Один из первых документов военного времени — Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г. «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии»². Планом 1942 г. предусматривалась общая площадь посевов под урожай по указанным районам в размере 62 706 тыс. га, в том числе в колхозах — 53 927 тыс. га³.

Ухудшение положения с продовольствием заставило руководство страны пойти на увеличение доли подсобных хозяйств в снабжении населения. 7 апреля 1942 г. вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих». Постановление предписывало:

1. организацию подсобных хозяйств всеми организациями;
2. при отсутствии свободных земель производить временно посевы на неиспользованных землях колхозов;
3. подсобные хозяйства привлекаются к обязательным поставкам государству сельхозпродуктов;
4. размер приусадебного участка для рабочих, служащих и эвакуированных устанавливался 0,15 га; они также привлекались к обязательным поставкам государству картофеля⁴.

Следовательно, Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. содержало решение о выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих в целях широкого развития подсобного сельского хозяйства⁵.

28 июля 1942 г. ЦК ВКП(б) опубликовал письмо «Секретарям райкомов партии, начальникам политотделов МТС и совхозов и редакторам краевых, областных и районных газет», в котором

со ссылкой на Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 11 июля 1942 г. указывалось на недопустимость повторения прошлогодних ошибок, связанных с потерями урожая. Анализировались ситуации, при которых возможны потери. В письме ЦК ВКП(б) обязал райкомы партии и политотделы организовать и провести уборку в колхозах и совхозах так, чтобы были исключены потери урожая и рекомендовал провести следующие мероприятия:

«1. Не допускать перестоя и осыпания зерна на корню.

2. Полностью использовать период восковой спелости хлебов для косовицы простыми машинами и для уборки вручную, чтобы уменьшить объем уборки в период полной спелости хлебов и тем избежать осыпания зерна.

3. Не допускать уборки хлебов комбайнами на высоком срезе, при котором на полях остается много потерянных колосьев.

4. Организовать тщательное сгребание колосьев конными и ручными граблями вслед за скашиванием хлебов комбайнами, укладкой снопов в копны и возкой копен с полей. Привлечь для работы по ручному сбору колосьев школьников младших классов, организовав их под руководством учителей в отряды по сбору колосьев».

В числе других мер предлагались: очистка зерна, просушивание, бережное отношение, наличие токов, строгий учет и охрана⁶.

9 января 1943 г. принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О подготовке трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад для МТС и совхозов». Чтобы справиться с сельскохозяйственными работами 1943 г., необходимо было организовать обучение новых кадров в связи с уходом в армию значительного количества квалифицированной рабочей силы. Констатировалось, что советские и партийные органы, Наркомзем и Наркомсовхоз СССР до сих пор не занялись понастоящему этой работой. СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждали о недопустимости повторения ситуации предыдущего года, когда комплектование курсов учащимися затягивалось, курсы не начинались вовремя, не были созданы необходимые условия. В постановлении содержались контрольные цифры по подготовке механизаторских кадров. До 15 января требовалось от обкомов довести установленные планы по подготовке кадров до районов.

Постановление содержало подробный перечень необходимых мер для обеспечения решения поставленной задачи: мобилизация молодежи не моложе 16 лет, создание комиссии по мобилизации, комплектация курсов, срок обучения 3 месяца, начисление по 1 трудоводно за 1 день обучения и др.⁷

Специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), посвященное развитию сельского хозяйства, появилось 18 марта 1943 г. Документ содержит вводную часть «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 г.», где отмечены успехи в развитии сельского хозяйства, перечислены области и республики, выполнившие госпланы сдачи государству сельхозпродуктов. Отмечена неудовлетворительная работа ряда областей, в том числе и Омской, по выполнению основных заданий 1942 г. В 1943 г. ставилась основная задача повысить урожайность и валовые сборы, улучшить качество работ.

Постановление имеет четыре раздела: I. «О плане сельскохозяйственных работ», II. «О подготовке колхозов, МТС и совхозов к весеннему севу», III. «Об агротехнических мероприятиях на весеннем севе 1943 г.», IV. «Об использовании залежей и перелогов вместо засоренных земель и правильном размещении посевов в восточных районах СССР».

В первом разделе представлены контрольные цифры по размерам посевов, изложены план проведения основных агротехнических мероприятий, планы урожайности. Обкомам предписывалось довести до районов и колхозов план по закладке и строительству теплиц, парников, задания по урожайности.

Во втором разделе содержится распоряжение о мероприятиях по подготовке к севу: «в 10-дневный срок составить производственные планы, в тот же срок сформировать производственные бригады и звенья; закрепить за ними производственные участки; организовать соцсоревнование; себестоимость тракторных работ; оплата труда трактористам; право привлекать к сельхозработам в обязательном порядке все трудоспособное население, включая подростков с 14 лет; норма выработки на 1 лошадь на период весенних полевых работ, условия использования коров; обеспечение семенами, использование органических удобрений и золы; севообороты и др.».

Третий раздел содержит подробные рекомендации о проведении агротехнических мероприятий: «очистка полей перед пахотой, раннее боронование зяби, план весенне-полевых работ, особенности агротехнических работ по различным культурам».

В четвертом разделе указано, что размер всей посевной площади должен быть сохранен на уровне плана 1943 г. Предписывается до 10 апреля установить размеры залежных и переложных земель, которые должны быть вовлечены в обработку в 1943 г. и отдельно в 1944 г.⁸

13 апреля 1943 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности». В документе отмечен рост поголовья скота за 1942 г., кроме свиней, поголовье которых сократилось на 2%. Отмечалось, что план по сдаче государству мяса выполнен на 49% по сравнению с 1941 г. Со ссылкой на постановление от 11 марта 1942 г. «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах» отмечено, что ряд областей неудовлетворительно выполнили указанное распоряжение. В документе содержатся контрольные цифры о росте поголовья скота в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах, о заготовке кормов, планы по птицеводству и восстановлению животноводства в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов⁹; а также сведения о помощи колхозникам в обзаведении скотом¹⁰.

18 февраля 1944 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства», в котором подчеркивалась важность снабжения сельского хозяйства тракторами и в этой связи устанавливались планы производства тракторов: на 1944 г. — 5,5 тыс. штук, в 1945 г. — 27 тыс. штук. Тракторы производились на Алтайском (СХТЗ-НАТИ), Владимирском (УН-2), Липецком (Кировец-35) и Харьковском (Кировец-35) тракторных заводах. Больше всего должен был произвести Алтайский тракторный завод: в 1944 г. — 4,3 тыс., в 1945 г. — 10 тыс. штук¹¹.

19 февраля 1944 г. было издано постановление СНК СССР «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих

в 1944 г.», Этому хозяйственному объекту придавалось большое значение в снабжении населения продуктами питания. В постановлении указывалось на необходимость увеличения посевов в индивидуальных и коллективных огородах не менее чем на 20%. Предлагался перечень необходимых мероприятий для обеспечения поставленной задачи, охватывавший органы власти всех уровней. Облисполкомы должны были представить отчеты о проделанной работе по индивидуальному и коллективному огородничеству к 15 июня — по итогам весенних работ, к 15 ноября — по итогам уборки урожая¹².

Постановление СНК СССР «О развитии сельской электрификации» от 8 февраля 1945 г. предусматривало введение в эксплуатацию во втором квартале 1945 г. 52 малых гидроэлектростанций и 71 мелкой тепловой электростанции¹³.

Таким образом, материалы указанного сборника документов позволяют проследить последовательность реализации аграрной политики партии и правительства в годы войны.

Распорядительная документация высших органов власти породила на уровне областей и округов соответствующие постановления о принятии мер в соответствии с вышестоящими решениями. Эти документы сосредоточены в государственных архивах Омской и Тюменской областей, а также Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Одним из базовых фондов ГАХМАО является Ф. 1. «Ханты-Мансийский окрисполком».

В фонде содержатся указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР, РФ, СНК, а также документы Омского облисполкома (1942—1944 гг.): постановления, решения, графики производственных заданий и Тюменского облисполкома (1945 г.) (решения облисполкома); партийных органов (Омского обкома и Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)): постановления и решения по вопросам развития сельского хозяйства.

Так, в соответствии с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г. «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии»¹⁴ спустя 10 дней было принято постановление Омского обкома и облисполкома от 26 августа 1942 г. «О развитии сельского хозяйства и местной

промышленности в районах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов». Планировалось в Югре освоить новых земель: в 1942 г. — 5 800 га, 1943 г. — 7 000 га, 1944 г. — 10 000 га; посевные площади расширить: в 1943 г. — 19 000 га, 1944 г. — 25 600 га, 1945 г. — 35 000 га¹⁵.

Например, в соответствии с постановлением бюро Омского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета от 16 сентября 1941 г. Ханты-Мансийский окрисполком утвердил военно-хозяйственный план расширения посевных площадей по колхозам округа на 1942 г. в размере 14 680 га¹⁶. Затем бюро Омского обкома ВКП(б) пересмотрело план в сторону его увеличения и Постановлением от 23 марта 1942 г. представило план развития земледелия в Ханты-Мансийском национальном округе¹⁷.

Большое внимание уделялось расширению посевов картофеля. Проблема обеспечения семенным материалом заставила искать способы его получения. Омский обком ВКП(б) и Омский облисполком 29 октября 1941 г. приняли постановление «О мероприятиях по получению дополнительных источников семенного материала картофеля». Постановление доводилось до всех административных единиц области. ХМНО не стал исключением. 17 ноября вопрос был заслушан на объединенном заседании окрисполкома и бюро ОК ВКП(б), а протокол заседания окрисполкома № 36 от 29 ноября 1941 г. вновь отразил рассмотрение вопроса «О мероприятиях по получению дополнительных источников семенного материала картофеля». Окрисполком принял следующее решение: «Постановление обкома ВКП(б) и облисполкома от 29 октября 1941 г. “О мероприятиях по получению дополнительных источников семенного материала картофеля” принять к руководству и неуклонному исполнению»¹⁸.

В решении Омского облисполкома от 21 марта 1942 г. содержались указания о необходимости развития парникового и тепличного хозяйства в округе¹⁹. 28 июня 1942 г. бюро Омского обкома ВКП(б) и Омского областного совета приняли постановление «О проведении озимого сева в 1942 г.». На основе данного документа 7 августа Ханты-Мансийским окрисполкомом было принято специальное решение. Сев планировалось окончить к 15 августа²⁰.

18 марта 1943 г. принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 г.». Омская область не значилась в числе передовых²¹. Более того, она находилась в числе областей, неудовлетворительно выполнивших задания по сельскому хозяйству в 1942 г. В плане сельхозработ вновь делалась ставка на расширение посевов. В документе приводился перечень необходимых мероприятий по подготовке к весеннему севу. Решения Омского облисполкома на 1943 г. предписывали следующие сельскохозяйственные планы для колхозов округа: яровой сев — 11 тыс. га, озимый — 5 тыс. га, технические культуры — 300 га, картофель — 2 200 га, овощи — 250 га, кормовые культуры — 200 га; кроме этого предписывался план для единоличников — 35 га и приусадебных хозяйств колхозников — 1 500 га. План посевов разрабатывался и для других учреждений: детдома и интернаты — 20 га, детсады — 22 га, пришкольные участки — 1 092 га, лечебные учреждения — 93,6 га²².

Как известно, органы советской власти регулярно рассматривали вопросы уборочной страды на своих заседаниях (центр—область—район). На заседании Ханты-Мансийского окрисполкома от 22 августа 1941 г. шло изучение постановления исполкома Омского областного совета депутатов трудящихся и бюро Обкома ВКП(б) от 2 августа 1941 г. «О проведении уборки урожая и заготовки сельскохозяйственных продуктов в колхозах и совхозах», согласно которому было принято следующее решение: постановление принять к руководству и немедленному исполнению, разработать конкретные мероприятия для каждого колхоза, утвердить график проведения уборки урожая в районах округа и каждом колхозе²³.

В докладе Ханты-Мансийского окрисполкома «Итоги сельскохозяйственного 1943 г. и задачи по подготовке и проведению весеннего сева 1944 г.» отмечались недостатки в проведении посевных кампаний, в их числе — низкий агротехнический уровень. «Большинство колхозов производили посевы озимых хлебов по хлебу. Не выдержаны сроки посевов» — отмечалось в указанном документе²⁴. Во многих колхозах отсутствовал паровой клин. Следовательно, правильного севооборота в округе не наблюдалось. Новые земли осваивались без какого-либо изучения, без предварительной подготовки и выбора под конкретные культуры²⁵. План

развития земледелия на 1945 г. отражен в решении Ханты-Мансийского окрисполкома от 13 марта 1945 г., он разрабатывался в соответствии с постановлением Тюменского обкома ВКП(б) и облисполкома, принятым 6 марта 1945 г.

Таким образом, основной массив документов областных и окружных органов власти полностью дублировался в соответствии с вышестоящими решениями.

Вторую группу источников составляет сельскохозяйственная статистика²⁶, позволяющая выявить динамику сельскохозяйственного производства. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа хранит 58 фондов, связанных с сельскохозяйственным профилем. Это документы колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, окружного и районных органов управления сельским хозяйством. Нами просмотрены и изучены дела 25 фондов, касающиеся всего комплекса сельскохозяйственных проблем 1941—1945 гг.

Наибольший интерес для исследователя представляют протоколы исполкома Ханты-Мансийского окрсвета (1941—1945 гг.) — Ф. 1. Большой комплекс документов, к примеру, сосредоточен в Д. 191 «Документы о подготовке 10-летнего юбилея округа». Здесь содержатся источники различных видов, в интегрированной форме дающие важнейшую информацию о результатах социально-экономического развития округа за предыдущее десятилетие, позволяющие получить сведения о динамике развития аграрной сферы в 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны²⁷.

Фонд содержит разнообразную информацию о положении сельского хозяйства в округе в годы войны, его проблемах и путях их решения. В годы войны шел дальнейший процесс разукрупнения Березовского, Сургутского, Кондинского, Самаровского районов. В связи с изменением административных границ актуальными становились вопросы землеустройства. В фонде содержатся документы по распределению угодий между советами в районах округа, лесном и сельском хозяйстве и т.д. Окрисполком осуществлял работу по подготовке кадров для сельского хозяйства, актуальность этого вопроса не снижалась на протяжении всего военного периода. Изученные документы указанного фонда позволяют представить общую картину состояния сельского хозяйства округа периода войны. Удалось получить довольно полное

представление о структуре аграрного производства и его масштабах, о мерах государства по развитию сельского хозяйства в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) округе. Обнаружены сведения о конкретных производственных структурах (сельхозартелях, колхозах, подсобных и опытных хозяйствах на предприятиях), что дает возможность реконструировать аграрное прошлое края конкретно и образно.

Особенно ценные документы представлены в Ф. 43 «Ханты-Мансийский окружной земельно-промысловый отдел». Здесь представлены сведения о динамике роста пахотных земель в округе, документы о развитии животноводства, полеводства и огородничества, в том числе государственные планы и итоги переписи скота, посевы, сведения о подготовке кадров для сельского хозяйства, сведения по выполнению зооветеринарных мероприятий, падеже животных, списки ветеринарных кадров и специалистов сельского хозяйства, договоры о соцсоревновании, отчеты о ходе коллективизации в округе, основные показатели работы колхозов, нормы выработки по трудодням, сводные годовые и информационные отчеты, материалы по освоению новых земель, списки передовиков, сведения о ходе уборки,

Интересны документы Ф. 231 «Ханты-Мансийская сельскохозяйственная опытная станция», в котором содержатся не только документы о сельскохозяйственном производстве, но и обширные материалы о научных исследованиях в области растениеводства и животноводства. По словам начальника архивного отдела Управления по делам архивов ХМАО Л.В. Набоковой, впервые на государственное хранение документы Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции за 1938—1950 гг. поступили 24 мая 1954 г. На 1 января 2001 г. в фонде числились 393 единицы хранения, в основном управленческой документации: промфинпланы, штатные расписания, сметы расходов, годовые бухгалтерские отчеты, приказы по основной деятельности, переписка и частично — научные отчеты. Л.Набокова разъясняет, что в 2000-е гг. в связи с ухудшением условий ведомственного хранения документов были приняты в Государственный архив материалы научного архива и дела по личному составу станции в количестве более 1000 единиц хранения. По итогам переработки описей вновь были составлены 4 описи на 1819 единиц хранения в целом.

В отдельную опись выделены документы по научно-исследовательской работе, в их числе дневники наблюдений, журналы проведения опытов, научно-исследовательские работы, отчеты сотрудников по разработке научно-исследовательских тем. Документы фонда отражают становление, развитие, реорганизации научно-исследовательского учреждения. В числе документов содержатся разнообразные отчеты (научные, производственные), материалы к монографии о состоянии животноводства в округе, отчеты Березовского опорного пункта, доклады директоров Ханты-Мансийского, Кондинского и Березовского опорных пунктов, книги распоряжений указанных учреждений, производственно-финансовые планы Ханты-Мансийского опорного пункта, штатные расписания, отчеты, сметы, расчетно-платежные ведомости и другие виды документов.

Разнообразные документы представлены в фондах МТС. Например, Ф. 357 «Микояновская МТС» содержит годовые отчеты, сведения о тракторах, прицепном инвентаре, видах и объемах работ, аппарате станций, трудоднях и вознаграждениях сотрудников.

Интересные документы представлены в фондах сельскохозяйственных артелей: Ф. 187. «Колхоз им. Чкалова», Ф. 223. «Колхоз “Равнина”», Ф. 88. «Сельхозартель “Северный пахарь”». Всего просмотрено 9 фондов. Здесь сосредоточены документы о доходах и их распределении в колхозах, содержатся протоколы общих собраний и заседаний членов правления, колхозные земельные шнуровые книги, учет трудодней (написано на обертках рыбных консервов; обнаружены десятки таких документов).

Источники этой группы являются самыми информативными по содержанию, отражают различные стороны сельскохозяйственного производства.

Важную группу источников составляет эпистолярное наследие: воспоминания, письма, заявления, которые показывают историю через личное восприятие и переживание непосредственных участников событий тех лет. Среди опубликованных представляют интерес воспоминания участников трудового фронта Ханты-Мансийского района. Большинство из них в годы войны были подростками и работали наравне с взрослыми²⁸. Привлечение воспоминаний позволило получить яркие и образные картины из жизни сельского населения конца 1930-х — 1945 гг.

Материалы периодической печати²⁹ весьма существенно дополняют архивные источники. Их широкое использование служило дополнением происходящему, разумеется, с учетом критического анализа и сопоставления с другими источниками. В периодике прослеживается все многообразие событий и явлений тех лет. Среди периодических изданий важное место занимает окружная газета **«Остяко-Вогульская правда»**. 7 января 1941 г. газета стала называться **«Сталинская трибуна»** и являлась одновременно органом издания Самаровского РКП(б) и райисполкома. Газета содержит разнообразные материалы о состоянии сельского хозяйства. Особенно примечателен 1942 г., когда было, по подсчетам Н.Б.Патрикеева, напечатано 34 статьи специалистов и 184 селькоровских заметки по вопросам сельского хозяйства³⁰. Из районных периодических изданий использованы материалы газет Березовского, Кондинского и Ларьякского районов. **«Стахановец»** — орган Ларьякского районного комитета ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся Омской области. Первый номер вышел 4 сентября 1941 г. **«Сталинский путь»** — орган Кондинского районного комитета ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся Омской области. **«За большевистские колхозы»** — орган Березовского районного комитета ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся Омской области. В них помещались заметки пропагандистского содержания, сведения о темпах и объемах сельхозработ, заметки критического характера, а также публикации научных работников об агротехнике.

Указанные группы источников не охватывают, разумеется, всей имеющейся базы, и позволяют лишь заложить основы выполняемого исследования.

Примечания

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг.

² Там же. С. 44—48.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Там же. С. 71—72.

⁷ Там же. С. 86—88.

⁸ Там же. С. 97—115.

⁹ Позже, 21 августа 1943 г. было принято специальное постановление на этот счет: «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» // Там же. С. 131—169.

¹⁰ Там же. С. 121—130.

¹¹ Там же. С. 183.

¹² Там же. С. 183—190.

¹³ Там же. С. 224—229.

¹⁴ Там же. С. 44—48.

¹⁵ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 183.

¹⁶ Там же. Д. 198. Л. 92 об.

¹⁷ Там же. Д. 208. Л. 70-71.

¹⁸ Там же. Д. 199. Л. 78 об.-79.

¹⁹ Там же. Д. 208. Л. 58.

²⁰ Там же. Д. 210. Л. 67 об.

²¹ Решения партии... С. 97.

²² ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 49-67.

²³ Там же. Д. 198. Л. 88.

²⁴ Там же. Д. 236. Л. 37.

²⁵ Там же.

²⁶ Наш край: Хрестоматия по истории Тюменской области (1917—1970 гг.). Свердловск, 1973; Тюменская область в цифрах (1917—1975). Статистический сборник. Свердловск, 1975.

²⁷ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191.

²⁸ «Приближали как могли...». Участники трудового фронта Ханты-Мансийского района в годы Великой Отечественной войны. Шадринск, 2006.

²⁹ «Остяко-Вогульская правда» — орган издания окружного комитета ВКП (б). Первый номер вышел 7 июля 1931 г.; «Народное хозяйство Омской области» — орган издания областной плановой комиссии Управления народно-хозяйственного учета; «Омская область» — журнал Омского обкома ВКП (б) и облисполкома, и др.

³⁰ Патрикеев Н.Б., Баранов Н.Н. Окружная газета — летописец Югры (1931—2001). Ханты-Мансийск, 2001. С. 85.

Раздел II

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVII—XX СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX — ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В последние годы интерес профессионального научного сообщества гуманитариев к проблемам развития рыночных отношений и предпринимательства в Сибири резко возрос. В настоящее время имеется ряд исследований как фактического, так и теоретического характера, посвященных изучению истории сибирского торгово-промышленного предпринимательства. Вместе с тем в современной отечественной историографии отсутствуют обобщающие работы, рассматривающие процесс формирования и развития предпринимательской деятельности в аграрном секторе региональной экономики.

Следует отметить, что систематическое и комплексное изучение истории сельскохозяйственного предпринимательства началось лишь в 90-е гг. минувшего столетия. Этим обстоятельством во многом объясняется отсутствие на сегодняшний день специальных историографических работ, посвященных исследуемой теме. При этом, расширяя источниковую базу за счет не использованных ранее архивных документов, применяя новые методы исследования и опираясь на современные теории исторического развития, крайне важно, на наш взгляд, учитывать опыт и результаты работы предшествующих поколений отечественных исследователей.

В историографии сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири периода социально-экономических и политических трансформаций первых десятилетий XX в. условно можно выделить два уровня. Первый пласт научных публикаций представлен работами, в которых дана характеристика развития собственно предпринимательства в аграрной сфере указанного периода.

---

* Исследование выполнено за счет средств гранта Президента РФ (проект МК-3011.2009.6).

Второй уровень исследовательской литературы содержит суждения и оценки общеисторических, концептуальных проблем социально-экономического развития локального сообщества в конце XIX — первой четверти XX вв. При этом особо подчеркнем, что об историографии в общепринятом понимании можно говорить лишь в последнем случае, а работы первого уровня позволяют судить только об истории изучения вопроса.

На рубеже 80—90-х гг. XX в. начинается постсоветский (новейший) этап развития отечественной исторической науки. Демократизация советского общества, обусловленная перестройкой, политика гласности потребовали переосмысления теоретико-методологических основ исторического исследования и вызвали поиск новых подходов к интерпретации исторического прошлого, отказ от догматических стереотипов, монополии одной идеологии и методологии, понимание многомерности, вариативности и противоречивости исторического развития, обращение к общечеловеческим, гуманистическим ценностям.

Важным методологическим достижением новейшего периода отечественной историографии стал отказ от представлений о существовании универсальной иерархии факторов социальной жизни, жесткой детерминированности явлений духовного порядка материальными (производственными) отношениями, признание наличия особой динамики в развитии социальной сферы общества, взаимосвязанной со всеми остальными.

Марксистскую парадигму отличал принцип экономизма, который резко ограничивал социальную природу экономического человека (хозяйина). Это выражалось в том, что ее содержание, определявшее хозяйственное поведение экономического субъекта, во многом обуславливалось базисными социально-экономическими отношениями. Социальная природа экономического человека также ограничивалась слабым интересом «марксистско-ленинской методологии к формирувавшему хозяйственную субъективность микросоциальным и духовно-культурным (этическим, религиозным, экологическим и др.) надстроечным факторам»¹.

Такое понимание роли человеческой субъективности в жизни социума предопределило развитие в отечественной историографии постсоветского периода методологического направления, связанного с переосмыслением содержания и места социальной

субъективности в историческом процессе. Сегодня человек или социальная группа выступает уже не в качестве пассивного исполнителя объективных требований внешнего мира, а как творец исторического процесса².

В целом на протяжении последних десятилетий произошли радикальные изменения во всех сферах отечественной исторической науки. Подобная ситуация была вызвана расширением традиционных направлений исследований, появлением новых интересов познания и стратегий изучения в отношении истории. Антропологизация исторической науки, «лингвистический поворот», процесс конструирования междисциплинарных объектов определяют сегодня лицо новой отечественной историографии.

Необходимо отметить, что в новейший период развития российской исторической науки для профессионального сообщества историков, помимо методологических предпосылок, благоприятным фактором стало и снятие идеологических ограничений в использовании разнообразных по своему происхождению источников.

Не менее важным был и тот факт, что в науку стала активно входить «новая генерация» историков, получивших образование во время перестройки и в постсоветский период. Большинство ее представителей имело «достаточный иммунитет против коммунистической идеологии и свои выводы пыталось делать на основе источников, а не искало ответы на вопросы в цитатниках коммунистических вождей»³.

В то же время из-за снижения финансирования научных исследований резко сократились контакты профессиональных историков, что способствовало распаду их сообщества, снижению уровня профессионализма. Все это в совокупности, по мнению историка В. И. Шишкина, «породило проблемы, которые едва ли можно назвать только “болезнями роста”»⁴.

Тем не менее, богатое наследие аграрной сибирской историографии на исходе ее советского периода развития дало серьезный импульс и создало прочный базис для дальнейшего изучения проблем аграрно-капиталистического развития региона.

Первоначально сибирскими историками разрабатывались поставленные еще в 1980-е гг. актуальные вопросы, связанные с развитием производительных сил в аграрном секторе, проблемы земельных отношений, а также тематика, посвященная

функционированию сельскохозяйственного рынка⁵. Так, с использованием системного подхода роль и место сельского хозяйства в рыночном пространстве Сибири первых десятилетий XX в. изучали М.А.Винокуров и А.П.Суходолов⁶. Интересный и разнообразный фактический материал содержится в работах В.И.Пронина, посвященных включению сельского хозяйства края и местного регионального рынка в систему всероссийского рынка⁷. Сельскохозяйственное освоение и развитие Среднего Прииртышья в конце XIX — начале XX вв. изучал А.Д.Колесников⁸. Локальный подход позволил исследователю в деталях показать ситуацию в сельском хозяйстве региона. В целом количество обобщающих публикаций по истории сибирской деревни в этот период существенно сократилось⁹. Но имеющиеся работы вышеназванных авторов значительно расширяют наши научные представления об аграрной истории региона, в том числе об условиях формирования и развития сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири конца XIX — начала XX вв.

Со временем, под влиянием социокультурного подхода, в центре внимания аграрного сибиреведения оказались детерминирующие условия и факторы экономической эволюции западносибирской деревни. Сибирскими историками стали активно изучаться проблемы ментальности и адаптации основных социальных групп сибирского социума к изменяющимся условиям природной и социальной среды, демографические аспекты социокультурного и хозяйственного развития сельского сообщества, с применением системного подхода и другого методологического инструментария стали анализироваться крестьянские переселения в регион¹⁰. Особо отметим коллективный труд омских историков «Сибирское общество в условиях трансформации конца XIX — начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения», где были определены основные параметры идентичности отдельных социальных групп сибирского общества, выявлена специфика адаптации к меняющимся социокультурным реалиям, раскрыты особенности взаимодействия общества и власти в условиях модернизации рубежа XIX—XX вв.¹¹ Принципиально важным для авторов было включение истории сибирского общества в общероссийский контекст, рассмотрение региональных культурных практик в рамках общеимперского пространства.

Интенсивная научная разработка общей проблематики экономического развития сибирской деревни позволила современным исследователям прийти к выводу, что в начале XX столетия в сельской местности Сибири сложилась небольшая группа экономически влиятельных предпринимательских хозяйств, развивавшихся преимущественно по фермерскому пути. Ее основу составляли зажиточные хозяйства, в которые входило 2—4% всех дворов¹². В этом отношении очень показательны исследования П.Ф.Никулина, который рассматривает эволюцию экономического строя крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX столетия¹³. Томский историк указывает, что социально-экономическая модернизация экономического пространства региона способствовала формированию и развитию предпринимательской системы хозяйствования в аграрной сфере. Так, по мнению П.Ф.Никулина, предпринимательством в той или иной степени занимались до четверти сельских хозяев региона. Но при соответствующих социокультурных и экономических условиях только 2—3% от числа всех крестьянских хозяйств Сибири могли эволюционировать в предприятия чисто капиталистического, фермерского типа. При этом достаточный производственный потенциал, который был необходим для устойчивого ведения предпринимательских дел, имелся у 12—14% сельских хозяев Сибири¹⁴.

Дальнейшее развитие в новых условиях получило изучение проблем влияния Первой мировой войны на сельское хозяйство региона. С одной стороны, продолжалась дискуссия по этим вопросам, с другой — в литературе искажались точки зрения ряда авторов. В частности, Т.А.Кижаяева противопоставляет близкие между собой позиции В.Г.Тюкавкина, Н.Ф.Иванцовой и Л.М.Горюшкина на том основании, что якобы последний использовал данные о развитии производительных сил в годы войны для обоснования аграрной революции¹⁵. Примечательно, что современные авторы обращаются не только к анализу влияния войны непосредственно на сельское хозяйство (посевные площади, поголовье скота, товарность производства), промышленность или финансовую систему, но и к проблемам использования труда военнопленных в экономике региона, их положению в Сибири¹⁶.

Для современного этапа развития сибирской историографии характерен крен в сторону первоочередного исследования социально-политических аспектов аграрного развития¹⁷. В этом отношении заслуживает особого внимания изданная Институтом истории СО РАН коллективная монография «Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории»¹⁸. В данной работе освещаются проблемы осуществления в регионе столыпинской аграрной реформы, аграрной революции и ее влияния на крестьянский социум, вопросы сельскохозяйственного производства в 1917—1922 гг. и другие аспекты аграрных преобразований XX столетия. Важное место авторы монографии уделяют вопросам историографии и источниковедения анализируемых проблем.

Вместе с тем в изучаемый период появляются и обобщающие работы, специально посвященные развитию сельского хозяйства Сибири первых десятилетий прошлого века¹⁹.

Отказ от жестких методологических установок оказал положительное влияние на изучение такой традиционной для советской историографии темы, как аграрная политика антибольшевистских правительств в Сибири²⁰. В новейшей сибирской историографии имеется целый пласт исследований, посвященных данной проблеме²¹.

Отметим, что особенности экономической политики белых правительств, несмотря на важность их изучения для понимания закономерностей исхода Гражданской войны, до последнего времени оставались на периферии внимания историков. Наиболее подробно в отечественной историографии исследована аграрная политика контрреволюционных правительств Сибири. В действительности в структуре экономической деятельности аграрная политика по объективным причинам не занимала значительного места. Она имела для государственной власти периферийный характер по сравнению с задачами укрепления финансовой системы, восстановления работы промышленности и транспорта. Такая субординация, по мнению современного историка В.М.Рынокова, объяснялась особенностью земельных отношений в регионе — отсутствием помещичьего землевладения и наличием больших запасов свободных земель, что снижало остроту аграрных противоречий. «Тот факт, — указывает автор, — что исследование

аграрной политики контрреволюционных правительств Сибири всегда было приоритетным направлением, не отражает ее реального значения и является следствием традиционно высокого внимания историков к аграрной проблематике»²².

В современной литературе историки, рассматривая в целом экономическую политику белых правительств Сибири, пересмотрели устоявшиеся оценки ее аграрной составляющей. И заслуга в этом принадлежит прежде всего С.В.Расторгуеву, Ю.Г.Лончакову и особенно В.М.Рынкову²³. Работы В.М.Рыנקова нам интересны и тем, что в них дана подробная характеристика политики в отношении частных владельцев земли, приведены сведения о положении сельских предпринимательских хозяйств региона во второй половине 1918—1919 гг.

Характеризуя направление исследовательской деятельности в 90-е гг. XX в., необходимо отметить, что на фоне развивающегося интереса к рыночной экономике в профессиональном сообществе историков стал заметен интерес к проблемам формирования и развития сибирского предпринимательства. В сибирской историографии к этому времени имелись существенные достижения в изучении истории российского и иностранного монополистического капитала региона, но дальнейшего исследования требовали вопросы предпринимательской деятельности местной буржуазии в отдельных отраслях экономики.

На современном этапе развития исторического сибиреведения решались актуальные проблемы переосмысления целого ряда научных понятий и категорий, без которых невозможно было объективно понять социальный феномен предпринимательства и логику поведения предпринимателей. Изучению подверглись также объективные и субъективные факторы развития сибирского предпринимательства. При этом следует особо отметить, что историческая наука Сибири, в отличие от других регионов имевшая в своем активе значительные достижения советского периода по изучению истории буржуазии, быстро стала в общероссийском масштабе лидером по изучению истории предпринимательства. В 1990-е гг. проходит ряд конференций, издаются сборники статей, выходят монографические работы, учебные пособия по данной проблематике²⁴.

Крупнейшим центром изучения буржуазии, купечества, предпринимательства дореволюционной Сибири, по оценке известного сибиреоведа В.П.Зиновьева, становится в эти годы Барнаул²⁵. Здесь под руководством профессора В.А.Скубневского сложилась научная школа, занимающаяся разработкой данных вопросов²⁶. Так, в 1993 г. в Барнауле вышла книга «Предпринимательство на Алтае. XVIII в. — 1920-е годы», в которой были опубликованы статьи и документы по истории сибирского предпринимательства. В следующем году здесь же прошла региональная конференция «Предпринимательство в Сибири», а в последующие годы (1995, 1997 и 2001) издано еще 3 выпуска тематического сборника статей «Предприниматели и предпринимательство в Сибири», в которых было опубликовано 43 статьи²⁷. В 2006 г. на базе Алтайского государственного университета был создан Центр экономической истории и организованы две Всероссийские научные конференции по экономической истории Сибири (2006, 2009)²⁸.

Из работ этого периода, касающихся проблем предпринимательства в Сибири, следует указать исследования А.В.Старцева, Ю.М.Гончарова, Л.М.Горюшкина, В.А.Ламина, Д.Я.Резуна, Ю.М.Беспаловой²⁹. Так, в статье «История российского предпринимательства: проблемы теории и методологии» А.В.Старцев высказал ряд важных суждений о подходах к исследованию феномена предпринимательства. В частности, он отметил необходимость использования междисциплинарного подхода, учета наработок многих гуманитарных наук³⁰. В соавторстве с Ю.М.Гончаровым им было подготовлено учебное пособие, где исследовались основные сферы сибирского предпринимательства, источники формирования, численность, состав предпринимателей, их социальный облик и менталитет³¹.

С новых для отечественной историографии позиций была рассмотрена история западносибирского предпринимательства Ю.М.Беспаловой, так как ей удалось в своих работах показать его социально-психологический облик. Автор детально изучил и применил на практике труды теоретиков предпринимательства. Однако в работах Ю.М.Беспаловой недостаточно использованы документальные материалы, прежде всего архивные источники, что приводит к идеализации предпринимателей, схематизму в изложении основных черт сибирского предпринимательства.

В Новосибирске в середине — второй половине 1990-х гг. была опубликована многотомная энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири, созданная большим коллективом ученых под редакцией Д.Я.Резуна³². Ценность этой энциклопедии, в работе над которой принимали участие ведущие сибирские историки, заключается в том, что стали широко известны имена многих сибирских предпринимателей. Развитие региональной экономики было персонифицировано, обрело свое «человеческое лицо». В этом издании помещены краткие, но информационно насыщенные статьи о многих купцах и предпринимательских династиях Западной Сибири, показана их роль в хозяйственной и общественной жизни региона. Аналогичное справочное издание, подготовленное В.А.Скубневским, А.В.Старцевым и Ю.М.Гончаровым, вышло и в Барнауле³³. В ряде статей данной энциклопедии показано влияние на психологию и менталитет алтайских предпринимателей окружающей их социальной среды, содержатся оценки их вклада в общественную и культурную жизнь региона, подробно говорится о меценатстве и благотворительности.

Названные исследователи сосредоточили свое внимание главным образом на изучении промышленного и торгового предпринимательства, предпосылках, условиях и этапах его развития. Они обратили внимание и на проблему сельскохозяйственного предпринимательства, описав условия его возникновения. В то же время соответствующие сюжеты носят по преимуществу описательный характер. Ряд вопросов (отраслевая структура предпринимательских хозяйств, хозяйственная деятельность сельских предпринимателей) не получили должного освещения.

В начале 2000-х гг. появились монографии Т.К.Щегловой, Н.М.Дмитриенко, В.П.Бойко, посвященные истории развития предпринимательства в регионе, где рассматривались как социально-экономические, так и социокультурные аспекты проблемы³⁴. В исследовании Е.В.Карих анализируются межэтническое разделение труда и особенности взаимодействия этносов в различных хозяйственно-климатических зонах Западной Сибири во время ее хозяйственного освоения в XIX — начале XX вв.³⁵ Автором приводятся интересные факты функционирования торгово-промышленного и отчасти сельскохозяйственного предпринимательства в регионе.

Особый интерес представляет сборник «Деловая элита старой Сибири: исторические очерки» (Новосибирск, 2005), где имеются подробные характеристики деятельности крупнейших торговцев и промышленников Томска, Барнаула, Новониколаевска, Бийска, Каинска и других городов Томской губернии. Статьи данного сборника отличаются квалифицированным подбором фактов, продуманным изложением материала и объективной оценкой деятельности сибирских предпринимателей³⁶.

В 2000-е гг. важную роль в изучении проблем социально-экономического развития региона, истории сибирского предпринимательства второй половины XIX — первых десятилетий XX вв. стал играть Омск, где также сложился научный центр исследования данных проблем. Омскими историками рассматривались различные аспекты развития отдельных отраслей торговли и промышленности Западной Сибири, правовое положение и социальный статус предпринимателей, формирование этнического предпринимательства, участие представителей «делового мира» в общественной жизни, благотворительности и меценатстве. Своеобразным итогом изучения данных вопросов стало издание серии тематических сборников и организация всероссийских научно-практических конференций «Предпринимательство как социально-экономический феномен в истории России» (2008, 2010)³⁷.

Общей тенденцией последних лет является организация представительных международных и всероссийских научных форумов. Кроме указанных выше конференций по истории предпринимательства, проходивших в Барнауле и Омске, следует отметить и томскую конференцию 2009 г. «Хозяйственное освоение Сибири в XVII—XX вв.: источники, историография, дискуссионные проблемы». В докладах ученых, выступивших на этой конференции, рассматривались как общие вопросы хозяйственной эволюции Сибири, ее закономерности и особенности, так и более частные проблемы изучения истории западносибирского предпринимательства³⁸.

В итоге сибирскими историками в разнообразных научных публикациях были освещены отдельные сферы социально-экономической жизни Западной Сибири изучаемого периода и формирование в них предпринимательского сообщества. К числу таких исследований, помимо отмеченных нами выше, следует

также отнести работы О.Н.Катионова, А.М.Мариупольского, В.Н.Разгона, А.В.Старцева, Ю.М.Гончарова, В.А.Скубневского, В.П.Зиновьева, Е.А.Носовой, А.Г.Киселева, Г.М.Запороженко, Е.В.Демчик и др.³⁹ Написанные в последние годы, они отличаются современным подходом к рассматриваемым фактам и событиям, их авторы используют новейшие разработки отечественных и зарубежных историков в отборе и интерпретации изучаемого материала. Это позволяет нам более полно и точно показать те условия, в которых происходило формирование и развитие предпринимательской деятельности в различных отраслях хозяйства.

История сибирского предпринимательства периода Гражданской войны не принадлежит к числу проблем, привлекавших пристальное внимание отечественных историков. Это замечание имеет прямое отношение и к исследованию истории российской деловой буржуазии после 1917 г. Но несмотря на это в отечественной историографии найдется немалое количество трудов, достойных внимательного рассмотрения при исследовании заявленной темы.

Отметим, что важной особенностью изучения истории отечественной буржуазии в XX в. стал повышенный интерес в советской историографии к положению торгово-промышленного класса при самодержавии и в революционный период 1917 г., а в постсоветское время — к проблемам бывших представителей делового мира России в эмиграции. При этом тема российского предпринимательства в годы Гражданской войны оказалась малоисследованной.

Среди работ недавнего времени, в которых затрагиваются отдельные аспекты истории предпринимательства в переломный период, следует выделить исследование М.К.Шацилло⁴⁰. В монографии делается акцент на деятельности крупных российских торгово-промышленных представительных организаций после Октября 1917 г. Особое внимание автор уделяет проблеме сотрудничества представителей деловых кругов и антибольшевистских правительств на востоке России в кризисный период 1918—1920 гг.

М.К.Шацилло последовательно излагает события экономической политики советской власти и контрреволюционных правительств, мотивирует принятие судьбоносных для российских деловых кругов решений. В то же время он изучает только

торгово-промышленное предпринимательство, включая и его региональные группы. Сибирское сельскохозяйственное предпринимательство в работе не рассматривалось, но автор и не ставил перед собой такой цели⁴¹.

Стоит особо подчеркнуть, что на данном этапе развития отечественной историографии наблюдается смещение центра внимания в исследовании революций в России. Под влиянием гуманизации знания, распространения новых методологических подходов весьма актуальными стали вопросы массовой психологии населения в годы революции. В последнее время появляются работы, посвященные изучению этого вопроса, где авторы в основном уделяют внимание общественным настроениям в период революционных событий 1917—1920 гг. в общероссийском масштабе⁴².

На рубеже XX—XXI вв. в историографии социально-экономического развития Сибири появились работы, непосредственно посвященные изучению отдельных аспектов истории сельскохозяйственного предпринимательства. К ним относятся научные публикации Н.В.Иванченко, В.Н.Разгона, Д.В.Колдакова, К.А.Пожарской, А.А.Храмкова, А.Н.Клычникова, И.И.Кротта⁴³. Отдавая должное этим первым опытам исследования регионального сельскохозяйственного предпринимательства, нельзя вместе с тем не отметить, что в указанных работах барнаульских и омских историков имеется аналитический и фактический материал только по некоторым хозяйствам, которые можно отнести к хозяйствам предпринимательского типа. Следует отметить, что авторы этих исследований успешно использовали статистические источники для характеристики социально-экономических процессов в хозяйствах сельских предпринимателей.

В работах более позднего периода И.И.Кротт рассмотрел разнообразные аспекты из истории формирования и развития сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.⁴⁴ Кроме того, в последнее время в фокусе особого внимания автора находились поведенческие стратегии и практики сельских предпринимателей в условиях трансформации сибирского общества (1914—1920-е гг.), а также аграрная политика антибольшевистских правительств Сибири в 1918—1919 гг.⁴⁵

Проблемы истории немецкого сельскохозяйственного предпринимательства в дореволюционный период и годы Гражданской войны затрагиваются в статьях омских историков Е.Л.Зашибиной и А.Г.Киселева, П.П.Вибе, И.И.Кротта⁴⁶. Их интерес к этой теме не случаен. Ведь именно вокруг Омска возникла основная масса немецких фермерских хозяйств. В работах барнаульского историка В.Н.Шайдурова рассматриваются некоторые аспекты немецкого сельскохозяйственного предпринимательства на Алтае⁴⁷. Заслуживает особого внимания тщательный анализ указанными авторами хозяйственной деятельности крупных сельских хозяев — немцев, новая постановка вопроса о роли немецкого сельскохозяйственного предпринимательства в экономическом развитии Западной Сибири.

В последнее время в значительной мере возрос интерес к проблеме формирования и развития в локальном сибирском сообществе сельского купечества. В работах А.С.Каторгина рассматриваются историографические сюжеты данной проблемы, изучена численность сельского купечества и источники его пополнения, проанализированы факторы бурного роста данной категории сибирского купечества в дореволюционный период⁴⁸.

Влияние сельскохозяйственного предпринимательства в целом и сельского купечества в частности на материальную культуру в сибирской деревне в условиях модернизации проанализировано в научных статьях Т.К.Щегловой⁴⁹. Автор ставит проблему формирования новой производственно-жилищной инфраструктуры в сельской местности, рассматривает проникновение городских традиций в материальную и духовную культуру села.

Оценивая итоги изучения в отечественной историографии истории сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири конца XIX — первых десятилетий XX вв., необходимо отметить, что сибирскими историками накоплен достаточно разнообразный фактический материал, заметно расширяющий проблематику современных исследований по заявленной теме. Обращает на себя внимание детальное рассмотрение в научной литературе общих вопросов социально-экономического, социокультурного развития сибирской деревни. Более того, в сибиреведении имеются подробные отраслевые характеристики регионального хозяйства

изучаемого периода. К их числу относятся торговля, транспорт, обрабатывающая промышленность и др.

Сибирскими историками также освещены многие проблемы формирования и развития в регионе предпринимательских слоев. При изучении отдельных сфер социально-экономической жизни сибирской буржуазии главное внимание было направлено прежде всего на представителей крупного капитала. В результате значительная часть мелких и средних предпринимателей, среди которых были и те, кто оперировал в аграрном секторе региональной экономики, оставались вне поля зрения исследователей.

Таким образом, осуществленный нами анализ имеющейся по теме литературы свидетельствует о том, что предшествующими поколениями историков и современными исследователями заложена основательная база в виде собранного ими обширного фактического материала и сделанных ценных выводов, но в целом проблема истории сельскохозяйственного предпринимательства требует дальнейшего изучения.

При всем обилии публикаций по истории сибирского предпринимательства, прежде всего конца XIX — начала XX вв., вне сферы внимания представителей профессионального исторического сообщества остаются вопросы, связанные с характеристикой политических, социально-экономических и культурных условий функционирования сельскохозяйственного предпринимательства в годы революции и Гражданской войны.

Представляется, что дальнейшие усилия исследователей, занимающихся изучением истории предпринимательства в аграрной сфере, должны быть направлены на решение именно этих проблем (с максимальной опорой на ключевые источники по теме исследования и использованием всех имеющихся методов и приемов современной исторической науки).

В связи с вышеизложенным необходимо еще раз обратить внимание на отсутствие исчерпывающей исследовательской практики, где на прочном фундаменте исторического анализа, на базе новейших подходов, выработанных социальной историей, было бы создано целостное представление об этой сложной проблематике.

Примечания

¹ Подробнее см.: Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / Под ред. В.П.Зиновьева. Томск, 2009. С. 75—76.

² Подробнее см.: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Часть I) // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 11—52; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004; Методологические проблемы истории / Под общ. ред. В.Н.Сидорцова. Минск, 2006, и др.

³ Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Кол. моногр. / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2008. Ч. 3. С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ См.: Шадурский В.И. Народный опыт земледелия Зауралья в XVII — начале XX вв. Свердловск, 1991; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1993; Скубневский В.А. Маслоделие и маслоторговля на Алтае в конце XIX — начале XX вв. // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. — 1920-е годы. Барнаул, 1993. С. 77—92; Храмов А.А. Вывоз сельскохозяйственной продукции из Западной Сибири в начале XX в. // Предпринимательство в Сибири: Мат-лы науч. конф. Барнаул, 1994. С. 93—99; Он же. Земельная реформа в Сибири (1896—1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул, 1994; Чуркин К.А. Природа и крестьянство Сибири. Омск, 1995; Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX — начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001, и др.

⁶ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900—1928. Новосибирск, 1996; Суходолов А.П. Сибирь в начале XX века. Иркутск, 1996.

⁷ Пронин В.И. Дорожная сеть Сибири и ее влияние на развитие внутреннего рынка в период капитализма // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источниковедение. Томск, 1991. С. 136—154; Он же. Вывозная хлебная торговля в конце XIX — начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX — первой трети XX вв. Томск, 1994. С. 71—88; Он же. Хлебная торговля Сибири в конце XIX — начале XX вв. // «Сибирь — мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования: сб. науч. тр. / Под ред. В.А.Зверева. Новосибирск, 1999. С. 47—66; Он же. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897—1917 гг.). Новосибирск, 1999.

⁸ Колесников А.Д. Омская деревня на рубеже столетий. Омск, 1999; Он же. Омская пашня. Омск, 1999.

⁹ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890—1920-е гг.: Мат-лы к монографии. Новосибирск, 2007. С. 6.

¹⁰ Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX — начале XX вв.). Омск, 2001; Он же. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной

мобильности и адаптации. Омск, 2006; Когут М.Т. Отношение сибирских крестьян к земельной политике правительства как проявление ментальности российского крестьянства (1896—1917 гг.) // Проблемы историографии и истории: Сб. науч. ст. Омск, 2002. С. 124—139; Скобелев К.В. Природно-климатический фактор и менталитет сибирского крестьянства (1861—1917 гг.) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: Сб. ст. аспирантов ОмГПУ, ОмГТУ, СГПУ. Омск, 2002. С. 22—57; Он же. Формирование менталитета сибирского крестьянства в эпоху капитализма (1861—1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Ноздрин Г.А. Менталитет сибирского крестьянства в 1905—1914 гг. // Актуальные проблемы политической истории горного Алтая. Горно-Алтайск, 2004. С. 97—103; Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII — начало XX вв. М., 2002. Вып. 2; Она же. Адаптивные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск, 2005; Шиловский М.В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX — начале XX вв. // Сибирская деревня: проблемы истории: Сб. науч. тр. / Под ред. чл.-кор. РАН В.А.Лamina. Новосибирск, 2004. С. 66—74; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров. М., 2005; Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: историко-демографический анализ. Новосибирск, 1991. Он же. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск, 1993; Он же. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861—1917 гг.): Учеб. пособие. Новосибирск, 1998; Никулин П. Ф. Рыночный фактор в функционировании крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX века // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири XVIII—XX вв. Томск, 1994. С. 107—120; Давыденко Н.А. К изучению социокультурных факторов развития сибирского животноводства (конец XIX — начало XX вв.) // «Сибирь — мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования: Сб. науч. тр. / Под ред. В.А.Зверева. Новосибирск, 1999. С. 105—117; Она же. Трудовые традиции сибирского крестьянства в животноводстве (вторая половина XIX — начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 15—16; Баллок Н.А. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI — начало XX вв.). Тюмень, 2002; Она же. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX вв. Тюмень, 2003; Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1890-х — начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33—76; Ноздрин Г.А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. // Русский этнос Сибири в XX веке. Новосибирск, 2004. С. 90—113, и др.

¹¹ Сибирское общество в условиях трансформации конца XIX — начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения: Кол. моногр. / Под ред. Т.А.Сабуровой. Омск, 2009.

¹² Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири... С. 87.

¹³ Никулин П.Ф. О социально-экономической природе аренды в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX века // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX — первой трети XX вв. Томск, 1994. С. 114—130; Он же. Рыночный фактор в функционировании крестьянского хозяйства Западной Сибири в начале XX века // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири XVIII—XX вв. Томск, 1994. С. 107—120; Он же. Место наемного труда в системе крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века // Вопросы экономической истории России XVIII—XX вв. Томск, 1996. С. 136—153; Он же. Взаимодействие социальных и хозяйственных типов культур в крестьянском хозяйстве Западной Сибири в начале XX века // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 242—245; Он же. Социально-экономическая природа наемного труда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX столетия // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 319. С. 84—91; Он же. Экономическая природа и модернизация крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Культура народов Сибири. Новосибирск, 2009. № 3. С. 91—93, и др.

¹⁴ Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири... С. 327—328.

¹⁵ Подробнее см.: Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890—1920-е гг. ... С 9—10; Кижяева Т.А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 5, 6.

¹⁶ Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 гг.; Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999; Она же. Трудовые ресурсы как фактор стабилизации экономического развития сельского хозяйства Зауралья в годы Первой мировой войны // Тюменский исторический сборник / Отв. ред. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2002. Вып. 5. С. 108—114; Меньщиков В.Н. Социально-экономическое развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны (1914—1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001; Рынков В.М. Налогообложение сибирского крестьянства в период войн и революционных потрясений (1914—1919 гг.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890—1920-е гг.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 48—77; Он же. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914—1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890—1920-е гг.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 78—97; Он же. Рынок сельскохозяйственной продукции Сибири в годы Первой мировой войны: поведение покупателя и продавца // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII—XX вв. Бахрушинские чтения 2005 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 68—80; Он же. Сельскохозяйственный рынок Алтая в 1914—1916 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина: Сб. науч. тр. / Под ред. В.А.Скубневского и Ю.М.Гончарова. Барнаул, 2005. С. 95—97; Он же. Первый год Первой мировой войны — сельское хозяйство Томской губернии

во второй половине 1914 — первой половине 1915 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2006. Ч. 1. С. 253—256; Он же. Государственные заготовки сельскохозяйственной продукции в Сибири в 1914—1919 гг.: традиции и нововведения // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI—XXI вв.: Мат-лы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 258—259; Он же. Государственное регулирование аграрного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного и кооперативного съезда (2—12 января 1916 года) // Исторический ежегодник / Гл. ред. С.А.Красильников. Новосибирск, 2007. С. 88—102; Он же. Государство, кооперация и частные предприниматели: маслозаготовки в Сибири в 1914—1916 гг. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII — начала XX века: Сб. мат-лов регион. науч. конф. / Отв. ред. М.В.Шиловский. Новосибирск, 2007. С. 118—127; Еремин И.А., Кижаяева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.) // История Алтайского края. XVII—XX вв. Научные и документальные материалы. Барнаул, 2005. С. 225—237; Кижаяева Т.А. Коммерческие банки Алтая накануне и в годы Первой мировой войны // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века: Мат-лы II Всерос. науч. конф. / Под ред. Е.В.Демчик. Барнаул, 2009. С. 125—130; Она же. Влияние Первой мировой войны на кредитную кооперацию Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Седьмые науч. чтения памяти профессора А.П.Бородавкина: Сб. мат-лов науч. конф. / Отв. ред. В.А.Скубневский, Ю.М.Гончаров. Барнаул, 2009. С. 160—161; Еремин И.А. Состояние промышленности в годы Первой мировой войны // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века. С. 122—124; Шлейхер И.И. Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4. Ч. 1. С. 54—97; Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914—1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. Омск, 1996. С. 154—182; Он же. Германские и австрийские пленные в Сибири // История и этнография немцев Сибири / Сост. и науч. ред. П.П.Вибе. Омск, 2009. С. 140—156; Талапин А.Н. Об эволюции условий содержания иностранных военнопленных Первой мировой войны на территории Среднего Прииртышья // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII—XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2002. С. 135—148; Он же. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914—1917 гг. (По материалам Омского военного округа) // Омские исторические чтения. Омск, 2003. С. 130—134; Он же. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 — май 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в годы Первой мировой войны: трудности обеспечения трудовыми ресурсами // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр.: В 3 ч. Омск, 2010. Ч. 1. С. 195—200.

¹⁷ См., напр.: Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века...; Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М.Дамешек, А.В.Ремнев. М., 2007; Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII—XX вв. / Отв. ред. М.В.Шиловский. Новосибирск, 2009.

¹⁸ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / Отв. ред. В.А.Ильиных. Новосибирск, 2008.

¹⁹ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890—1920-е гг. ...

²⁰ Подробно современную отечественную историографию Белого движения в Сибири см.: К вопросу об изучении Белого движения в Сибири в современной отечественной историографии // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2007. Ч. 2. С. 141—156.

²¹ Гражданов Ю.Д. Аграрное законодательство режима А.В.Колчака // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 52—68; Он же. Аграрное законодательство «белой» Сибири при А.В.Колчаке // История «белой» Сибири: Тез. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 80—83; Гордеев О.Ф. Аграрная политика колчаковского правительства // XX в. и исторический опыт освоения Сибири. Красноярск, 1993. С. 129—135; Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Лончаков Ю.Г. Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири в 1818—1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997; Он же. Аграрная политика антибольшевистских правительств в Омске и изменение государственного статуса Сибири в ноябре 1918 г. // Сибирь — мой край. Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 199—211; Рынков В.М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918—1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.). Бахрушинские чтения 1998 г.: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И.Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 99—137; Он же. Влияние продовольственной политики антибольшевистских правительств на аграрный рынок Сибири // Сибирская деревня: проблемы истории. С. 96—106; Он же. История аграрной политики и сельского хозяйства в «Известиях министерства земледелия» (Омск, 1919 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. С. 169—171; Мышанский А.А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Бахрушинские чтения. 2001 г.: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И.Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 109—136; Назыров П.Ф. Аграрная революция и политика антибольшевистских правительств на востоке России (по материалам Южного Урала и Зауралья) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905—1921 гг.): Сб. науч. ст. / Под ред. И.В.Курышева. Ишим, 2006. С. 74—83; Шереметьева Д.Л. Аграрный вопрос в Сибири в идейно-политических дискуссиях периода «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. С. 167—169.

²² Рынков В.М. Историография аграрной политики контрреволюционных правительств Сибири // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 92.

²³ Подробнее см.: Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Лончаков Ю.Г. Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири

в 1818—1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997; Рынков В.М. Между Сциллой и Харибдой...; Он же. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006; Он же. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918—1919 гг.). Новосибирск, 2008; Он же. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918—1919 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998; Он же. Омский военно-промышленный комитет в годы Гражданской войны // Гражданская война в Сибири / Под ред. М.Д.Северьянова, Красноярск, 1999. С. 60—66; Он же. Экономическая политика антибольшевистских правительств Сибири (июнь 1918—1919 гг.) // Проблемы истории Гражданской войны на востоке России. Бахрушинские чтения. 2003 г.: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И.Шишкина. Новосибирск, 2003. С. 118—185; Он же. Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири // История белой Сибири: Мат-лы 5-й междунар. науч. конф. 4—5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 284—288; Он же. Социально-экономическая политика антибольшевистских правительств Сибири (вторая половина 1918—1919 гг.) // Мат-лы VI науч. конф. молодых ученых СО РАН, посвященной М.А.Лаврентьеву. Новосибирск, 2004. Ч. 2. Науки о жизни, науки о земле, экономические науки, гуманитарные науки. С. 24—28; Он же. Земельные органы в Сибири в период революционных преобразований 1917—1919 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2008. Ч. 1. С. 289—292; Он же. Зерновое производство восточных регионов России в годы революции и Гражданской войны // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века: Мат-лы II Всерос. науч. конф. / Под ред. Е.В.Демчик. Барнаул, 2009. С. 152—159; Он же. Агрономические мероприятия государства и земства восточных регионов России в 1918—1919 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр.: В 3 ч. Омск, 2010. Ч. 3. С. 408—413 и др.

²⁴ См.: Скубневский В.А. Сибирская буржуазия второй половины XIX — начала XX в. в освещении историографии 1990-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. II научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 17—23.

²⁵ Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 6.

²⁶ Гончаров Ю.М. Барнаульская школа исторического городоведения // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М.Гончарова. Барнаул, 2005. С. 31.

²⁷ Предпринимательство в Сибири: Мат-лы науч. конф. Барнаул, 1994; Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVII — начало XX вв.). Барнаул, 1995; Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVII — 1920-е гг.). Барнаул, 1997. Вып. 2; Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3. Барнаул, 2001.

²⁸ Экономическая история Сибири XX века: Мат-лы Всерос. науч. конф. Барнаул, 2007; Экономическая история Сибири XX — начала XXI века: Мат-лы II Всерос. науч. конф. / Под ред. Е.В.Демчик. Барнаул, 2009.

²⁹ Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999; Горюшкин Л.М., Ламин В.А., Резун Д.Я. Исторический опыт развития предпринимательства в Сибири // Всероссийская конференция по экономическому развитию Сибири. Секция «Предпринимательство в Сибири». Новосибирск, 1993. С. 1—20; Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации в культуре Западно-Сибирского предпринимательства второй половины XIX — начала XX вв. Тюмень, 1998; Она же. Ценностные ориентации предпринимательства России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX — начала XX вв.). СПб., 1999.

³⁰ Старцев А.В. История российского предпринимательства: проблемы теории и методологии // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 2001. Вып. 3. С. 17.

³¹ Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999.

³² Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. / Гл. ред. Д.Я.Резун, Д.М.Терешков. Новосибирск, 1994—1999.

³³ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861—1917 гг. Энциклопедия предпринимательства. Барнаул, 1996.

³⁴ Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002; Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2003; Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII—XIX вв.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007.

³⁵ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX — начало XX вв. Томск, 2004.

³⁶ Деловая элита старой Сибири / Под ред. А.В.Старцева. Новосибирск, 2005.

³⁷ Подробнее см.: Проблемы социальной и экономической истории Сибири XIX — начала XX вв.: Сб. науч. ст. Омск, 2001; Вопросы социальной и экономической истории Сибири XVII — начала XX вв.: Сб. науч. ст. Омск, 2002; Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII — начало XX вв.: Сб. науч. ст. Омск, 2003. Вып. 4; Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII — начало XX вв. (Из истории предпринимательства): Сб. науч. ст. Омск, 2005. Вып. 6; Проблемы экономической и социальной истории Сибири. Вторая половина XIX — начало XX вв. (На службе у казны и капитала): Сб. науч. ст. Омск, 2007. Вып. 7; Предпринимательство как социально-экономический феномен в истории России: Мат-лы Всерос. науч. конф. Омск, 2008; Проблемы экономической и социальной истории Сибири XIX — начала XX века: Межвуз. сб. науч. ст. Омск, 2009. Вып. 8; «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX — начало XX вв.): Межвуз. сб. науч. ст. Омск, 2009. Вып. 9.

³⁸ Доклады пленарного и секционных заседаний Всерос. науч. конф. «Хозяйственное освоение Сибири в XVII—XX вв.: источники, историография, дискуссионные проблемы» // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2009. № 3 (7); 2010. № 1(9).

³⁹ Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII—XIX вв. Новосибирск, 2004; Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля в Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863—1902 гг.). Барнаул, 2000; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.: региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999; Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Барнаул, 2003; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX в. М., 1999; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2001; Скубневский В.А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1. Население. Экономика; Зиновьев В.П. Государственное и частное предпринимательство в Сибири. Этапы взаимодействия // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 3—6; Он же. Становление индустриального общества в России. Томск, 2003; Он же. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007; Он же. Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVII — начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII — начала XX века: Сб. мат-лов регион. науч. конф. / Отв. ред. М.В.Шиловский. Новосибирск, 2007. С. 26—34; Он же. Экономическая политика государства в Сибири // Региональные особенности управления государственным хозяйством России в XVIII — начале XX в.: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 22 мая 2007 г.) / Отв. ред. В.В.Шевцов. Томск, 2007. С. 159—164; Носова Е.А. Хлебная торговля Западной Сибири во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007; Киселев А.Г. Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995; Он же. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. Ханты-Мансийск, 2008; Запорожченко Г.М. Транспортная потребительская кооперация в Сибири в первой трети XX в. Новосибирск, 2007; Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998, и др.

⁴⁰ Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 — начало 1920-х годов. М., 2008.

⁴¹ Там же. С. 5—6.

⁴² Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянско-бунтарства: 1917—1921 гг. М., 2002; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Канищев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный (погромное движение в городах России в 1917—1918 гг.). Тамбов, 1995; Яров С. В. Массовое сознание в 1917—1920 гг.: формы политизации // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX вв. СПб., 1999. С. 510—520; Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997, и др.

⁴³ Иванченко Н.В. Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. — 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 44—49; Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи

1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах массовых источников): Сб. ст. Барнаул, 2002. С. 22—39; Храмков А.А., Клычников А.Н. Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянское) Барнаульского уезда (Опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Там же. С. 101—121; Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Омского Прииртышья в начале XX в. // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Сб. науч. тр. Ежегодник. Омск, 1997. Вып. 1. С. 126—132; Он же. Отраслевая специализация предпринимательских хозяйств в Омском Прииртышье в конце XIX — начале XX вв. // Там же. Омск, 1998. Вып. 2. Кн. 1: Исторические исследования. С. 73—80; Он же. Опыты И.М.Карзина и процесс формирования агротехнической культуры в Омском Прииртышье конца XIX — начале XX вв. // Проблемы экономики и социальных отношений Сибири (вторая половина XVIII — 20-е годы XX в.). Омск, 1998. С. 49—56; Он же. Из истории развития животноводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Странички философии, методологии и истории (работы аспирантов кафедры отечественной истории): Сб. ст. Омск, 2000. С. 114—137, и др.

⁴⁴ Кротт И.И. Торгово-промышленная деятельность сельскохозйственных предпринимателей в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII — начало XX вв.: Сб. науч. ст. Омск, 2003. Вып. 4. С. 136—157; Он же. Формирование сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII — начало XX вв. (Из истории предпринимательства): Сб. науч. ст. Омск, 2005. Вып. 6. С. 99—118; Он же. Технологическая модернизация системы земледелия в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы истории Сибири XVI—XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Нижневартовск, 2006. Вып. 2. С. 120—152; Он же. Наемный труд в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири. Вторая половина XIX — начало XX вв. (На службе у казны и капитала): Сб. науч. ст. Омск, 2007. Вып. 7. С. 88—104; Он же. Развитие перерабатывающей промышленности в сельских предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Омск. гос. аграрного ун-та и 180-летию агрономической науки в Западной Сибири (27—28 марта 2008 г., Омск): В 3 ч. Омск, 2008. Ч. 1. С. 149—155; Он же. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири: формирование и контексты восприятия сибирским обществом в конце XIX — начале XX вв. // Феномен идентичности: формирование и взаимодействие «воображаемых сообществ»: Межвуз. сб. науч. ст. / Под науч. ред. В.Н.Худякова. Омск, 2008. С. 45—60; Он же. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX — начале XX века. Омск, 2009.

⁴⁵ Кротт И.И. Источники по изучению поведенческих стратегий и практик сельских предпринимателей Западной Сибири в 1914—1920 годах // Актуальные проблемы исторической науки: общее и уникальное в истории: Сб. науч. ст. / Под

ред. В.Н.Худякова. Омск, 2009. С. 16—28; Он же. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в период аграрных преобразований 1917 — первой половины 1918 года // Там же. С. 105—117; Он же. «Захватчики» или «владельцы»: сельскохозяйственное предпринимательство и аграрная политика антибольшевистских правительств в Сибири (вторая половина 1918—1919 год) // Там же. Омск, 2010. С. 75—95.

⁴⁶ Зашибина Е.Л., Киселев А.Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. Омск, 1996. С. 63—78; Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Там же. С. 5—57; Он же. Немцы на землях Сибирского казачьего войска // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 1997. № 5. С. 152—159; Он же. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 399—411; Он же. Национализация крупных немецких частновладельческих хозяйств в Сибири // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2005. С. 304—311; Он же. Ликвидация немецких предпринимательских хозяйств в Сибири в 1919—1920 гг. // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 1: История. С. 42—46; Он же. Национализация немецких предпринимательских хозяйств Сибири в 1919—1920 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф.: В 3 ч. Омск, 2006. Ч. 1. С. 259—262; Он же. Немецкие колонии в Сибири в годы революционных потрясений и Гражданской войны // Вопросы германской истории. Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX—XX вв.: Мат-лы Междунар. науч. конф. Днепрпетровск, 2007. С. 119—134; Он же. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект: монография. Омск, 2007; Он же. Меннонитские колонии в Сибири в конце XIX — первой трети XX века // Немцы Сибири: история и культура: Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т.Б.Смирнова. Омск, 2010. С. 291—304; История и этнография немцев Сибири / Сост. и науч. ред. П. П. Вибе. Омск, 2009; Киселев А.Г., Кротт И.И. Сельские хозяева Шварц и их потомки в Сибири // Проблемы социальной и экономической истории Сибири XIX — начало XX вв.: Сб. науч. ст. Омск, 2001. С. 62—78; Кротт И.И. Немецкое сельскохозяйственное предпринимательство Омского Прииртышья в конце XIX — начале XX вв. // Изв. Омск. гос. историко-краеведческого музея. 2000. № 8. С. 167—170; Он же. Протестантизм и хозяйственная культура Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Конфессии народов Сибири в XVII — начале XX вв.: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 245—256; Он же. «Предпринимательские меньшинства» в условиях иноэтничной принимающей среды: современные методологические подходы изучения сибирского переселенческого сообщества второй половины XIX — начала XX вв. // Наука, экономика, право в регионах России: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Нижневартовск, 24 апреля 2008 г.) / Отв. ред. В.В.Митрофанов. Нижневартовск, 2008. С. 92—98; Он же. Этническое предпринимательство как форма социально-экономической адаптации мигрантов в Западной Сибири (возможности междисциплинарного подхода в изучении сибирского общества конца XIX — начала

XX вв.) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: Сб. науч. ст. / Под ред. В.Н.Худякова. Омск, 2008. Вып. 12. С. 116—119; Он же. Этничность экономики Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 317. С. 110—116; Он же. Формирование этнических ниш в экономике Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Материалы за 5-а международна научна конференция «Настоящи изследования — 2009»: 17—25 януари, 2009. Т. 10. История. Философия. Политика / Под ред. М.Т.Петкова. София, 2009. С. 18—31; Он же. Немецкое предпринимательство в крупных городах Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.) // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX — начало XX вв.): Межвуз. сб. науч. ст. Омск, 2009. Вып. 9. С. 69—84; Он же. Сибирский социум в конце XIX — начале XX вв.: социальные основания и мотивация развития этнического предпринимательства // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2010. История. № 1(9). С. 110—117; Он же. Немецкие предприниматели братья Я.И. и Г.И.Шварц (К характеристике стратегий поведения сельскохозяйственно-го предпринимательства в условиях трансформации сибирского общества 1890—1920 годов) // Немцы Сибири: история и культура: Мат-лы VI Международ. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т.Б.Смирнова. Омск, 2010. С. 14—22 и др.

⁴⁷ Шайдуров В.Н. Российские немцы на Алтае (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах массовых источников): Сб. ст. Барнаул, 2002. С. 62—100; Он же. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX — начало XX вв. Барнаул, 2003; Он же. Роль западных национальных меньшинств в развитии перерабатывающей промышленности Алтая в конце XIX — начале XX в. // Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 62—69; Он же. Западные национальные меньшинства и пищевая промышленность Алтая в конце XIX — начале XX в. // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М.Разгона / Под ред. Э.И.Черняка. Томск, 2006. С. 423—433.

⁴⁸ Каторгин А.С. Сельское купечество Томской губернии в освещении отечественной историографии // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. С. 82—84; Он же. Сельское купечество на Алтае во второй половине XIX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: Сб. ст. / Под ред. В.А.Скубневского. Барнаул, 2005. С. 173—184; Он же. Причины формирования сельского купечества на территории Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // IV Научные чтения памяти Ю.С.Булыгина: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.М.Гончарова. Барнаул, 2007. С. 76—77.

⁴⁹ Щеглова Т.К. Сельское предпринимательство и предприниматели в XIX — начале XX в. на территории Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. мат-лов / Науч. ред. Т.К.Щеглова. Барнаул, 2004; Она же. Сельское предпринимательство и его влияние на материальную культуру алтайской деревни в условиях модернизации (начало XX века) // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. С. 206—223.

Глава 2

УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ И УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ СИБИРИ В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX вв.): К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Быстрая политизация всех слоев российского общества, происходившая на фоне подъема общественного движения в стране на рубеже XIX—XX вв., способствовала активному вовлечению различных категорий населения в процесс начавшегося в стране партийного строительства, ставший особенно интенсивным в годы первой российской революции. Ослабление цензуры, появление сотен новых газет и журналов, созыв Государственной думы, публичное обсуждение самых острых политических вопросов — все это способствовало стремительной политизации российского общества и готовило благодатную почву для образования все новых и новых политических партий. Появившийся в разгар все-российской стачки царский Манифест от 17 октября 1905 г. обещал даровать россиянам «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Последнее обещание можно было истолковать как завуалированное разрешение на создание не только разного рода профессиональных и профессионально-политических союзов, которые стихийно стали возникать после начала революции, но и политических партий как таковых, хотя никакого специального закона о них ни тогда, ни позже в России принято не было¹.

По данным энциклопедии «Политические партии России» (1996 г.) в период первой российской революции в стране действовало не менее 100 партий и 25 союзов, организаций и течений консервативной, либеральной и социалистической ориентации. Одной из причин возникновения российской многопартийности стала сложная социальная и национальная структура населения России и та громадная роль, которую играла в общественно-политической

жизни России интеллигенция, доминировавшая во всех без исключения политических партиях. При этом все крупные и наиболее влиятельные политические партии стремились обозначить, интересы какого социального слоя они выражают. Так, социал-демократы открыто называли себя рабочей партией; эсеры, выступавшие от имени всего «трудового народа», постепенно превращались преимущественно в крестьянскую партию. Связи же кадетов и октябристов с буржуазией носили уже более сложный, во многом опосредованный характер, так же как и связи Союза русского народа с помещиками². Однако при всей несхожести программно-тактических установок все политические партии России боролись за влияние на студенческую и учащуюся молодежь, которая, занимая промежуточное социальное положение, включала в себя представителей всех социальных классов и слоев.

Вопросы, связанные с участием студенческой и учащейся молодежи в партийно-политическом движении в России, привлекли внимание исследователей еще в начале XX в., однако большинство работ тех лет имело преимущественно публицистический характер, а их содержание определялось политической позицией авторов³. Так, в трудах представителей правого крыла, стоявших на монархических позициях, протестные действия воспитанников учебных заведений рассматривались как результат влияния революционеров и либералов. Например, известный черносотенец В.М.Пуришкевич в предисловии к книге «Школьная подготовка II-й русской революции», изданной Русским народным союзом имени Михаила Архангела, утверждал, что виновниками вовлечения учащихся в революционное движение являются «евреи и интеллигенция», которые, «взявшись за свое преступное дело к подготовке новой смуты, все свои усилия направили... именно на обработку народных масс»⁴. Член Государственной думы черносотенец В.Образцов, критикуя российское студенчество в целом и томское студенчество в частности, утверждал, что в революционизировании вузов виноваты «жиды и кадеты». Вывод, сделанный Образцовым, был вполне традиционен: «Вон их из русской школы! И да здравствует благородное студенчество в благородном университете!»⁵.

Политические взгляды авторов определяли и содержание работ, посвященных движению сибирской вузовской и учащейся молодежи. Например, в книге «Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института Императора Николая II на поприще “освободительного движения”: 1901—1911 гг.» Томский технологический институт характеризовался как «социал-демократический вуз», для которого характерна «партийность, переходящая все границы. На борьбе партий сосредотачивается вся жизнь учебного заведения»⁶. Указанная работа была издана по распоряжению консервативно настроенного попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И.Лаврентьева, то есть в ней фактически была отражена позиция учебной администрации края.

Впрочем, критика революционно настроенной интеллигенции (в число которой включалась студенческая и учащаяся молодежь) звучала и с другой — либеральной — стороны. Так, один из авторов известного сборника «Вехи», бывший студент Томского университета А.С.Изгоев, в статье «Об интеллигентной молодежи», скептически оценивая степень революционности российского студенчества, писал: «Горячий юноша-идеалист, полный возвышеннейших революционных порывов, не успевает получить аттестат зрелости, как мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца. И это обстоятельство заставляет подумать, нет ли чего ложного в нашем студенческом идеализме...»⁷. В то же время либеральные авторы известную вину за распространение радикальных настроений в молодежной среде возлагали на правительство, которое противилось необходимости обновления учебного процесса и реализации ряда академических требований студентов и учащихся.

Марксистские публицисты, оценивая общественное движение с позиций классового подхода, относили студентов и учащихся к мелкобуржуазной среде со свойственными ей колебаниями. На этом основании лидер большевистского крыла РСДРП В.И. Ленин утверждал, что студенчество не является главной движущей силой революционного процесса, поэтому «само по себе» студенческое движение не может достичь своих целей. Отсюда В.И. Лениным делался вывод о необходимости внедрения социал-демократических идей в среду вузовской и учащейся молодежи

и подчинения движения воспитанников учебных заведений руководству рабочего класса⁸. Следует отметить, что в дальнейшем, в советский период отечественной историографии, ленинский подход к студенчеству как непоследовательному союзнику пролетариата, который мог оказать содействие социал-демократии только на буржуазно-демократическом этапе революции, становится преобладающим.

В трудах В.И.Ленина давалась и оценка движения учащихся средних и низших учебных заведений. В отличие от представителей либеральных партий, выступавших против вовлечения учащихся в сферу политики, Ленин утверждал, что организованная молодежь с раннего возраста должна впитывать в себя социалистические идеи и находится под непосредственным партийным влиянием, а «всякое осуждение вовлечения в политику есть лицемерие и обскурантизм»⁹. В связи с этим Ленин, обращаясь в 1902 г. к учащимся средних школ, призывал: «Старайтесь сделать главной целью своей организации самообразование, выработку из себя убежденных, стойких и выдержанных социал-демократов... Старайтесь... завязывать самые тесные... сношения с местными или общерусскими социал-демократическими организациями»¹⁰. В этом же духе был выдержан и проект резолюции об отношении к учащейся молодежи, подготовленный Лениным ко II съезду РСДРП: «Съезд приветствует оживление революционной самодеятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться»¹¹.

Основные причины вовлечения воспитанников учебных заведений в революционное движение марксистские публицисты видели в политике властей, на основании чего ими обосновывался тезис о необходимости свержения самодержавия. Например, в работе С.Знаменского, посвященной анализу ученических волнений в годы первой российской революции, отмечалось: «Школьные беспорядки были неизбежны. Они были вызваны к жизни не злою волей учащихся, но всей совокупностью тогдашних условий. Это был стихийный протест против дальнейшего существования разложившейся средней школы... Всюду подымался протест, и в результате школьное движение стало одной из отдельных маленьких струек, из которых слагался громадный поток русской революции»¹².

Революционные события 1917 г. расставили новые акценты в исследовательских трудах, посвященных истории молодежного движения. Основное внимание в работах 1920-х — первой половины 1930-х гг. стало уделяться показу ведущей роли РСДРП в развитии движения воспитанников учебных заведений, деятельность же иных политических партий в этой среде оценивалась только негативно¹³. Кроме того, эти работы отличало выборочное привлечение источников и очевидная идеологизация сделанных на их основе выводов. Аналогичные подходы были характерны и для изучения проблемы на сибирском материале. В публикациях тех лет внимание авторов, как правило, концентрировалось на освещении участия воспитанников учебных заведений в революционном движении. В этом плане весьма показателен сборник «Томский технологический институт за 25 лет своего существования», в котором были почти дословно воспроизведены факты из вышедшего в 1911 г. «Краткого очерка деятельности профессоров и студентов Томского технологического института Императора Николая II на поприще “освободительного движения”: 1901—1911 гг.». Но если в дореволюционном издании томские студенты критиковались за «левизну» и революционность, то в настоящем — за недостаток революционности, колебания, отсутствие связей с «низами» и т.д.¹⁴ Подобные взгляды вполне согласовывались с ленинской оценкой студенчества как непоследовательного союзника пролетариата.

В то же время определенному расширению источниковой базы исследований способствовала начавшаяся публикация воспоминаний участников революционного движения в Сибири¹⁵. Пути проникновения марксизма в молодежную среду нашли свое отражение в мемуарах будущего видного социал-демократа Николая Баранского: «Первые марксистские влияния я воспринял от своих старших сестер — Любви и Надежды, которые, участь в Питере на курсах, участвовали в “Союзе борьбы за освобождение рабочего класса” и, приезжая на летние каникулы “давали мне агитацию” на темы прибавочной стоимости и т.д. Более глубокое марксистское воспитание... я получил весной и летом 1896 г. от студента Томского университета Павла Ивановича Малинина»¹⁶. В книге Б.З.Шумяцкого содержались не только воспоминания автора о революционных событиях в крае, здесь же были приведены

списки членов социал-демократических организаций ряда городов Сибири, в том числе студентов и учащихся, пофамильно названы члены Красноярской ученической организации «Светоч» и др.¹⁷

В последующем, вплоть до конца 1950-х гг., значительных изменений в разработке темы не произошло. Ее изучение осуществлялось, как правило, в рамках исследований по истории социал-демократического и революционного движения, деятельность же других партий в среде студентов и учащихся по-прежнему оценивалась только негативно. Ф.Ф.Шамаховым, например, была принята попытка рассмотреть выступления учащихся средних учебных заведений края в 1905—1907 гг. в основном с точки зрения роста социал-демократического влияния на мелкобуржуазную массу¹⁸. Исследователь Г.А.Титов, характеризуя проявления и формы студенческого движения в Томске в годы нового революционного подъема, причины активизации выступлений вузовской молодежи в конце 1910 — начале 1911 гг. находил в усилении борьбы рабочего класса¹⁹. Традиционным для работ 1950-х гг. становится положение о том, что при слабости рабочего класса (особенно в Восточной Сибири) ссыльные революционеры обращали значительное внимание на учащуюся молодежь края, создавая в этой среде политические кружки марксистского направления, такие, например, как социал-демократический кружок «Маяк», возникший в Якутске в 1905 г.²⁰

Существенные сдвиги в исследовании проблемы наметились с начала 1960-х гг. Заметное влияние на преодоление негативных тенденций в развитии исторической науки оказала идеологическая позиция XX съезда КПСС. Более пристальное внимание исследователей к изучению ленинских оценок, повышение теоретического уровня публикаций, расширение источниковой базы способствовали формированию новых подходов в изучении общественного движения. Возросший в эти же годы интерес к проблеме союзников и противников пролетариата на буржуазно-демократическом этапе революции заставил исследователей обратиться к более детальному изучению характера выступлений студенческой и учащейся молодежи и степени их политизации. В этот период вышли в свет посвященные характеристике студенческого движения в России конца XIX — начала XX вв. исследования П.С.Гусятникова, Н.Я.Олесич, Н.К.Лисовского, В.В.Пешникова и некоторых других

авторов²¹. Основополагающим в этих трудах оставался ленинский тезис о мелкобуржуазном характере движения студентов и учащихся, что определяло как борьбу молодежи за буржуазно-демократические свободы, так и свойственные ей колебания. Так, например, Н.Я.Олесич в работе «Ленин и революционное студенчество России», касаясь характеристики студенческого движения после завершения революции 1905—1907 г., отмечала: «Особенно тяжело сказалось затухание революции на мелкобуржуазной прослойке студенчества. Рабочая молодежь, плоть от плоти пролетарская, стойко переносила удары реакции плечом к плечу со старшими братьями по классу... Интеллигентская же молодежь переживала глубочайшую драму, усугубленную отсутствием теоретической зрелости, ослаблением контактов с пролетарской партией и идеологическим натиском реакционной профессуры»²².

Однако в исследованиях тех лет уже более детально характеризовалась борьба большевиков против кадетов, эсеров, анархистов и черносотенцев за влияние на учащуюся и вузовскую молодежь. Теоретическому обоснованию тезиса о ведущей роли РСДРП в молодежном движении способствовало и более внимательное изучение социального состава, правового и материального положения студентов и учащихся. На этом основании историками был сделан вывод о том, что значительная часть студенческой и учащейся молодежи принадлежала к малоимущим, демократическим элементам, не имела элементарных политических прав, поэтому рост влияния социал-демократических идей в ее среде был закономерным процессом. «Будучи социально разнородной массой, — писал по этому поводу В.В.Пешников, — студенчество отражало настроения разных сословий и классов, с которыми оно было связано. Передовая его часть являлась своего рода конденсатором растущего народного гнева против царской тирании»²³.

Определенные сдвиги в изучении темы, имевшие место в общесоюзной историографии, нашли свое отражение и в работах исследователей сибирского региона. В 1960-е гг. появились серьезные научные публикации, затрагивавшие вопросы вовлечения студенческой и учащейся молодежи края в партийно-политическое движение. К их числу можно отнести монографии М.И.Матвеева «Студенты Сибири в революционном движении»

и Ф.Ф.Шамахова «Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907—1917 гг.)», изданные в Томске в 1966 г. Для обеих работ было характерно стремление сделать акцент на преимущественном распространении в среде студенческой и учащейся молодежи революционных идей и влиянии на нее социал-демократических организаций. Так, М.И.Матвеев, затрагивая вопросы существования в студенческой среде организаций различных политических партий, писал: «Томские большевики в трудных условиях надвинувшейся политической реакции вели мужественную борьбу против разброда и шатаний в среде революционного студенчества... Они продолжали борьбу с меньшевиками, раскрывая студенчеству их окончательное предательство интересов народа... Томские большевики решительно боролись с эсерами, ... анархистами и им подобными оппортунистами, разоблачая их как авантюристов... Заслугой томских большевиков надо считать то, что ни эсеры, ни другие им подобные группы не получили здесь в период первой русской революции никакого сколько-нибудь серьезного влияния на массы, в том числе и на студенчество»²⁴. При этом автором был сделан акцент на той значимой роли, которую сыграла вузовская молодежь края в становлении и развитии социал-демократических организаций: «В Сибири, где рабочий класс был относительно немногочисленным и разбросанным по бесконечной сибирской магистрали, ... где мало было революционных кадров и сказывалась громадная удаленность от партийных и революционных центров, роль студенчества сибирских вузов в борьбе с царским самодержавием накануне и в период первой русской революции была особенно заметной»²⁵. М.И.Матвеевым также был произведен подсчет студенческих социал-демократических кружков, выделены основные этапы студенческого движения и сделан вывод о том, что влияние РСДРП на студенческую молодежь Томска изменялось на разных этапах. Например, спад политической активности воспитанников учебных заведений в начальный период Первой мировой войны способствовал уменьшению влияния революционных партий на студенчество. И все же, по мнению историка, и в этот период сторонники социал-демократов сохранились в студенческой среде, о чем свидетельствует наличие осенью 1914 г. в Томской организации РСДРП 4-х кружков, 2 из которых были студенческими²⁶.

В русле ленинской концепции рассмотрения молодежного движения были написана и статья Г.А.Терюшкова, посвященная характеристике выступлений учащихся Восточной Сибири в годы первой революции в России. В ней автор, ссылаясь на труды В.И.Ленина, оценивал движение воспитанников учебных заведений следующим образом: «Движение учащейся молодежи по своему существу было демократическим. Основным требованием учащихся в их выступлениях было требование проведения коренной реформы школы всех ступеней в направлении ее демократизации и улучшения всей постановки дела образования и воспитания. Само по себе такое движение представляло “семейную ссору”... Социал-демократия не придавала этой “семейной ссоре” самодовлеющего значения. Но пролетариат как руководитель революционного демократического движения народа и его партия видели возможность натолкнуть учащихся, недовольных только школьными порядками, на мысль о негодности всего политического строя в стране, на борьбу за уничтожение этого строя, привлечь их к участию в низвержении самодержавия»²⁷. Автором статьи подчеркивалось, что сходки и забастовки сибирских учащихся и в дореволюционный период, и в годы революции проходили под руководством местных комитетов РСДРП.

Указанные подходы были характерны и для работ А.С.Шершневой, посвященных участию в революционном движении конца XIX — начала XX вв. учащихся г.Иркутска. Вместе с тем исследователем был вовлечен в научный оборот ряд документов, переданных в фонды Иркутского областного краеведческого музея бывшими участниками ученических социал-демократических организаций: рукописные журналы, отчеты о деятельности марксистской группы учащихся г.Иркутска, воспоминания участников событий и др.²⁸ Серьезная работа по изучению состояния системы образования в Енисейской губернии на рубеже XIX—XX вв., рассмотрению предпосылок вовлечения учащихся в революционное движение и анализу движения самих воспитанников учебных заведений была проделана Д.Г.Жолудевым²⁹. Автор данных исследований также опирался на хранившиеся в архивах материалы делопроизводства управленческих органов и отдельных учебных заведений губернии, ученические издания, мемуарную литературу, но все привлеченные документы рассматривались только

в контексте борьбы большевиков «за подлинную народную школу, учительство и учащихся»³⁰.

Кроме того, в 1960—1980-е гг. сюжеты, связанные с участием воспитанников учебных заведений в партийно-политическом движении в крае на рубеже XIX—XX вв., более широко стали освещаться в исследованиях по истории социал-демократического движения в Сибири. Прямо или попутно эти вопросы затрагивались в публикациях Н.В.Блинова, В.М.Самосудова, М.И.Матвеева, А.П.Толочко, А.В.Корняковой, Н.М.Кравец и ряда других авторов³¹. Следует отметить, что в указанных работах, наряду с изучением деятельности социал-демократов среди студентов и учащихся, стало уделяться внимание и вопросу влияния на молодежь со стороны непролетарских партий. Например, в монографии А.П.Толочко «Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.)» была рассмотрена история сибирских партийно-политических организаций различного толка: от революционных (социал-демократических, эсеровских, анархистских) до либеральных (кадетских и октябристских) и черносотенно-монархических. Исследователем неоднократно подчеркивалось, что в Томске, Омске, Иркутске рабочие не играли видной роли в социал-демократических организациях, в них, напротив, преобладала интеллигенция, представленная в значительной части студенчеством, что определяло в ряде случаев отступление от ленинских принципов партийного строительства³². Им же указывалось, что в организациях ПСР в Сибири большинство их членов принадлежало к непролетарским слоям, к числу которых относились и воспитанники учебных заведений края³³. В ряде случаев (например, при осуществлении большевистской тактики левого блока на этапе буржуазно-демократической революции) деятельность эсеров признавалась автором полезной для вовлечения демократических слоев в освободительное движение: «Ведя борьбу против идеологии и тактического авантюризма эсеров, революционные социал-демократы вместе с тем в ряде случаев взаимодействовали с ними, стремясь привлечь этих неустойчивых союзников к общему натиску против царизма»³⁴.

Историками партийно-политического движения в Сибири был сделан вывод о том, что более позднее развитие капитализма

в крае и связанная с этим относительная малочисленность сибирского пролетариата заставляла сторонников революционных идей обращать свое внимание на непролетарские слои, в числе которых важное место занимали студенты и учащиеся. Концентрация их в городах, достаточно высокий уровень образования, обостренное восприятие несправедливости способствовали тому, что именно молодежь стала той средой, в которой уже во второй половине 1880-х гг. велась революционная пропаганда. Указание на особую значимость деятельности студенчества в образовании сибирских групп РСДРП имеется в трудах историка Н.В.Блинова. В работе «Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири» он, в частности, писал: «Революционно-демократическое движение как таковое возникает в Сибири лишь к концу XIX в. и вплоть до начала 900-х гг. не проявляется иначе, как в деятельности подпольных кружков. Основными участниками кружков были представители интеллигенции, ссылки и учащейся молодежи... До середины 1901 г. центром социал-демократического движения в Сибири был Томск, благодаря сложившейся здесь рабочей организации и студенческим марксистским группам. С конца 1901 г. положение меняется — центром социал-демократического движения становится Восточная Сибирь. В Красноярске, Иркутске, Чите имелись крупные железнодорожные мастерские и депо, которые давали основные кадры рабочих для местных организаций. С конца 90-х гг. (XIX в. — *О.И.*) усиливаются группы ссыльных социал-демократов в городах Восточной Сибири... Сюда же высылаются с начала 1901 г. участники студенческого движения в России, а также в Томске, среди которых имелись сторонники марксизма. Последние принимали активное участие в создании и деятельности социал-демократических организаций»³⁵. По мнению Н.В.Блинова, большую роль в создании в 1901 г. Сибирского союза РСДРП сыграли студенты томских вузов, например, будущие видные деятели революционного движения в Сибири Н.Баранский и А.Богословский³⁶.

«При малочисленности пролетарского населения в Томске и наличии значительной части интеллигенции местный комитет считал своей главной задачей подготовку квалифицированных пропагандистов для Сибири в целом и добился в этом серьезных успехов. В 1904—1907 гг. подготовленные в Томске (главным

образом из студентов технологического института и университета) революционеры сыграли выдающуюся роль в руководстве классово-борьбой трудящихся масс во всех крупных городах Сибири», — подчеркивалось в изданном в советский период фундаментальном труде «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период»³⁷. По данным историка А.В.Корняковой, студенты входили в состав районных организаций Томского комитета РСДРП, способствовали воссозданию социал-демократических организаций после арестов их членов полицией³⁸. Исследователь А.П.Толочко указывал, что в Томске ведущая роль в социал-демократической организации принадлежала интеллигентской прослойке, представленной, в основном, местным студенчеством³⁹. «Готовы пролетариат к выполнению роли авангарда революционно-демократических сил, большевики и меньшевики-партийцы придавали также важное значение своей деятельности среди непролетарских слоев населения. Сплочение их вокруг рабочего класса они считали непременным условием для успешного развития революционного движения. В 1910 — начале 1912 гг. расширилась, в частности, организаторская и агитационная работа среди студенческой и учащейся молодежи — наиболее активного и отзывчивого контингента средних городских слоев. В вузовском центре Сибири — Томске результатом ее стало создание осенью 1910 г. социал-демократической фракции в местном университете... Через студентов социал-демократов партийное ядро влияло на более широкие слои местного студенчества, содействуя росту его общественной инициативы и выступая против попыток либеральной профессуры направить студенческие волнения всецело в русло академической борьбы», — писал исследователь⁴⁰.

Однако в исследованиях этих лет не были изжиты до конца подходы, характерные для предшествующего этапа историографии. Внимание исследователей привлекали, прежде всего, факты, иллюстрирующие деятельность, например, социалистов-революционеров среди крестьян, учащейся молодежи и рабочих, необходимые им для сопоставления размеров и эффективности социал-демократической и эсеровской агитации. В ряде публикаций тех лет довольно упрощенно (только с негативной точки зрения) оценивалась роль социалистов-революционеров в развитии революционного движения в Сибири. Определенное влияние, которое

эсеры, кадеты, анархисты и представители ряда других партий имели в молодежной среде, объяснялось, как и ранее, принадлежностью студентов и учащихся к слою мелкой буржуазии. В целом, в указанных работах движение воспитанников учебных заведений рассматривалось как составная часть революционного движения, возглавляемого социал-демократами.

Изучение проблемы на современном этапе отечественной историографии напрямую связано с теми изменениями, которые произошли в нашей стране на рубеже XX—XXI вв. Процессы демократизации политической системы, постепенное становление институтов гражданского общества оказали свое влияние на освобождение исследовательской практики от идеологических штампов и стереотипов, что сыграло позитивную роль в рассмотрении различных аспектов темы. Исчезновение необходимости обоснования ведущей роли КПСС в обществе определило отказ исследователей от рассмотрения движения студенческой и учащейся молодежи только через призму деятельности социал-демократов в этой среде. На сегодняшний день историками активно изучается влияние на воспитанников учебных заведений всех основных политических партий в дореволюционной России. Исследователем Н.Г.Завадским, например, сделан вывод о том, что в 1910—1914 гг. «совместная деятельность большевиков, меньшевиков, эсеров и кадетов... проходила на основе смены лидирующих позиций в студенческой среде»⁴¹.

Общественно-политическое портретирование российского студенчества конца XIX — начала XX вв. стало одной из задач работ видного историка студенческого движения А.Е.Иванова. При этом вопреки сложившейся в советские десятилетия историографической традиции им был сделан главный акцент не на деятельности политических партий в среде учащейся молодежи, а на творческом восприятии ею многопартийных установок и ее политической практике⁴². В монографии «Студенческая корпорация России конца XX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации» ее автор подчеркивает, что втянутость воспитанников высшей школы в русло политической борьбы стала фактором расщепления студенческой корпорации по партийному признаку. Но в то же время наличие выборных представительных органов студенческого самоуправления способствовало

формированию корпоративного парламентаризма. «Студенческие организации, ставившие во главу угла своей деятельности политическую борьбу, не были в такой степени, как их партийные наставники, обременены грузом идейных предрассудков, доктринерства, политических интриг, стремления к лидерству во что бы то ни стало. Они были более плюралистичны в своих внутриорганизационных взаимоотношениях, в своих политических воззрениях, решениях, выборе, поступках», — констатирует А.Е.Иванов⁴³.

Появление новых историографических подходов в изучении основных проявлений участия студенческой и учащейся молодежи в партийно-политическом движении конца XIX — начала XX вв. не могло не сказаться на характере аналогичных исследований, проводимых в Сибири. В опубликованных в последние десятилетия исследованиях С.В.Макарчука, Г.А.Порхунова, А.П.Толочко, М.В.Шиловского, А.А.Штырбула, посвященных истории общественно-политической жизни Сибири, рассмотрено влияние не только РСДРП, но и других политических партий на городские демократические слои, в том числе и на воспитанников учебных заведений края⁴⁴. Обращение ученых к изучению истории пестрого спектра всех политических партий вполне очевидно объясняется тем, что без их комплексного изучения оказалось невозможно дать полную и всестороннюю характеристику расстановки классово-политических сил и развития общественного движения в России и отдельных ее регионах⁴⁵. Отказ исследователей от традиционного партийно-классового подхода определил необходимость в объективном показе социальной платформы партийно-политических организаций. Поэтому в современной историографии эсеровского подполья, например, сложилось вполне определенное мнение о том, что главной сферой деятельности социалистов-революционеров в Сибири, где программа социализации земли встретила слабый отклик у местного крестьянства в силу отсутствия помещичьего землевладения, являлись города, значительную часть жителей которых составляли средние слои населения (интеллигенция, служащие, учащаяся и студенческая молодежь, ремесленники и т.д.). Именно эти категории городского населения были основным источником, питавшим возникшие в 1902—1904 гг. в Сибири первые кружки и группы социалистов-революционеров⁴⁶.

Исследователем М.В.Шиловским была сделана попытка качественного анализа состава сибирских социал-демократических партийных групп в период, предшествовавший первой революции в России. Им были изучены биографии 20 активистов, стоявших у истоков социал-демократических организаций региона. По данным на 1905 г. «актив» был очень молодым: пятеро в возрасте до 20 лет, четверо — до 25, четверо — до 30, пятеро — до 35 и только одному исполнилось 43 года. Интерес представляет уровень образования партийцев: 10 человек имели среднее образование, причем пятеро из них учились в высших учебных заведениях и были исключены за участие в революционном движении, С.М.Киров приехал в Томск, чтобы поступить в технологический институт, трое уже имели высшее образование. Так что интеллектуальный потенциал сибирских социал-демократов был достаточно высок: 15% имели высшее образование, 25% — незаконченное высшее, 25% — среднее, 15% — начальное. На основании этого М.В.Шиловским сделан вывод о том, что у истоков социал-демократии региона стояли образованные, исключительно молодые люди, преимущественно сибиряки, приобщенные к революционному движению или в Европейской России, или уже в марксистских кружках Сибири⁴⁷. Проведенное исследование показывает, насколько значительную роль в создании социал-демократических организаций Сибири сыграли студенты, причем чаще всего бывшие студенты, исключенные из вузов за революционную деятельность.

Историком И.П.Серебренниковым, изучавшим террористическую деятельность эсеров в Восточной Сибири, были проанализированы данные о 22-х членах боевых организаций иркутских эсеров, арестованных в январе и сентябре 1906 г. При этом образовательный уровень был установлен только у двух человек — Н.Рутковского и Д.Либмана. Оба они являлись томскими студентами. Но автор исследования указывает, что характерной чертой состава боевых организаций иркутских эсеров являлась молодость их членов: большинство составляли боевики в возрасте до 25 лет⁴⁸. Указанная возрастная планка позволяет предположить, что в составе боевой организации иркутских эсеров были и другие представители вузовской либо учащейся молодежи.

После завершения первой российской революции с наступлением политической реакции многие организации РСДРП и ПСР в регионе подверглись разгрому и были заметно ослаблены. Тем не менее, по данным сибирских исследователей, социальный состав, например, эсеровских организаций в межреволюционный период существенно не изменился. В них по-прежнему преобладали средние слои городского населения (интеллигенция, учащиеся, студенты, служащие)⁴⁹. Слабость партийных групп определяла их стремление к проведению совместных действий. По мнению исследователя С.В.Макарчука, сложившаяся тенденция к объединению всех социалистических сил наглядно проявилась в Томске, где осенью 1915 г. была создана «Группа объединенного левого студенчества». В состав группы вошли студенты — члены кружков, стоявших на платформе социалистических партий (социал-демократический и социал-революционный), но вместе с ними здесь были представлены и кадеты⁵⁰.

Проявившая себя в последние десятилетия потребность рассмотреть партийный состав революционного подполья в крае во всей его полноте, не игнорируя существовавших в его рядах экстремистских групп, побудила историков специально обратиться к изучению анархистских групп в Сибири, о деятельности которых вплоть до середины 1980-х гг. в исследовательской литературе встречались лишь отрывочные сведения⁵¹. В работах А.А.Штырбула, С.В.Макарчука, А.П.Толочко и ряда других авторов выявлены условия, вызвавшие появление на территории Сибири сторонников анархизма, проанализирован их социальный состав. На этом основании исследователями был сделан вывод о том, что большинство членов анархистских организаций составляли мелкобуржуазные элементы: ссыльные, студенты и учащиеся, служащие, лица без определенных занятий⁵². Как отмечает историк А.А.Штырбул, причиной относительной популярности анархизма в крае после поражения первой российской революции были экономическая депрессия и политическая реакция, которые вместе создали определенный социально-психологический фон, благоприятный для теории и практики анархизма⁵³. Радикальные методы борьбы, признаваемые анархистами, такие как экспроприации и террор, зачастую привлекали молодежь с ее неустоявшимся мировоззрением, поэтому возраст многих анархистов не превышал

20—25 лет (что во многом объясняет безрассудность и авантюризм в действиях)⁵⁴. Студенты и учащиеся составляли значительную часть членов анархистских групп в Томске и Омске. В Томске в 1907 г. студентами-анархистами было совершено нападение на казначея Томского технологического института Соковнина. В Омске анархистская организация довольно активно действовала в городе в 1907—1908 гг., совершив несколько экспроприаций. Как отмечает Г.А.Порхунов, социальной базой омских анархистов была учащаяся молодежь, служащие, ремесленники⁵⁵. Особая роль студентов и учащихся в деятельности анархистских организаций Сибири подчеркивается и А.П.Толочко. Он указывает, например, на то, что в Чите в 1907 г. покушение на ротмистра Покровского совершил бывший семинарист Комогорцев, а в Томске именно студенты составляли костяк существовавшей в 1907 г. анархистской группы⁵⁶.

Тем не менее, по мнению А.А.Штырбула, «сибирские анархисты к началу нового революционного подъема оказались обессиленными и неспособными к активной политической деятельности даже в условиях роста общественного движения — ни в начале, ни в конце периода. Имели место лишь отдельные проявления анархистского движения в это время»⁵⁷. Отдельные небольшие группы и кружки анархистов существовали в 1910—1914 гг. преимущественно в отдаленных местах ссылки в Восточной Сибири. Исключение составлял Томск и, возможно, Омск. В Томске во время студенческих волнений конца 1910 — начала 1911 гг. попытка создания группы анархистов была предпринята студентом технологического института Д.Добролюбовым⁵⁸. Так как анархисты не имели заметного влияния среди вузовской молодежи Томска, они стремились действовать совместно с представителями других революционных партий и организаций. Например, в состав стачечного комитета, избранного в Томском технологическом институте в конце 1910 г., вошли студенты — социал-демократы, социалисты-революционеры и два анархиста (Д.Добролюбов и Н.Татаринов)⁵⁹. Анархистский студенческий кружок принимал активное участие в Толстовских днях и забастовке студентов, пытался создать подпольную анархистскую организацию. Однако поскольку лозунги и тактика анархистов не пользовались популярностью в студенческой среде, то после окончания забастовки

весной 1911 г. томская группа анархистов прекратила свое существование⁶⁰. И в дальнейшем, как подчеркивается современными исследователями, в период Первой мировой войны глубокий организационный и идейно-политический кризис, переживаемый анархистскими организациями, определил практическое отсутствие влияния анархистов на студенческое движение.

Большое внимание историков на современном историографическом этапе привлекает и история либерального движения в Сибири. Традиционная критика кадетов и октябристов за их «контрреволюционность», звучавшая на протяжении многих десятилетий, сменилась вдумчивым анализом возможности реализации либеральной идеи в России. Корректировке подвергся и взгляд на либеральные партии как средоточие буржуазии и высшей интеллигенции. Так, подсчеты, произведенные О.А.Харусь, позволили ей высказать суждение о наличии в рядах сибирских кадетов сравнительно широкого слоя представителей городских мелкобуржуазных слоев (до 50% от общего числа участников), что внесло заметные коррективы в устоявшиеся представления об этой партии как организации, объединявшей преимущественно буржуазную интеллигенцию. Исследователю удалось установить социальную принадлежность 390 сибирских кадетов. Из них 41 (10,5%) являлись крупными предпринимателями, 38 (9,7%) относились к высокооплачиваемой интеллигенции, 202 (51,8%) представляли средние городские слои (в основном демократическую интеллигенцию), 95 (24,4%) — малообеспеченную (в терминологии О.А.Харусь — полупролетарскую) интеллигенцию, 12 (3,1%) являлись крестьянами и 2 (0,5%) — рабочими⁶¹. Создание в Томском технологическом институте фракции кадетской партии, действовавшей под названием 3-го кружка самообразования, способствовало усилению влияния кадетов на местное студенчество. Студенты-кадеты наряду с социал-демократами и эсерами были представлены в Центральном студенческом органе, Группе объединенного левого студенчества, и в этом отношении вполне можно согласиться с мнением А.Е.Иванова, утверждающего, что «на академическом поле партийно-фракционной борьбы кадетское студенчество осуществляло эволюционную тактику, равно чуждую и академизму правых, и революционному авантюризму левых партий»⁶². Вместе с тем в имеющейся литературе роль

сибирских студентов в деятельности организаций либеральных партий не получила достаточного освещения.

До недавнего времени практически не исследованной оставалась и взаимосвязь воспитанников учебных заведений с черносотенно-монархическими организациями. В настоящее время в отечественной историографии утвердилось мнение, что черносотенная идеология отражала реакцию на резкие и бурные перемены в экономической и политической жизни России на рубеже веков⁶³. Как отмечает исследователь А.А.Штырбул, «организации правых партий в Сибири значительно уступали в политической активности социалистическим и либеральным организациям. Ультраправая агитация встретила решительный отпор в рабочей среде, провалилась в деревне, была решительно отвергнута почти всей сибирской интеллигенцией, большинством чиновничества и деловых людей»⁶⁴.

Однако уже в процессе формирования черносотенство, вобрав в себя разнородные в социальном отношении элементы, перестало укладываться в отведенные для него властями рамки. Общий подъем освободительного движения, захвативший страну в период первой российской революции, привел к формированию в среде воспитанников учебных заведений крайне негативного облика представителей правомонархических партий. Казалось бы, условия сложившегося противостояния сторонников правых сил, с одной стороны, и воспитанников учебных заведений, с другой, делали участие последних в черносотенно-монархическом движении практически невозможным. Но категория студентов и учащихся включала в себя пеструю массу выходцев из различных слоев населения, придерживавшихся различных, зачастую противоположных, политических взглядов. Поэтому и черносотенные идеи находили здесь определенную, хотя и весьма ограниченную поддержку. Крайне правые тоже стремились распространить свое влияние на воспитанников учебных заведений, хотя бы для того, чтобы отвлечь молодежь от участия в революционном движении. При этом они ориентировались только на студенчество, отказывая учащимся по причине их малого возраста в праве заниматься политикой⁶⁵. Таким образом, в силу сложившихся объективных причин черносотенно-монархическая пропаганда в среде студенческой молодежи была крайне затруднена. Поэтому влияние

правомонархических организаций на студентов носило опосредованный характер — не через создание собственных организаций в высших учебных заведениях, а путем поддержки проправительственных студенческих объединений, каковыми являлись академические корпорации, возникшие в стране в ходе первой российской революции.

В целом, анализ исследовательских трудов позволяет сделать вывод о том, что вопросы участия студенческой и учащейся молодежи в партийно-политическом движении в Сибири в конце XIX — начале XX вв. нашли определенное отражение в научной литературе. Наиболее разработанной на сегодняшний день является проблема участия воспитанников учебных заведений в организациях социалистических партий (преимущественно РСДРП), но заметно слабее выявлена деятельность студенчества в либеральных объединениях, а промонархические организации сибирских студентов и вовсе не попадали ранее в поле зрения историков.

Все вышесказанное определило интерес автора данной статьи к тематике, заявленной в ее названии. Изучение исследовательской литературы и привлечение большого количества неопубликованных ранее источников, в том числе документов правоохранительных органов, материалов политических партий, кружков и организаций, действовавших в среде воспитанников учебных заведений, позволило автору сформулировать собственное видение указанной проблемы, что нашло свое отражение в ряде статей и монографий⁶⁶. Можно согласиться с мнением большинства историков, считающих, что студенческая и учащаяся молодежь в силу своего промежуточного социального положения оказалась той общественной группой, влияния на которую добивались партии, представлявшие три основных политических лагеря в России (революционно-демократический, либеральный и черносотенно-монархический). Особенно активно в этом направлении действовали РСДРП и ПСР — социалистические партии, входившие в революционно-демократический лагерь. В условиях малочисленности сибирского пролетариата и слабой политизированности крестьянства они стремились опереться на молодежь, воспринимая ее как наиболее активную и отзывчивую часть населения. В то же время ограничительная политика властей по отношению к высшей и средней школе, неустойчивое экономическое положение

студентов и учащихся, ущемление их в сфере политических прав способствовали тому, что социалистические партии пользовались заметным влиянием в этой среде.

Наиболее заметно участие студентов и учащихся в деятельности организаций социалистических партий в начале XX в. проявлялось в крупных городах Сибири, где располагалось большое число учебных заведений, в первую очередь в Томске, Омске, Красноярске и Иркутске. Студенты стояли у истоков формирования организаций РСДРП и ПСР в Томске, составляя ядро партийных организаций в городе и в последующие годы.

Определенное распространение в студенческой среде получили и либеральные идеи, провозглашаемые конституционно-демократической партией. Но отсутствие в Сибири после периода первой революции оформленных кадетских организаций сужало возможности для участия в либерально-оппозиционном движении воспитанников учебных заведений. Еще более слабой была степень воздействия черносотенцев на вузовскую молодежь, а отношение к созданным под их покровительством академическим организациям со стороны студенчества было чаще всего враждебным⁶⁷.

Примечания

¹ Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 78.

² Там же. С. 79—80.

³ См., напр.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909; Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905—1906 г. и их значение. СПб., 1909; Николаев А.А. Хлеба и света! СПб., 1910; К характеристике современного студенчества. СПб., 1910. Вып. 1; Калинин А. Несколько слов о студенческом брожении. М., 1911; Образцов В. Подкуп и провокация — источники университетских беспорядков. Харьков, 1912; Свагилов С. Русское студенчество прежде и теперь. М., 1914; Кушнырь-Кушнарев Г.И. Исторический очерк возникновения и развития академических организаций в России. СПб., 1914; Путь студенчества. М., 1916.

⁴ Школьная подготовка II-й русской революции. СПб., 1913. С. VII.

⁵ Образцов В. Подкуп и провокация — источники университетских беспорядков. Харьков, 1912. С. 26.

⁶ Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института Императора Николая II на поприще «освободительного движения»: 1901—1911 гг. Томск, 1911. С. 143, 153.

⁷ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 109.

⁸ Ленин В.И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 341—356; Он же. Студенческое движение и современное политическое положение // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 214—220.

⁹ Ленин В.И. Возрастающее несоответствие // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 387—388.

¹⁰ Ленин В.И. К учащимся средних школ // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 66.

¹¹ Ленин В.И. Проект резолюции об отношении к учащейся молодежи // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 253.

¹² Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905—1906 г. и их значение. СПб., 1909. С. 14.

¹³ См., напр.: Революционное юношество. Л., 1924. Сб.1; Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Л., 1924; Ученические социал-демократические организации до революции. М.; Л., 1925; Киров А. На заре юношеского движения в России. М., 1926. Ч.1; Молодежь в революции. Л., 1931—1932.

¹⁴ Кузнецов А., Богданов Н., Мальгин В. Очерки по истории революционного движения студенчества Томского технологического института (1900—1925 гг.) // Томский технологический институт за 25 лет своего существования (1900—1925 гг.) Томск, 1928. С. 91—126.

¹⁵ См., напр.: Баранский Н. В рядах сибирского социал-демократического союза (воспоминания о подпольной работе 1897—1908 гг.). Новониколаевск, 1923; Джапаридзе К.И. Из революционного прошлого томского студенчества // Путь борьбы. Томск, 1923. Вып. 1; Шумяцкий Б.З. В сибирском подполье: Очерки 1903—1908 гг. Л., 1926; Он же. Сибирь на путях к Октябрю. Л., 1927.

¹⁶ Баранский Н. В рядах сибирского социал-демократического союза... С. 9.

¹⁷ Шумяцкий Б.З. В сибирском подполье: Очерки 1903—1908 гг. Л., 1926.

¹⁸ Шамахов Ф.Ф. Ученические волнения в средних учебных заведениях Западной Сибири в годы первой русской революции // 50 лет первой русской революции. Томск, 1958. С. 149—161.

¹⁹ Титов Г.А. Из истории революционного и демократического движения в Томской и Енисейской губерниях в 1910—1911 гг. // Изв. Новосибир. отдела Географ. общества СССР. Новосибирск, 1958. Вып. 4. С. 83—109.

²⁰ Сыроватский А.Д. О социал-демократическом кружке «Маяк» // Революционные события 1905—1907 гг. в Якутии. Якутск, 1956. С. 78—92; Петров П.У. Якутская политическая ссылка в период первой русской революции // Там же. С. 44—77.

²¹ Шалагинова Л.М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 2. С. 102—107; Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971; Пешников В.В. В.И. Ленин и студенческое движение в России. М., 1973; Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982; Иванов А.Е. Проблемы изучения студенческого движения в трех российских революциях // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 96—103; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; Лисовский Н.К. Молодые борцы революции. М., 1987; Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России: последняя четверть XIX. М., 1987 и др.

²² Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество России. С. 173—174.

²³ Пешников В.В. В.И. Ленин и студенческое движение в России. С. 5.

²⁴ Матвеев М.И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966. С. 217.

²⁵ Там же. С. 219.

²⁶ Матвеев М.И. Борьба большевиков Сибири за вовлечение студенческой молодежи в революционное движение (1905—1917 гг.) // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981. С. 137.

²⁷ Терюшков Г.А. Революционное движение учащихся Восточной Сибири в годы первой русской революции // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1964. Вып. 1. Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. С. 166.

²⁸ Шершнева А.С. Из истории революционного движения учащихся Иркутской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы истории Сибири. Ученые записки. Иркутск, 1970. Вып. 4. Ч. II. С. 14—26; Она же. Отчет о деятельности ученической социал-демократической организации города Иркутска за 1915/1916 учебный год // Там же. С. 123—129; Она же. К вопросу о революционном движении учащейся молодежи города Иркутска в начале XX вв. // Там же. С. 131—139.

²⁹ Жолудев Д.Г. Из истории народного образования в Красноярском крае (бывшей Енисейской губернии, 1861 — 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 1959; Он же. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). Енисейск, 1961.

³⁰ Жолудев Д.Г. Краткая история школ Красноярского края... С. 118.

³¹ Самосудов В.М. Революционное движение в Западной Сибири (1907—1917 гг.). Омск, 1971; Он же. Революционное движение в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями. (1907—1917 гг.). Омск, 1972; Блинов Н.В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972; Корнякова А.В. Руководство томских социал-демократов студенческим движением в период реакции (1907—1910 гг.) // Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1980. С. 144—156; Матвеев М.И. Борьба большевиков Сибири за вовлечение студенческой молодежи в революционное движение (1905—1917 гг.) // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981. С. 134—139; Толочко А.П. Борьба большевиков в Сибири за вовлечение в революционное движение студенческой и учащейся молодежи (1907—1914 гг.) // Борьба большевиков Сибири за массы в период первой русской революции и нового революционного подъема. Омск, 1984. С. 64—79; Он же. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.) Томск, 1989; Кравец Н.М. Участие демократической интеллигенции Сибири в освободительной борьбе в 1910—1914 гг. под влиянием революционных выступлений рабочего класса // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Омск, 1987. С. 139—142.

³² Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири... С. 62, 80.

- ³³ Там же. С. 97.
- ³⁴ Там же. С. 215—216.
- ³⁵ Блинов Н.В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. С. 65, 144.
- ³⁶ Там же. С. 98—99, 119—121.
- ³⁷ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 233.
- ³⁸ Корнякова А.В. Руководство томских социал-демократов студенческим движением в период реакции (1907—1910 гг.). С. 152.
- ³⁹ Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири... С. 79.
- ⁴⁰ Там же. С. 171—172.
- ⁴¹ Завадский Н.Г. Студенчество и политические партии России в 1901—1914 гг. СПб., 1998. С. 98.
- ⁴² Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 9—10.
- ⁴³ Там же. С. 11.
- ⁴⁴ Порхунов Г.А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905—1914 гг.). Омск, 1993; Макарчук С.В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 — февраль 1917 г.). Кемерово, 1994; Толочко А.П. Непролетарские партии в Сибири (1905 г. — февраль 1917 г.). Омск, 1995; Он же. Черносотенцы в Сибири (1905 г. — февраль 1917 г.). Омск, 1999; Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск, 1995. Вып. 2: Либералы; Он же. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск, 1996. Вып. 3: Социалисты-революционеры; Он же. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск, 1997. Вып. 4: Социал-демократы; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Омск, 1996; Он же. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая четверть XX вв.). Омск, 2003. Ч. 1 (конец XIX в. — февраль 1917 г.).
- ⁴⁵ Толочко А.П. Непролетарские партии в Сибири... С. 4.
- ⁴⁶ Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001. С. 33.
- ⁴⁷ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX в. Вып. 4: Социал-демократы. С. 18—19.
- ⁴⁸ Там же. С. 62.
- ⁴⁹ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX в. Вып. 3: Социалисты-революционеры. С. 38—39, 42—43.
- ⁵⁰ Макарчук С.В. Политическое подполье в восточных регионах России... С. 80, 82, 293.
- ⁵¹ Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири... Омск, 2001. С. 40.
- ⁵² Там же. С. 27.
- ⁵³ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири... С. 96.

- ⁵⁴ Политические партии России... С. 214.
- ⁵⁵ Порхунов Г.А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905—1914 гг.). С. 62.
- ⁵⁶ Там же. С. 28.
- ⁵⁷ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири... С. 175.
- ⁵⁸ Толочко А.П. Непролетарские партии в Сибири... С. 28.
- ⁵⁹ Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири ... С. 104.
- ⁶⁰ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири... С. 175.
- ⁶¹ Там же. С. 34.
- ⁶² Иванов А.Е. Студенческая корпорация России... С. 346.
- ⁶³ Харусь О.А. Кадетские и октябристские организации в Сибири: опыт реконструкции социокультурного облика // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 34.
- ⁶⁴ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири... С. 59.
- ⁶⁵ Ищенко О.В. Из истории существования и деятельности академической корпорации студентов г.Томска в начале XX в. // Исторический ежегодник. Омск, 2003. С. 129.
- ⁶⁶ Ищенко О.В. К вопросу о влиянии социалистических партий на томское студенчество в межреволюционный период (июнь 1907 — февраль 1917 гг.) // Революции 1917 г. в России: история, современность, поиски путей примирения и согласия: Мат-лы регион. науч. конф. Омск, 1997. С. 71—73; Она же. К вопросу о влиянии социалистических партий на студенческую и учащуюся молодежь в Западной Сибири (июнь 1907 — февраль 1917 гг.) // Сборник научных и методических статей. Омск, 1998. Вып. 2. С. 35—41; Она же. Влияние политических партий на учащуюся молодежь в Западной Сибири в начале XX в. // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. Ч. 1. С. 160—165; Она же. Организация кружков учащихся в Восточной Сибири в начале XX в. // Прошлое Западной Сибири: дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения: Мат-лы науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения С.В. Бахрушина. Нижневартовск, 2007. С. 134—138; Она же. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Изв. Алтайск. гос. ун-та. Сер. «История. Политология». 2008. № 4/3 (60). С. 103—110; Она же. Учащаяся молодежь Сибири в период первой российской революции 1905—1907 годов: характер протестных движений // Вестн. Челябинского гос. ун-та. История. Вып. 27. 2008. № 34 (135). С. 148—160; Она же. К характеристике студенческих организаций в сибирских вузах начала XX в. (по документам государственного архива Томской области) // Документ в контексте истории: Мат-лы II междунар. науч. конф. Омск, 2009. С. 169—173; Она же. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX — начало XX вв.) Омск, 2010.
- ⁶⁷ Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири... С. 493—494.

Глава 3

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЯКУТИИ В ОЦЕНКЕ С.В.БАХРУШИНА

История Сибири, в том числе коренных народов азиатской части России, была одной из центральных проблем в творчестве С.В.Бахрушина. Из более чем сорока трудов ученого по истории Зауралья около половины составляют исследования о судьбах народов огромной «Закаменной страны». Основные работы, посвященные коренному населению восточной окраины России, вошли в состав 3-го и 4-го томов «Научных трудов» С.В.Бахрушина, вышедших в свет в 1955 и 1959 гг. В них историк дал целостное представление о процессе присоединения Сибири к России и положении населяющих ее народов, рассмотрел административную историю зауральских уездов России, порядок управления этой богатейшей страной. Особое внимание было обращено на описание быта, социально-экономических отношений сибирских народностей. Как писал в автобиографии сам исследователь, «наиболее существенным результатом моих занятий по истории Сибири я считаю работы по истории сибирских народов, основанные на неизданных материалах Сибирского архива... и, мне кажется, (я. — *С.Р.*) доказал, что сибирские народы, до недавнего времени рассматривавшиеся лишь как объекты истории, переживали этапы общественного развития, общие для всех народов»¹. В то же время он отмечал: «нельзя рассматривать Сибирь как единую страну, тут отдельные народы, каждый из них имеет свою историю»². В числе тех этносов, истории которых С.В.Бахрушин посвятил свои исследования, были и якуты.

Интерес к истории коренных народов Зауралья появился у С.В.Бахрушина еще во время его первых источниковедческих изысканий. В фондах Сибирского приказа начинающий исследователь открыл для себя огромное поле деятельности в неизученных документальных материалах. «Различные официальные акты конца XVI и XVII вв., всевозможные отписки, наказания, статейные списки, челобитные и пр. оставались тогда совершенно вне поля зрения», — сетовал ученый³. По его выражению, «каждый более

или менее заметный в своей среде местный житель оставил о себе след в приказном делопроизводстве XVII и XVIII вв.»⁴.

С.В.Бахрушин считал серьезным недостатком прежней (до 1917 г.) историографии использование «исключительно нарративных источников и фольклора», привлечение актового материала лишь «в незначительной степени»⁵, в то время как практически не были исследованы вопросы освоения Сибири, не выявлены причины продвижения русского населения на восток, не охарактеризован порядок управления зауральской частью России. По выражению С.В.Бахрушина, какую бы сторону истории прошлого этого края он не взял, везде требовались глубокие конкретные исследования⁶.

В 1926 г., выступая на первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде⁷, С.В.Бахрушин при определении задач исторического изучения Сибири поставил на первое место исследование туземного населения и обратил внимание ученых на архив Сибирского приказа. «До сих пор не только целиком не изучено, но даже не описано обширное наследие Якутской приказной избы. Необходимо изучить богатейшие материалы портфелей Миллера и архива Камчатской экспедиции 1733—1743 годов, приступить к обследованию архива Сената, в недрах которого можно найти ценные источники по истории народов Севера», — призывал ученый⁸. В представлении историка в архивах сохранился важный, а главное, точно датированный актовый и делопроизводственный материал, позволяющий по-новому рассмотреть многие проблемы сибирской истории, в том числе прошлого якутов. По мнению С.В.Бахрушина, было «необходимо развернуть прервавшуюся на долгие годы работу по выявлению и публикации источников по истории сибирских народов»⁹.

Тщательно изучив попавшие в его поле зрения источники — царские грамоты и указы, отписки сибирских воевод, «скаска» служилых людей, челобитные русского и местного населения, приходно-расходные, таможенные и ясачные книги, сыскные дела о злоупотреблениях сибирских воевод и даже текст присяги якутов, С.В.Бахрушин классифицировал их по степени значимости и достоверности содержащихся в них сведений, условно разделил эти источники на несколько групп в соответствии со спецификой содержания.

Ценными источниками, позволяющими реконструировать картину управления восточной окраиной Московского государства, историк признавал документы распорядительного характера. По мнению исследователя, царские грамоты и указы, адресованные первым сибирским администраторам, являются важными источниками, отражающими становление системы управления в Сибири. Они не только свидетельствуют о механизме реализации правительственной политики в Якутии, о различных аспектах деятельности воевод, но и дают представление о том, как строились отношения московского правительства с местными вассалами в XVI—XVII вв.

Проанализировав грамоты и указы о назначении воевод в «Ленский разряд»¹⁰ за 1639—1699 гг., С.В.Бахрушин выявил интересную особенность, касающуюся якутского воеводства. В то время как в другие разряды из Москвы направлялись видные представители правящего круга в чинах бояр и окольничих, Якутск должен был довольствоваться в качестве воевод стольниками и дворянами московскими. Поэтому С.В.Бахрушин заключил, что Ленский разряд занимал второстепенное место среди прочих разрядов. Однако функции якутских администраторов, по мнению исследователя, были такими же, как у воевод остальных сибирских городов (оборона страны и края, обеспечение сбора ясака, распространение власти московского государя на новые территории, содействие торговле и промыслам, судопроизводство и др.), поскольку текст наказов являлся общим для всех зауральских регионов. Особенности же управления тем или иным городом определялись специальными приложениями — к наказу «приписывались памяти», содержащие предписания и распоряжения, непосредственно касающиеся различных вопросов, которые возникали в процессе освоения новых территорий.

К особенно важным источникам по истории Якутии С.В.Бахрушин относил отписки первопроходцев, ясачные книги, челобитные и сыскные дела как дающие много ценного этнографического материала. Помимо специальных работ по истории Якутии, большой пласт данного вида источников С.В.Бахрушин использовал в статье «Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII в.», где автор ссылается на якутские таможенные отписки

на промыслы, енисейский и якутский сыски о промыслах 1649 и 1651 гг., челобитные промышленных людей¹¹.

В 1927 г. вышла в свет статья ученого «Исторические судьбы Якутии», по мнению некоторых исследователей, положившая начало «подлинно научному изучению» истории аборигенов Восточной Сибири¹². Статья охватывала историю якутов с XVII в. до 1920-х гг., однако наибольшее внимание С.В.Бахрушин уделил жизни местного населения в XVII в. Как отмечал сам исследователь, при написании этой работы он использовал «несколько сот якутских челобитных»¹³. «Якуты в отличие от большинства народов Сибири, стоявших тогда на более низкой ступени культуры, чем они, постоянно обращались к суду московских воевод по делам, возникавшим в их собственной среде»¹⁴, — писал ученый. «Перед нами проходят дела о калыме, о месте, об уплате головщины, о третействе, о колдовстве шаманов и т.д.»¹⁵. Все это дает наглядное представление о развитии их общественного строя, резюмировал исследователь.

Ввиду отсутствия единой концепции истории якутов в дописьменный период, использования во всех предшествующих исследованиях главным образом фольклорного материала перед С.В.Бахрушиным стояла сложная задача воссоздания прошлого якутского общества по архивным данным. С опорой на челобитные и сыскные дела, а также ясачные книги (наиболее подробно С.В.Бахрушин проанализировал якутскую ясачную книгу 1648—1649 гг.) выдающемуся сибиреведу удалось показать и уровень социально-экономического развития якутов накануне прихода русских, и те изменения, которое претерпело их общество в XVII—XVIII вв. Историк подробно рассмотрел родовые отношения и состояние собственности в туземных племенах Восточной Сибири, оказавшихся в XVII в. под властью русских воевод, верования и обряды якутов.

Как показал С.В.Бахрушин, в XVII в. у них наблюдалось развитое скотоводческое хозяйство, рыболовство же, охота, ремесло и торговля играли второстепенную роль. Вопреки существовавшим в историографии взглядам, С.В.Бахрушин заключил, что в хозяйстве якутов крупный рогатый скот в XVII в. играл не менее важную роль, чем лошади. В подтверждение этой мысли ученый ссылаясь на ясачные книги 1648—49 гг., в одной из которых,

в частности, сообщается, что «у 76 якутов было всего 56 лошадей и 177 коров. Некоторое преобладание конного скота на рогатым наблюдается лишь у богатых якутов, но не настолько значительное, чтобы сделать из этого какие-либо заключения»¹⁶, — утверждал С.В.Бахрушин.

Исследователь отметил, что наряду с патриархальными порядками в области имущественных отношений у якутов наметились черты, свидетельствующие о начале разложения первобытнообщинных отношений, — право индивидуальной собственности на покосы и владение скотом.

В рецензии на опубликованный в 1936 г. сборник документов «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» С.В.Бахрушин высказался против концепции о ведущей роли рабовладельческих отношений у якутов, уточнив, что под «стадией далеко зашедшего распада патриархально-рабовладельческого строя» следует понимать патриархальное рабство, способствовавшее появлению феодальных отношений¹⁷. Ученый считал, что «якутское рабовладение было недостаточно развито, чтобы оказать значительное воздействие на общественный строй якутов»¹⁸. С точки зрения С.В.Бахрушина, существенные пробелы в документации отрицательно сказываются на изучении общественных отношений у якутов. В качестве примера историк ссылаясь на совершенно недостаточное использование в указанном сборнике (вышедшем под общей редакцией Б.П.Алькора и Б.Д.Грекова) якутских челобитных и сыскных дел по ним, дающих, на взгляд ученого, красноречивую картину развития общественных отношений у приленских народов.

В более поздней работе «Хозяйство и общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.» С.В.Бахрушин определил общественные отношения у якутов как феодальные «с сохранением некоторой патриархальной оболочки»¹⁹. По его наблюдению, в основе развития феодальных отношений у них лежал хасаас, т.е. отдача богатыми скотовладельцами скота на прокорм более бедным соплеменникам с предоставлением права пользования удоем. В ясачной книге 1648—1649 гг. исследователь обнаружил более 50 упоминаний о подобной форме зависимости.

Кроме того, челобитные ясачных якутов, на взгляд С.В.Бахрушина, позволяют воссоздать портреты местных управленцев,

в частности, очень яркую характеристику главе Ленского разряда Андрею Барнешлеву дает челобитная 1679 г., в которой воевода предстает жестоким вымогателем и притеснителем. Грабеж и насилие местных администраторов, их постоянная вражда между собой (в стремлении ограничить злоупотребления правителей «дальней заочной государевой вотчины» в Якутск одновременно назначалось два воеводы и дьяк), в орбиту которой втягивалось местное население, неоднократно приводило к восстанию якутов.

С.В.Бахрушин, детально проанализировав сведения о народных выступлениях, содержащиеся в царских грамотах, челобитных и материалах сыскных дел, возникавших после подавления волнений, пришел к выводу, что при «столь грабительской политике местной администрации, невозможности добиться правосудия, создавались условия, обострявшие классовую борьбу, в которой, помимо коренных жителей, принимали участие промышленные и служилые люди»²⁰. В подтверждение этого ученый ссылается на воеводские отписки 1642—1683 гг., содержащие множество сведений о мерах по пресечению недовольства среди местного населения и расправах над зачинщиками бунтов.

Еще одним интересным источником, также красноречиво характеризующим взаимоотношения якутской администрации с местным населением, С.В.Бахрушин находил сыскное дело о злоупотреблениях воеводы Д.А.Францбекова.

Ценную информацию, как считал С.В.Бахрушин, содержат таможенные книги — регулярные записи проезда торговых и промышленных людей с перечислением товара и пушнины, которые в комплексе с другими документами позволяют изучить процесс развития торговли в Восточной Сибири и складывания всероссийского рынка в целом. «Можно сказать, что каждый шаг торговца или промышленника в Якутии, как и во всей Сибири, оплачивался пошлиной»²¹, — констатировал С.В.Бахрушин. Следовательно, по данным таможенных книг, с точки зрения исследователя, можно не только получить сведения о провозимых товарах и ценах на них, о товарном ассортименте, но и рассмотреть всю торговую систему отдельных сибирских городов, ее динамику, составить представление в целом о развитии торговли в регионе. Кроме того, таможенные документы дают богатейший материал для изучения социальной истории Зауралья, позволяют сделать

вывод о размерах русского продвижения в Сибирь²². (При изучении истории Якутии чаще всего С.В.Бахрушин ссылался на якутские таможенные отпуски на промыслы 1640-х гг.).

Что касается религиозных верований якутов, то, как сетовал С.В.Бахрушин, в архивных источниках имеется очень мало сведений на этот счет. Некоторые данные сохранили челобитные, но в основном ученый ссылается на свидетельства путешественников, в том числе иностранных. Характеризуя религиозные верования якутов, С.В.Бахрушин выделял несколько характерных черт — пережитки тотемизма, выражавшиеся в поклонении птицам (культ орла, лебедя, ворона), уживались с анимизмом и верой в магию. Ссылаясь на описание, составленное служилыми людьми, ученый рассказывает о целом олимпе злых и добрых духов, с особым почитанием отдельных божеств (ангела-хранителя, госпожи богини родов и т.п.). Посредниками между миром духов и людьми были шаманы (ими могли быть и женщины), имевшие большое влияние на сородичей. Еще одним интересным документом, в котором нашли свое отражение религиозные верования и обряды якутов, является, в глазах исследователя, шертъ, которой, например, пользовались при разбирательстве судебных дел и присяге на верность.

Тщательно аргументированные выводы С.В.Бахрушина об уровне развития общественного строя у якутов, их материальной и духовной культуре, нашли подтверждение в работах других историков.

Так, Г.П.Башарин согласился с С.В.Бахрушиным в оценке уровня развития общественного строя якутов, находя, что «содержательные работы проникательного автора, написанные на основе изучения большого количества впервые выявленных архивных документов, ознаменовали собой, несомненно, одну из вех в советской историографии Якутии». Однако Г.П.Башарин считал, что С.В.Бахрушин преувеличил роль «гулящих и промышленных людей» в «русском завоевании» Ленского края²³.

В июле 1947 г., выступая с докладом на первой научной сессии Якутской базы Академии наук СССР, С.В.Бахрушин сформулировал проблемы изучения присоединения Якутии к России, отметив, что необходимо рассматривать это явление исторически, объективно судить о результатах присоединения Якутии к России

и показывать как отрицательные, так и положительные его результаты²⁴.

В 1953 г. под редакцией С.В.Бахрушина и С.А.Токарева вышла в свет книга о Якутии XVII в., полностью основанная на актовом материале, где была выдвинута концепция о прогрессивном историческом значении присоединения Приленского края к России. Сборник, имевший крупное научное значение, в основном был отредактирован С.В.Бахрушиным, им же были написаны три главы (1-я — «Открытие Якутии русскими и присоединение ее к России», 3-я — «Воеводское управление Якутии», 5-я — «Русское население Якутии в XVII в.»).

Появлению этой работы предшествовала дискуссия между С.В.Бахрушиным и С.А.Токаревым по проблемам социально-экономической истории и этногенеза якутов, нашедшая отражение в отзыве выдающегося сибиревода об исследовании С.А.Токарева «Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.». С.В.Бахрушин считал достоинством рецензируемого труда привлечение автором обширного актового материала, его всестороннее и углубленное изучение, а также признавал «большую роль» С.А.Токарева в разрешении вопроса об окончательном сложении якутской народности. Но при этом С.В.Бахрушин принципиально не соглашался с С.А.Токаревым в оценке якутского эпоса как важного исторического источника.

Таким образом, С.В.Бахрушин, одним из первых начавший изучать архивные материалы по истории Сибири, внес существенный вклад в исследование многих проблем прошлого восточной окраины России. Изучив огромное количество документов по истории Якутии, выдающийся историк первой половины XX в. дал целостное представление о процессе освоения русскими приленских территорий в эпоху позднего Средневековья, положении коренных народов, рассмотрел порядок управления этим отдаленным краем.

Примечания

¹ Архив Российской Академии наук (далее — АРАН). Ф. 624. Оп. 2. Д. 48.

² Там же. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 176.

⁴ Там же. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 259.

- ⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 537. Л. 2.
- ⁶ Там же. Д. 52. Л. 11—12.
- ⁷ Приглашение С.В.Бахрушина на первый Краевой научно-исследовательский съезд, созданный в Новосибирске, можно расценивать как признание заслуг ученого в разработке малоизученных проблем истории Зауралья.
- ⁸ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ В документах того времени якутское воеводство часто называлось Ленским разрядом.
- ¹¹ Бахрушин С.В. Снаряжение русских промышленников в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. М.; Л., 1951. С. 85—92.
- ¹² См.: Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 39; Он же. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945. С. 20; Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971. С. 40.
- ¹³ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 178.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 180.
- ¹⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Д. 59. Л. 114.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 187.
- ²⁰ Якутия в XVII веке (Очерки): Сборник / Под ред. С.В.Бахрушина и С.А.Токарева. Якутск, 1953. С. 245.
- ²¹ Там же. С. 363.
- ²² Там же.
- ²³ Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии... С. 40—41.
- ²⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 263.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Ищенко О.В. — кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета.

Козельчук Т.В. — кандидат исторических наук, доцент Курганского государственного университета.

Кротт И.И. — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного педагогического университета.

Митрофанов В.В. — кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (филиал в г.Нижневартговске).

Решетникова С.Н. — соискатель кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартговского государственного гуманитарного университета.

Храмцов А.Б. — кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного архитектурно-строительного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII—XX вв.	3
Глава 1. О некоторых спорных вопросах зарождения сибирского летописания (К 375-летию «Повести» Саввы Есипова).....	5
Глава 2. Об источниках «сибирских» известий «Книги записной».....	15
Глава 3. Архивные материалы о социально-экономической жизни города Сургута в XIX веке.....	36
Глава 4. Формулярные списки и изучение социальной мобильности населения Сибири (На материалах Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.).....	56
Глава 5. Источники по истории менталитета и социального поведения сибирского крестьянства в конце XIX — начале XX вв.	76
Глава 6. Ишимское отделение омского жандармского управления железных дорог (1910—1916 гг.): обзор архивного фонда.....	97
Глава 7. Источники о сельском хозяйстве в годы Великой Отечественной Войны (На материалах Ханты-Мансийского автономного округа)	130
Раздел II. ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVII—XX СТОЛЕТИЙ	143
Глава 1. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири конца XIX — первых десятилетий XX века в проблемном поле современной отечественной историографии.....	145

Глава 2. Участие студенческой и учащейся молодежи Сибири в партийно-политическом движении (конец XIX — начало XX вв.): к историографии вопроса	170
Глава 3. Документальные источники по истории Якутии в оценке С.В.Бахрушина	195
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	204

Научное издание

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 6

Редактор *Н.В.Титова*
Компьютерная верстка *А.З.Насибуллиной*
Художник обложки *А.С.Филатова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 07.11.2011
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 13
Тираж 500 экз. Заказ 1219

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

